

ХЬЮБЕРТ СЕЛБИ-МЛ.

РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

КУЛЬТОВЫЙ РОМАН ИЩУЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

"Реквием по Мечте" впервые был опубликован в 1978 году. Книга рассказывает о судьбах четырех жителей Нью-Йорка, которые, не в силах выдержать разницу между мечтами об идеальной жизни и реальным миром, ищут утешения в иллюзиях. Сара Голдфарб, потерявшая мужа, мечтает только о том, чтобы попасть в телешоу и показаться в своем любимом красном платье. Чтобы влезть в него, она садится на диету из таблеток, изменяющих ее сознание. Сын Сары Гарри, его подружка Мэрион и лучший друг Тайрон пытаются разбогатеть и вырваться из жизни, которая их окружает, приторговывая героином. Ребята и сами балуются наркотиками. Жизнь кажется им сказкой, и ни один из четверых не осознает, что стал зависим от этой сказки. Постепенно становится понятно, что главный герой романа — Зависимость, а сама книга — манифест триумфа зависимости над человеческим духом. Реквием по всем тем, кто ради иллюзии предал жизнь и потерял в себе Человека.

Хьюберт Селби

Реквием по мечте

*Эта книга с любовью посвящается Бобби,
который нашел единственный источник чистоты —
веру в любящего нас Господа.*

ВВЕДЕНИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

«Реквием по Мечте» впервые был опубликован в 1978 году. Очень приятно, что эта книга до сих пор продается и готовится ее новое издание. По книге также снимается фильм, так что она живет и дышит (как и я).

Есть нечто прекрасное и горькое в том, что все это происходит именно сейчас, во время «невиданного процветания», когда для многих Американская Мечта становится явью. Разумеется, лично я считаю, что стремление к Американской Мечте не только бесполезное, но и опасное занятие, поскольку в конце концов она разрушает все и всех, кто имеет к этому отношение. Так и должно быть по определению, потому что она питается чем угодно, кроме самых важных вещей: честности, нравственности, истины, — наши сердца и души. Почему? Потому, что Жизнь/жизнь существует для того, чтобы давать, а не получать.

Я не предлагаю отдать все бедным и бездомным, — а их миллионы среди повального изобилия, — облачиться в рубище и пойти по улице с чашей для подаяния. Это, в сущности, не многим отличается от стяжательства. Я не боюсь денег и всего того, что на них можно купить. Я не прочь иметь дом, набитый всякой всячиной, — хотя для начала мне следовало бы обзавестись домом. Я голодал, и не вижу в голоде ничего благородного. Так же как не вижу ничего благородного в обжиралове, хотя быть сытым все же лучше, чем голодать. Тем не менее верить в то, что погоня за вещами есть цель жизни, — безумие.

Мне кажется, у каждого из нас есть личная мечта, индивидуальное Видение, собственный способ отдавать, но по многим причинам мы боимся идти этим путем или вообще признать и принять его существование. Однако отрицать свое Видение — значит продать душу. Получать не отдавая — значит жить ложью, отрицая истину, тогда как Видение есть отблеск истины: понятное дело, ничто извне не может на самом деле подпитывать мой внутренний мир, мое Видение.

Что произойдет, если я повернусь спиной к своему Видению и стану тратить время и энергию на достижение того, что предлагает Американская Мечта? Я стану нервным, мне будет некомфортно в собственной шкуре, потому что вина за то, что я предал свое «я», оставил свое Видение, вынудит меня оправдывать собственное существование, то есть самоутверждаться, подходя к жизни как к вечному состязанию. Я буду приобретать снова и снова, чтобы усмирять и ублажать смутное ощущение пустоты, грызущее меня изнутри.

Конечно, не каждый испытывает муки такого рода, но многие страдают, хотя не понимают, что именно их гложет. Уверен, у психологов есть специальный термин, определяющий такого рода расстройство, но важна причина, а не классификация. В мире миллионы людей, которым сходят с рук отвратительные дела, и они процветают. Именно так все выглядит на первый взгляд. И все же я знаю абсолютно точно по собственному опыту, что в этой жизни бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и в конце концов нам всем придется сполна ответить за все свои поступки, за действие и за бездействие.

Эта книга о четырех людях, преследовавших Американскую Мечту, и о результатах этой погони. Они не видели разницы между Видением в их сердцах и иллюзией Американской Мечты. В результат все ценное, что у них имелось, было утеряно.

К сожалению, я подозреваю, что реквиема по этой месте не будет никогда, потому что она уничтожит нас до того, как мы получим возможность оплакать ее уход. Возможно, время докажет, что я ошибался. Как сказал Хемингуэй: «Этим ведь можно утешиться, правда?»

Хьюберт Селби-младший, Лос-Анджелес, 1999

Гарри запер мать в шкафу. Гарольд. Пожалуйста. Только не забирай снова телевизор. Хорошо, хорошо, открыл дверь Гарри, тогда перестань издеваться надо мной. Он направился к телевизору. И не лезь ко мне. Он выдернул шнур из розетки и отключил телескопическую антенну. Сара вернулась в шкаф и закрыла дверь. Некоторое время Гарри смотрел на шкаф. Хорошо, сиди там. Он покатиł телевизор на подставке, в какой-то момент едва не уронив его, когда подставка дернулась и резко остановилась. Что за черт? Он посмотрел вниз и увидел велосипедную цепь, идущую из металлической скобы на боку ящика к трубе радиатора. Он уставился на чулан. И что ЭТО ты делаешь, а? Что еще за цепь? Хочешь, чтобы я сломал телевизор моей собственной матери? Или радиатор? — она молча сидела на полу шкафа, — а может, вообще взорвать к черту весь дом? Хочешь меня убийцей сделать? Собственного сына? Твою плоть и кровь? ЧТО ТЫ СО МНОЙ ДЕЛАЕШЬ???? Гарри стоял перед чуланом. С ТВОИМ СОБСТВЕННЫМ СЫНОМ!!!! Маленький ключ медленно выпал из-под дверцы шкафа. Гарри поддел его ногтем и вытащил. Почему тебе так нравится играть на моих чувствах, черт побери, постоянно взваливать на меня груз вины? Неужели у тебя нет вообще никакого уважения к моим чувствам? Почему тебе все время нужно осложнять мне жизнь? Почему... Гарольд, я не хотела. Эта цепь не для тебя. Для грабителей. Тогда почему ты мне не сказала? Телевизор чуть не опрокинулся. У меня разрыв сердца мог быть. Сара в темноте покачала головой. Все в порядке, Гарольд. Тогда почему ты не выйдешь? Гарри тянет на себя дверь, дергает ручку, но дверь закрыта изнутри. Гарри поднимает в отчаянном жесте руки. Ну что я говорил? Видишь, как ты меня постоянно расстраиваешь? Он подошел к телевизору и снял цепь, потом снова повернулся к шкафу. Зачем поднимать из-за этого столько шума? А? Просто чтобы взвалить на меня груз вины, так? Так????? — Сара продолжала раскачиваться взад-вперед — ты же знаешь, что получишь телик обратно через пару часов, но тебе обязательно надо заставить меня мучиться виной. Он смотрел на шкаф — Сара молчала и продолжала раскачиваться — он махнул рукой, а, черт с ним, и стал осторожно толкать подставку с телевизором к выходу из квартиры.

Сара слышала, как мимо нее провезли телевизор, как открылась и захлопнулась дверь, но так и осталась сидеть, покачиваясь с закрытыми глазами. Всего этого не было. Она этого не видела, значит, этого не происходило. Она сказала своему мужу Сеймуру, умершему несколько лет назад, что ничего этого не было. А если и было, то не стоит беспокоиться, Сеймур, все снова будет в порядке. Это вроде рекламной паузы. Вскоре передача продолжится, и ты увидишь, Сеймур, все будет хорошо. Все получится. Вот увидишь, в конце все будет хорошо.

Партнер Гарри, черный парень по имени Тайрон Си Лав — точно, братан, так меня и зовут, и я не люблю никого, кроме Тайрона Си, — ждал его в коридоре, жуя «сникерс».

Вдвоем они без проблем вытащили телевизор на улицу, Гарри здоровается со всеми греющимися на солнышке уептас. Теперь самое трудное. Нужно протолкать столик на колесиках с телевизором три квартала до ломбарда, стараясь уберечься от кидалова, от малолетних придурков, которые могли опрокинуть его, от дыр в асфальте, куда могло попасть колесо, куч мусора, плюс долбаный столик мог просто развалиться — и все это не теряя терпения и упорства. Тайрон придерживал телевизор, а Гарри толкнул столик-подставку, Тайрон был и впередсмотрящим, предупреждая о попадающихся на пути кучах бумаги и мешков с мусором, которые угрожали благополучному завершению их миссии. Они взялись за разные концы столика и, приподняв его, перенесли через бордюр и на другую сторону улицы. Тайрон склонил голову и оглядел телевизор. Черт, эта хрень выглядит стремновато, чувак. Чего это вдруг? Эй, детка, да мне наплевать, даже если из него волосы полезут, лишь бы мы бабло за него получили.

Мистер Рабиновитц покачал головой, увидев, как они вкатывают телевизор в его ломбард. Смотри-ка, и столик тоже. Эй, чего вы от меня хотите? Не на спине же мне его тащить. У тебя есть друг, он тебе пусть поможет. Эй, мужик, я тебе не schlepper.

Гарри усмехнулся и покачал головой: каков жид, а? Ладно, так будет легче отвезти его обратно домой. Вот ЭТО мой чувак, всегда о маме беспокоится. Ай, какой сын, goniff. Ты ей нужен как рыбе зонтик. Хватит, Эйб, мы спешим. Просто дай нам денег. Спешим, спешим. Всегда куда-то спешим, неторопливое возвращение за прилавков, придирчивый осмотр каждого карандаша... Прямо такие важные дела, что мир развалится, если их срочно не решить. Он пощелкал языком, покачал головой, медленно пересчитал деньги... потом еще раз... и еще — Эй, перестань, Эйб, давай побыстрее. Что это за приколы такой, брат? Он сглотнул пальцы и считает снова и снова, будто на них цифры поменяются. Он даже себе не верит, блин.

Мистер Рабиновитц отдал деньги, и Гарри расписался в книге. Сделайте одолжение, откатите его вон туда.

Чиерт, знаешь, братка, каждый раз, когда мы встречаемся, моей маленькой красивой заднице приходится здорово попотеть. Они затолкали телевизор в угол и ушли.

Мистер Рабиновитц посмотрел им вслед, покачал головой, поцокал языком и вздохнул. Что-то не так... не кошерно все это, совсем не кошерно.

Зачем ты хочешь ехать туда, старина? А мне туда зачем? Потому что у них на каждом чеке печать голубая проставлена. Знаешь что, Гарри, ты очень наивный. Тебе надо быть серьезнее, когда ты говоришь о таком важном предмете, как кайф, чувак. Особенно когда речь идет о моем кайфе. На твой мне на плевать. На свой нет. А что самое лучшее в кайфе? В каком смысле, старик? У них здесь не меньше связей, чем там. Мы можем даже попробовать что-нибудь новенькое. Новенькое? Да, детка. Мы просто могли бы перейти улицу и посмотреть, кто больше всех почесывается и залипает, и тут же станет ясно, где самый реальный перец, такой, от которого крышу срывает, братишка. Да и на такси сэкономим. Такси? Тебе что, наследство обломилось? Эти бабки пойдут только на кайф, а не на какое-то там сраное такси. Сначала заботятся о вещах первой необходимости, а потом уже думают о роскоши.

Бля. Ты думаешь, я поеду в сраном метро вместе с всякими извращенцами И алкашами? Охренеть. у тебя совсем с головой непорядок. Тебя кинут, и двух станций не успеешь проехать. Эй, чувак, только не надо прикидываться типичным черножопым лентяем джо.

Тайрон хохотнул, брат, если мне все же придется-таки ехать в метро, то давай уж тогда я позвоню моему приятелю Броуди, и посмотрим, что у него имеется. Дай монетку. Да ты охренел, с каких это пор нам нужна медь, чтобы позвонить. Эй, детка, я не вяжусь с телефонными компаниями. Гарри, прислонившись, стоял у будки, пока Тайрон заговорщицки что-то шептал в телефонную трубку. Примерно через минуту Тайрон повесил трубку и вышел из будки с широкой ухмылкой на лице. Эй, чувак, закрой пасть, глазам больно. Засранец бледножопый. Уж ты-то точно сдох бы на любом хлопковом поле. Гарри догнал Тайрона и зашагал рядом. Какие новости? у моего человека не гера, а динамит, детка, и мы купим у него ложку. Они раздельно поднялись по лестнице из подземки на улицу. Гарри огляделся по сторонам, отстав от шедшего по улице Тайрона, потом зашел в ближайшую кафешку. Это был натуральный черный район. Даже легавые в штатском были черными. Гарри всегда чувствовал себя неуютно в этой забегаловке, где пил черный кофе с шоколадным пончиком. Это было единственным неприятным моментом в замутах через Броуди. Обычно у него был порошок отличного качества, но Гарри нельзя было идти дальше кафешки, иначе они спалят всю тему, или, что было не менее паршиво, ему наверняка разобьют башку. Вообще самым умным было остаться в городе, но Гарри невыносима была мысль торчать так далеко от денег и кайфа. А вообще, неприятно сидеть тут и чувствовать, как напрягаются мышцы живота и беспокойство расползается по телу, но все же в тыщу раз лучше, чем *не* сидеть.

Он заказал еще чашку кофе и еще один пончик, слегка повернувшись на стуле, когда черный, как его пончик, и здоровенный, как хренов грузовик, Маккоп уселся рядом с ним. Господи Иисусе, везет же мне. Хотел расслабиться и выпить чашку кофе и тут же ко мне пристраивается этот бабуин. Черт! Он пил свой кофе и смотрел на ствол в кобуре легавого, воображая, что было бы, если бы он внезапно выхватил его и начал палить: бах, бах, снес бы говнюку башку к свиньям собачьим, потом кинул деньги на прилавок и сказал бы чиксе, мол, сдачи не надо; или втихую вытащить пистолет и отдать его легавому, сказав, типа, нашел его на полу, не ваше ли; или круче всего — спереть эту хрень и послать по почте его начальнику с запиской, мол, двое ребят спалились с ним, так что он бы получше приглядывал за своими игрушками... Да, это было бы весело, Гарри посмотрел на этого огромного сучару, болтающего с девкой за прилавком и гогочущего, как гиена, и ему стало интересно, что бы подумал легавый, если бы до него доперло, что его жизнь в руках Гарри. Потом Гарри вдруг заметил, что лапа легавого — он держал кружку с кофе — больше, нах, чем баскетбольный мяч, и, заглотив остатки пончика и запив их остатками кофе, вывалился из кафешки, все еще ощущая *гору неприятностей* за спиной, а Тайрон уже вприпрыжку спускался по лестнице в подземку.

Квартира Тайрона была не более чем комната с раковиной. Они сидели за маленьким столом шприцы, ложки в стакане с розовой от крови водой, — клюя носами, втыкая. Расслабленные пальцы едва удерживают сигареты. Периодически почесываются носы. Голоса севшие и глуховатые. Чиеерт, вот это перец, детка. Просто ди-на-мит. Да, брат, это вещь. Сигарета обожгла Гарри пальцы, и он уронил ее на пол, дерьмо, затем медленно наклонился и с минуту смотрел на нее, потом наконец подобрал окуроч, осмотрел его, медленно достал из пачки новую сигарету, засунул в рот, прикурил ее от старой, бросил окуроч в пепельницу и лизнул обожженное место. Некоторое время он рассматривал носок своего ботинка, затем носок второго ботинка... Выглядели они хорошо, вроде как *мягко*, да — потом его внимание привлек большой таракан, агрессивно промаршировавший мимо, и,

пока Гарри решал, не наступить ли на него, таракан исчез за плинтусом. Этот сукин сын запросто мог прогрызть дыру В моем ботинке. Он с трудом поднял руку с сигаретой и сделал затяжку, глубоко вдохнул дым, ощущая каждую его молекулу, наслаждаясь щекотными ощущениями в горле, божественным вкусом табачного Дыма. Есть что-то в героине, что делает сигаретный дым таким офигенно вкусным. Знаешь, что нам нужно сделать, мужик? А? Нам нужно разделить герик пополам, разбодяжить его и половину продать, врубаешься? Да детка, половины достаточно, чтобы раскумариться в слюни. Точно, МЫ немного оставим для себя, а остальное сольем. Мы удвоим наши деньги. Легко. Точно, детка. А потом купим еще пару граммов — и понеслась. Это будет круто, братишка. Нам просто надо быть с ним поаккуратней, не торчать постоянно, только иногда, время от времени, чтобы не подсесть, и у нас будет куча бабла уже через пару недель. Могу поспорить на твою сладкую жопку. У нас будет бабла до задницы, просто купаться в деньгах будем, братуха. Точно тебе говорю. И мы не сплؤщимся, как остальные лохи. Мы не подсядем и не завалим дело. Мы будем держать себя в руках и крутить бизнес, быстренько замутим фунтик чистого и будем просто сидеть и считать денежки. И нам не надо будет банчить на улицах. Ты чертовски прав, засранец. Мы возьмем героин напрямую у итальяшек, разбодяжим и расфасуем сами, а продавать за нас будут торчки, у которых из носа кровуха, а сами расслабимся, будем считать бабло и кататься на здоровенном розовом «эльдорадо». Ага, а я куплю себе шоферскую униформу и буду возить твою черную жопу по всему городу. И уж постарайся не забывать придерживать дверь, не то я поджарю твой задок... О да, меня зовут Тайрон Си Лав, и я никого не люблю, кроме Тайрона Си. Ну уж я-то точно собираюсь любить не Тайрона Си. Я сниму себе отличную квартирку в районе Сентрал Парка и буду проводить все свободное время, вынюхивая хорошеньких кисок. Блин... А ты не охренеешь? У тебя болт отвалится. Да я просто буду ложиться рядышком и гладить ее дырочку, а иногда покусывать. Бля. Вот стыдоба-то. Этот чувак собирается лежать в хорошей квартирке с хорошенькой лисичкой и тыкаться носом в ее грязную дыру. Да что ты от меня хочешь, ну нравится мне целовать их там. Боже милостивый, ну ты и грязный ублюдок. У вас, евреев, серьезная проблема — вы понятия не имеете, как правильно обращаться с женщинами. Черт, мужик, уж мы-то как раз знаем. Это у вас, африканцев, с хорошими манерами проблемы... Ты что думаешь, почему у евреев всегда лучшие девочки? С деньгами это не связано. Просто мы любим лизать киски. Чиеерт, да ты просто придурок, чувак. После того как мой портной снимет с меня мерку, чтобы сшить мне еще несколько отличных костюмов, у меня перед квартирой выстроится очередь из таких кисок, что у тебя коленки затрясутся. Это будут очень классные девочки. И каждый день разного оттенка. Как думаешь, сколько времени нам понадобится, чтобы купить фунт чистяка? Блин, чувак. Это ерунда. Просто поначалу надо будет немного побанчить самим — и все срастется. К Рождеству мы уже будем считать денежки и трепаться о такой вот ерунде. С Рождеством, брат. Сигарета снова обожгла пальцы Гарри, бля, он снова уронил ее на пол, вот же сука.

Два подростка вошли в ломбард вместе с Сарой. Мистер Рабиновитц прошаркал навстречу, добрый вечер, миссис Голдфарб. Добрый вечер, мистер Рабиновитц, хотя я не уверена в том, что он действительно *добрый*. А как вы? Ох, он прикрыл глаза, ссутулился и опустил голову, ну что я могу сказать? Я один в своей лавке, а мой жена пошла на шоппинг mit наша дочь Ракель для нашего малыша Иззи, и они все еще не вернулись. На обед я буду кушать холодный язык, но без ржаного хлеба... немножко редьки и горчица, но без хлеба,

ай... Он пожал плечами, покачал головой, и на ужин, наверно, холодный суп, если она не вернется, вы хотите свой телевизор? А сколько уже вашему Иззи? О, он такой хорошенький, так бы и съел его маленькие пухленькие ножки. Да, если вы не возражаете. Я взяла с собой этих милых молодых людей, чтобы они помогли мне довести телевизор до моей квартиры, — такие милые мальчики, помогают несчастной матери — слава Богу, он прикатил его сюда на подставке, нам легче будет доставить его домой. У меня сейчас с собой только три доллара, но на следующей неделе я... Берите, берите, он снова пожимает плечами, опускает голову: я действительно надеюсь, что он не увезет его снова, прежде чем вы заплатите за этот раз, не так, как тогда — он закладывал телевизор уже три раза за месяц, и сколько времени понадобилось, чтобы вам расплатиться? Иззи на следующей неделе уже годик будет, во вторник — 0-000, вздох Сары был глубоким и долгим, — кажется, еще вчера Ракель играла в куклы, и вот... Сара Отдала три доллара, свернутые и припрятанные в блузке, мистеру Рабиновитцу, и он, прошаркав за прилавком, сунул их в кассу, аккуратно сделав пометку в блокнотике с надписью ТВ САРЫ ГОЛДФАРБ на обложке. Все страницы ней были заполнены колонками цифр и дат за несколько лет, фиксировавшими выдачу денег Гарри, когда тот закладывал телевизор, и суммы, уплаченных его матерью при выкупе. Подростки начали толкать подставку с тележкой к выходу из ломбарда на улицу. Миссис Голдфарб, могу ли я задать вам вопрос — надеюсь, вы не воспримете его слишком лично? Сара пожала плечами: сколько лет мы знаем друг друга? Он покачал головой вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Да уж, и не припомнить. Почему вы не рассказать об этом полиции, может, они поговорить с ним, и он перестанет красть ваш телевизор, а может, они посадить его на несколько месяцев подумать, а потом он стать хороший мальчик, любить вас и больше не красть ваш телевизор? О-ooo — ещё один долгий глубокий вздох — мистер Рабиновитц, я не могу — она пылко прижимает руку к груди — Гарольд мой единственный сын и родной человек. Он единственный, кто у меня остался. Все остальные умерли. Остались только я и Гарри... Мой сыночек, моя кровиночка. И кто знает, сколько у меня осталось времени, — ай, такая молодая женщина — она отмахнулась от его замечания, чтобы помочь моему сыну. Он последний В роду. Последний из Голдфарбов. Как я могу превращать его в преступника? Они посадят его с ужасными людьми, которые научат его ужасным вещам. Нет, он слишком молод. Он хороший мальчик, мой Гарольд. Он просто немножко озорник. Когда-нибудь он встретит хорошую еврейскую девушку, успокоится, и я стану бабушкой. До свидания, мистер Рабиновитц, — она помахала рукой, выходя на улицу, — передайте привет миссис Рабиновитц. Аккуратнее на выходе, мальчики. Эйб Рабиновитц кивал, глядя вслед ей и мальчишкам, пока они шли мимо немытых окон его лавки — до тех пор, пока они не исчезли из вида. Он перестал кивать и укоризненно покачал головой. Ай, что за жизнь такая. Надеюсь, она уже пришла. Мне не хочется есть холодный суп. В моем возрасте мужчине нужна горячая еда для желудка и горячая вода для ног. Ай, мои ноги. Аххххххх... Что за жизнь. *Tsouris... tsouris...*

Когда подростки ушли, Сара снова пристегнула телевизор цепью к радиатору. Она включила его, подключила антенну и, усевшись в кресло, посмотрела рекламу Procter & Gamble и какой-то сериал. Она поджимала губы, глядя, как люди на экране чистят зубы и проводят по ним языком, доказывая, что на них не осталось налета, и искренне радовалась, когда у миленького малыша не обнаруживалось кариеса, но он был такой тощенький, ему нужно бы нарастить мяса. У него нет кариеса, хвала Господу, но ему нужно побольше мяса на костях. Как и Гарольду. Он такой ХУДОЙ. Я ему говорю: ешь, ешь, у тебя же все кости

наружу. Ради Бога, это же мои пальцы. Ты что, хочешь, чтобы у меня жир свисал с пальцев? Я просто хочу, чтобы ты был здоров, тебе надо поправиться. Интересно, есть ли у Гарольда кариес? Его зубы на вид не слишком здоровые. Он курит так много сигарет. Мальчик снова оттянул губу. Какие красивые белые зубки. Когда-нибудь он вырастет и, может быть, начнёт курить, и у него тоже будут жёлтые зубы, как у Гарольда. Нет, у него не должно быть кариеса, — и она продолжала смотреть в телевизор, где коробки отбеливателя, взрываясь, превращались в сверкающие белизной рубашки, а бутылки чистящего средства — в экзотических педерастичных персонажей, стирающих все свидетельства человеческого присутствия со стен и полов; усталый муж приходит домой после трудного трудового дня на работе и так потрясён белизной рубашек и чистотой полов и стен, что забывает обо всех бедах мира, он обнимает жену — о, разве она не худышка? Аккуратней, не сломай её. Она выглядит такой милой. Хорошая девушка. Содержит дом в чистоте. Моему Гарольду надо найти себе такую. Хорошую милую еврейскую девушку вроде этой. Муж подхватил супругу на руки, и они стали кружиться, а потом растянулись на сверкающем полу кухни, и Сара наклонилась вперёд, надеясь увидеть что-нибудь интересненькое, но они просто смотрели на свои отражения в линолеуме; потом на столе появились артистично сервированный телеужин, а когда муж с энтузиазмом воскликнул, как она прекрасно готовит, домохозяйка улыбнулась Саре, вроде как заговорщически, Сара улыбнулась и подмигнула в ответ и не сказала ему, что это был телеужин, и счастливая пара смотрела друг другу в глаза, поедая ужин, Сара была за них счастлива, потом пересчитала деньги и поняла, что ей придётся жить без обедов несколько дней, но телевизор того стоил. Ей впервые приходилось жертвовать едой в пользу телевизора, а потом сцена сменилась, к больнице подъехала машина, и обеспокоенная мать поспешила по стерильным и тихим больничным коридорам к серьезному, как могила, доктору, рассказавшему о состоянии ее сына и что необходимо сделать, чтобы спасти мальчику жизнь, и Сара наклоняется ближе к экрану, внимательно смотрит и слушает, сочувствуя матери, и постепенно теряет терпение, доктор так подробно излагает причины возможной неудачи. Господи, это так ужасно... ужасно. Доктор наконец закончил излагать доводы за и против и теперь наблюдал, как несчастная мать мучается, принимая решение, давать согласие на операцию или нет, — Сара наклонилась еще ближе к телевизору, сцепив руки: соглашайся же... Да, непременно. Он хороший врач. Если бы вы видели, как он вчера прооперировал ту маленькую девочку. Он прекрасный хирург. отличный парень. Наконец женщина кивнула, вытирая текущие по щекам слезы: хорошо, хорошо. Тебе надо поплакать, куколка. Он спасет твоего сына. Вот увидишь. Это я тебе говорю. Он прекрасный хирург. Сара смотрела, как лицо женщины становится все больше и больше, ее страх и напряжение были столь явными, что Сару пробрала дрожь. Когда кадр сменился и на экране появилась операционная, Сара посмотрела на часы и с облегчением вздохнула — до конца осталось всего несколько минут, и скоро счастливая мать будет улыбаться, глядя на своего сына, а доктор ей скажет: все позади — и он поправится; а в следующую минуту снова покажут больницу снаружи, только на этот раз мальчик будет идти рядом с матерью- нет, нет, она повезет его в инвалидном кресле к машине, и: все будут счастливы, когда они поедут домой, а доктор будет смотреть им вслед из окна своего кабинета. Сара откинулась в кресле и улыбнулась, приятно расслабившись от уверенности что все теперь будет хорошо. Иногда у них с Гарри бывают ссоры, но он хороший мальчик. Все будет хорошо. Скоро он встретит хорошую девушку, успокоится, и Сара станет бабушкой.

Солнце уже зашло, типа, наступил вечер, но Гарри и Тайрон мучились от света, который резал им глаза. Они спрятались за солнцезащитными очками. Хуже всего днем, когда светит солнце, и этот свет отражается от окон, машин, зданий, этот чертов свет давит на твои глаза, словно двумя большими пальцами, и ты ждешь одного — ночи, когда твои глаза смогут отдохнуть от дневной атаки и оживут при восходе луны, однако ты никогда не получаешь полного облегчения, которого так ждешь. Ты начинаешь чувствовать, как дневная апатия начинает улетучиваться, когда работяги и голубые воротнички, отпахавшие с девяти до пяти, садятся за ужин с женами и детьми, и жены выглядят как и всегда: толстожопые, потрепанные овцы, швыряющие на тарелки то же самое дерьмо, что и всегда, а чертовы ублюдки верещат, как макаки, и спорят, чей кусок мяса больше, и у кого больше масла на хлебе, и что будет на десерт, а после ужина банка пива и вечер перед телевизором с порывиванием, ковырянием в зубах, попердыванием и мыслями о том, что стоило бы пойти на улицу и снять какую-нибудь офигенную телочку, да вот только слишком устал, а потом их жены плюхаются рядом на диван и рассказывают то же самое дерьмо, что и всегда. Ничто не меняется. К тому времени, когда эта сцена проигрывается по всему Яблоку, улицы пустеют, но чертовы огни остаются. Да, фонари, это неприятность, но все же лучше, чем солнечный свет. Все, что угодно, лучше этого. Особенно в середине лета. Ты только что выдал целую тираду, друг мой. А я бы вот щас танцевал в темном углу какого-нибудь клуба под кайфовый грув с какой-нибудь клевой лисичкой, а то и дал бы ей потрогать своего большого дружка. Господи, старик, у тебя на уме одни дырки и ничего больше. Ради всего святого, ты вообще когда-нибудь пытался думать той частью, которая находится выше пупка? Блин! Что за херню ты несешь? Разве я должен ограничивать себя только потому, что тебе укоротили твое еврейское хозяйство? Мой хер не просто шланг для ссання. Черт, дай пять. Гарри шлепнул по подставленным ладоням Тайрона, и Тайрон повторил его жест. Ну что, чувак, так и будем стоять здесь, считая проезжающие тачки или займемся чем-нибудь интересным? Эй, че ты несешь? Ты же знаешь, я не считаю. Господи, мужик, да успокойся ты, а? Тебе не кажется, что они разбодяжили этот кайф веселящим газом? Да и хрен с ним, пойдем лучше туда, где есть хоть какая-нибудь жизнь. Че говоришь? Эй, малыш, у меня отходняк. Поехали — ка лучше через город к моргу? Эй, йе, ангелы сегодня на посту. В морге всегда что-нибудь происходит. Давай замутим это дело, детка.

Гарри Голдфарб и Тайрон Си Лав вскочили в автобус. Гарри хотел было сесть в передней части, на сиденье позади водителя, но Тайрон схватил его за руку и, выдернув из кресла, встряхнул его, глаза навывкате: ты в своем уме, чувак? Он тряс Гарри и дрожал сам, бросая быстрые взгляды по сторонам: ты хочешь, чтобы нас убили? Хочешь, чтобы нас линчевали, повесив на фонаре? Что, вообще колпак свернуло, что ли? Эй, братка, расслабься. Что на тебя нашло? Что на меня нашло — автобус притормозил у остановки, и Тайрон оттолкнул Гарри вглубь салона, глядя через плечо на входивших пассажиров, что на меня нашло? Ты псих? Это же южный Бронкс, чувак, я имею в виду *южный* ЮЖНЫЙ, врубаешься? Вот дерьмо. Давай-ка, чувак. Они пошли по проходу в конец автобуса, отскакивая, наклоняясь и спотыкаясь. Извините, извините. Простите, не хотел... Остальные пассажиры автобуса продолжали читать газеты, разговаривать, смотреть в окна, читать рекламные объявления, сморкаться, протирать стекла очков и глядеть прямо перед собой в

никуда, покуда они шатаясь брели по проходу. Когда они наконец дошли до задней части автобуса и сели, то оба с облегчением громко вздохнули. Хей, масса Гарри, как так получилось, что ты сидишь на заднем сиденье автобуса с черными? Что ж, я скажу тебе, брат Тайрон, это случилось потому что все мы братья, и под этой белой коже бьется такое же черное сердце, как и у тебя, ха-хахаха, дай пять, и они снова хлопнули друг друга по рукам. Чиеерт, мужик, да ты не белый на самом деле, ты просто бледный... и запомни, красота на поверхности, уродство глубоко внутри, снова хлопки по рукам. Гарри изобразил руками телескоп и стал рассматривать в него рекламу, расклеенную по всему автобусу. Ты че творишь, придурок? Это единственный способ рассматривания рекламы, чувак. Так тебя ничего не отвлекает от рассматривания телочек. Гарри понизил голос: не стесняйся, обхвати ее обеими руками. Блин, чувак, иди ты... Думаешь, я над тобой прикалываюсь, да? Давай же, попробуй сам. Это единственный способ, старик. Seriously. Ты ведь никогда не замечал все эти красивые рекламки на потолке автобусов, а их так много. Гарри оглядел рекламные наклейки, словно моряк горизонт. Эй, глянь вон на ту. Уверен, ты пропустил ее. Интересно, а она делает это или не делает? Только ее гинеколог знает наверняка. Небось постоянно в её штучку заглядывает. Ага, помаши ручкой, если у тебя нет этой штучки. Они растянулись на креслах и продолжали трепаться и шутить весь путь до морга.

Они вышли и некоторое время стояли на углу, пока автобус медленно отъезжал от остановки, обдав их парами дизеля. Ребята прикурили по сигарете, наслаждаясь вкусом первой затяжки, и, оглядевшись по сторонам, перешли на другую сторону улицы. Они зашагали вниз по слабо освещенной стороне, перепрыгнули низкое ограждение, оказавшись на дорожке, ведущей к тоннелю, затем быстро через тоннель и направо, к маленькому узкому проходу, и уже звонят в звонок с пассажем из Пятой симфонии Бетховена: ДА-ДА-ДА-ДААААА. В старом сериале «Шпион Смэшер» каждая серия открывалась темой и Пятой, и одновременно на экране появлялась буква V, а под ней ее эквивалент в азбуке Морзе, точка точка точка тирс. Ангел любил этот сериал. ОН думал, что действительно круто победить в войне с помощью Бетховена. Это был его секретный сигнал для всяких случаев. Некоторое время Ангел рассматривал их в глазок, потом слегка приоткрыл дверь. побыстрее, пока сюда не попал свежий воздух. Они проскользнули внутрь, и Ангел закрыл за ними дверь. Горячий, душный летний воздух остался за дверью, и внезапно стало прохладно, даже очень. Они прошли мимо оборудования, вверх по стальной лестнице, ведущей в офис. Воздух был густым от дыма, экзотично извивавшегося в голубом свете, который красиво завихрился, когда открылась и закрылась входная дверь. Томми, Фред и Люси сидели на полу и слушали музыку из радиоприемника, стоявшего на столе. Что ты говоришь, парень? Хей, малышка, что происходит? Как дела, сладкая? Эй, брат мой, как поживаешь? Все классно, Гарри. Что тут у нас, детка? Ништяк, бейби. Гарри и Тайрон сели на пол и, привалившись спиной к стене, покачивались в такт музыке. Какие дела сегодня, Ангел?

Да у нас тут постоянно какие-нибудь дела, друг. Это место оживает, когда здесь появляется Ангел, а? Вы как? Есть че? Пока нет. Скоро все будет. Годжит уже едет сюда. Эй, офигенно. У него всегда хороший перец. Звонок из «Смэшера» поднял Ангела па ноги, и он вышел из офиса. Через минуту он вернулся с Мэрион и Бетти. Хей, что творится, красавчик? у меня все круто, малышка, как сама? Что говоришь? Знаешь, все зашибись, как всегда. Они присоединились к остальным на полу, Мэрион села рядом с Гарри. Тайрон посмотрел на Фреда. Классно выглядишь, дружище. Ты же меня знаешь. Сила и здоровье. И чем ты

занимаешься, меняешь бальзамы? Чиерт, старик, у них там в гробах некоторые трупы выглядят лучше, чем ты. Оооо, это серьезное дерьмо, мужик. Этот чувак заходит в ту комнату и пугает жмуров. Э, старик, это должность У него такая. Не давай ему обосрать тебя, открой рот. Знаешь что, детка, ты просто дегенерат. Хихиканье перешло в смех, и смех становился все громче и громче. Эй, чувачок, кто тебя отпустил гулять без поводка? Оооо, ну это — ТОЧКА ТОЧКА ТОЧКА ТИРЕ. Ангел крутанулся на месте и выскочил из комнаты где сразу воцарилась никем не прерываемая тишина, так как каждый чувствовал присутствие Годжита и ждал его появления в дверях, как чертика из табакерки. Да вот он. Эй, дружище, как жизнь? Здорово, детка. Поздоровайся со мной братуха — *шлеп*.

Ты в порядке, малыш? Чиерт, в порядке ли я? Какого хера, ты думаешь, я здесь торчу, глядя на все это? Ага, место какое-то *мертвое*, хе-хе. У меня с собой не героин, а *бомба*, старик. Я серьезно, это ди-на-мит, прямо от айтальянцэфф. Все полезли за деньгами, Годжит выложил героин на стол и собрал бабло. Поехали. Все вышли из офиса и разбрелись по слабоосвещенной холодильной комнате, доставая из щелей, трещин, из-под половиц, медицинских приборов и кирпичей свои шприцы, пузырьки с водой и ложки. Неважно, сколько других наборов для инъекций наркоты пряталось по всему городу, но каждый из них обязательно имел еще один, спрятанный в Окружном морге Бронкса. Они вернулись в офис, наполнили бумажные стаканчики водой, и каждый застолбил по маленькому кусочку пространства на полу. Радио все еще играло, но напряжение в офисе было столь сильным, что никто не обращал на музыку никакого внимания, сконцентрировавшись только на своих ложках, куда аккуратно сыпались порции героина, добавлялась вода, которая кипятилась, пока героин не растворялся полностью, затем через ватный фильтр жидкость выбиралась в шприц. Каждый знал, что он в комнате не один, но не обращал никакого внимания на происходившее вокруг. Найдя подходящую вену, они втыкали иглу и наблюдали, как первые капли крови, пульсируя, смешиваются с раствором, — их глаза были прикованы к этому зрелищу, все их ощущения были настроены только на получение кайфа, желудки выворачивало от нетерпения. Потом они нажимали на поршни своих шприцев, вводя героин в кровь, и ждали первой волны прихода, затем снова наполняли шприц кровью и прокачивали его, чтобы не потерялось ни капли раствора, потом плыли по медленному течению прихода, чувствуя, как тело испаряет влагу, и, промыв шприцы, ставили их в стаканы с водой, прислонялись спиной к стене, закуривали, их движения замедлились, глаза прикрыты, а внутри все так тихо и спокойно; воздух ласкает, жизнь свободна от всяких забот; их разговоры еще медленнее, тише. Гарри сунул палец в нос. Эй, брат, дерьмо-то просто убойное. Годжит, братишка, ты классный чел. Ты чертовски прав, я очень классный. Ты видел все остальное, а теперь ты видишь самое классное. Смешки и хохотки были низкими и ленивыми, и — о, такими крутыми. Эй, чувак, достань мне победителя. Палец правой руки все так же был похоронен в носу по вторую фалангу, брови сошлись на переносице в глубокой концентрации, все его существо было вовлечено в чувственное удовольствие, почти оргазмическое удовлетворение от поиска твердой субстанции, которую нужно подцепить за подсохшие края, затем аккуратно вытащить наружу из темных глубин ноздри к ласковому голубому свету для того, чтобы потом можно было с наслаждением раскатать ее между пальцев. Звук его голоса ласкал слух, отражая его внутреннюю умиротворенность и удовлетворение. Все классно, парень. Разных людей по-разному глядят, да, чувак? Мэрион поцеловала Гарри в щеку, мне кажется, ты очень красивый, Гарри. Мне нравится смотреть на парня, который доставляет себе удовольствие. В смехе послышалось

легкое напряжение, однако он был хриплым и, ооооо, таким медленным. Блин, че б вам всем не отвалить и не оставить парня в покое. Пусть делает что хочет. Пусть кайфует. Это же сколько терпения надо, чтобы по козявкам прикалываться, Ага, каждый раз, когда ему нужно потерять фунтов десять, ему всего лишь надо поковырять в носу. Надо моей сестре сказать. Она как два меня. Она каждый раз напрягается, когда меня видит. Так подсадил бы ее на гердос, и от ее жирной жопы в момент ничего не останется. Эй, чувак, а может, ты себя пальцем трахаешь? Эй, Гарри, одолжить тебе пальчик? Блин, а почему бы вам всем не оставить его задницу в покое, нах? Чиеерт, это так же хорошо, как в киске ковыряться, да, Гарри? Давай, детка, давай!!!

Гарри ухмыльнулся в ответ на насмешки и прервался, чтобы затянуться сигаретой, потом почесал кончик носа тыльной стороной ладони. Вас всех надо в тюрьму посадить за ущемление религиозных свобод. Бетти шутливо пере крестила его: во имя отца и сына и святой сопли. Гарри присоединился к общему веселью, а Ангел прибавил звук у радио, покачивал головой и прищелкивал пальцами. Эй, Ангел, есть там у тебя интересные клиенты? Нее, они все там отмороженные, хар, хар, хар. Голова Ангела качалась вверх-вниз, когда он смеялся, одновременно пытаясь что-то говорить, и его слова смешивались со смехом, они все — куча жмуриков. Блин, да я уверен, что они выглядят Лучше, чем ты, малыш. Не говори так. Мне кажется, Ангел симпатичный. Ага, ха ха ха, как Граф Дракула. Я предлагаю фас добро пожаловать. Выпит фаш крофф, пока она не стала свернуться комки. Люси захихикала, трясая головой, а если бы этот чувак попал сюда, хехехехе, то он был бы голодный, как твою мать. Не ссать. Если он укусит Годжита, то передоз ему гарантирован. Забавное зрелище — вампир на кумарах. Гарри приобнял Мэрион и притянул К себе: спокойно, детка, или я укушу тебя за горло, — И начал покусывать ее шею. Она хихикала и отбивалась, и вскоре оба устали и просто прислонились к стене, широко улыбаясь. Кроме шуток, Ангел, у тебя бывает что-нибудь особенное, молодые да хорошенькие жмурики? Чиеерт, да этот мудило настоящий упырь, чуваки. Все хихикали и почесывались. Все нормально, брат, я понимаю. Некоторые любят погорячее, а некоторые — похолоднее. Хей, Годжит, чего это ты подсыпал в дозник Фреда? Мэрион смеялась и давилась дымом, эй, Фред, Иди-ка ты на другую сторону комнаты. Мне будет намного Спокойнее. Они все смеялись и хихикали и почесывали носы, прикалывались над Фредом и затягивались сигаретами. Дым стал страшно густым, и из-за голубого света казалось, будто офис морга каким-то образом превратился в кусочек неба. Да мне наплевать, что там в дерьмо намешали, я хочу понять, что он задумал? Для начала он должен найти. Вчера здесь была настоящая куколка, чувак Просто обалденная. Класс. Рыженькая. Настоящая рыжая, и сложена как кирпичный сортир. У нее была пара воот такенных буферов и задница просто бесконечная. Фред говорил и жестикулировал настолько быстро, насколько ему позволял наркотик, да ладно гнать-то. И сколько ей было лет? Эй, откуда я знаю. Может, девятнадцать-двадцать. Вот бля, ну разве это не пипец, а? Этот мудило беспокоится о ее возрасте. Он типа правильный, не хочет, чтоб его сцапали с малолеткой. Верно, Фред? Все ухмылялись так широко, что чуть губы не лопались, и похохатывали, качая головами. И где же она? Может, Фред не прочь встретиться с этим мяском? МЯСО? Бетти качала головой и посмеивалась: знаете, ребята, вы просто больные. Эй, не выбрасывай это. Это экологически неправильно. Нужно все отдавать в переработку, чувак. Смех становится еще громче. Бля, вы, беложопые мудаки, просто ненормальные, серьезно. Вы говорите, как куча долбаных каннибалов. Эй, мужик, че шумишь? Я просто задал дружеский вопрос. Очередной взрыв

смеха. Отчего она умерла-то? Да кто вообще сказал, что она мертва? Она была посетительницей, хар, хар, хар. Отлично, да? Заставил я вас поржать, да? Знаешь что, чувак, тебе здесь самое место, потому что твоя башка давно того, детка, я серьезно так считаю. Чья-то рука дотянулась до радио и сделала звук громче, и музыка пробила себе путь через голубой дым и смех. Эй, это мой чувак щас поет. Все покачивали головами в такт песне. Да, скажи им, малышка, нам всем нужно на кого-то *опереться*. О, *обопрись на меня*, крошка, обопрись на меня! Вы врубаетесь, этот черт говорит о ее грудях, всегда открытых? Что это еще за хрень, она закрыла свои ноги? Эй, Ангел, успокойся, ладно? Глаза у каждого были прикрыты от дыма и кайфа, а их лица кривлялись и ухмылялись, когда они пытались понять смысл слов. Эй, малышка, у тебя не найдется па парковке местечка для меня? Фред ухмыльнулся и пощелкал языком, а Люси продолжала смотреть на струйку дыма, танцующую на кончике ее сигареты, пытаясь определить разницу в оттенках дыма, исходящего из разных концов сигареты, горящего и фильтра. Дай мне немного кокаина и капельку сочувствия и открой мне свою красоту. Снова смех. Оооооо, это та еще сучка, чувак. Внезапно все замолчали после строчки, мечтай, мечтай, каждый по-своему думал о том, что мечтать самому не обязательно, с этой работой прекрасно справляется распрекрасного качества героин...

Затем они снова развеселились, слушая песню дальше, и веселились и глумились от души, да, теперь ты верно говоришь, чувак, мне нужен кто-то, чтобы продолжать и кончать. Ееее, сделай это со мной, детка, ах хааааа. Люси искоса посмотрела на Фреда, не смотри на меня, малыш, лучше беги к своей мамочке. Все дружно рассмеялись. Оооооо, она та еще шгучка. Фред хохотнул так громко, как мог, но все равно не услышал себя. Он попытался посмотреть на Люси, но не смог поднять голову, экономя энергию для затяжки сигаретой. Песня продолжалась, и они слушали, внимая каждому слову, прокручивая его в голове. Гарри сунул в рот новую сигарету и потянулся за сигаретой Тайрона, чтобы прикурить от нее, однако Тайрон отвернулся и бросил ему коробок спичек. Гарри посмотрел на них, затем медленно поднял их и углубился в процесс вытаскивания спички из коробка, поджигания ее, поднимания ее на нужную высоту и опускания головы, насколько необходимо, а затем в процесс самого прикуривания. Оу, йее, возьми все, киса, только не трахай мне мозг. Ох, какая приятная ком-па-ния. Эй, братан, спой-ка снова. Зачем? Чьей это ты кровушки захотел? Да мне насрать, бля, лишь бы это была не моя кровь. Братан, единственное место, где я хочу видеть свою кровь, это мой баян, когда я беру контроль, как раз перед тем, как загнать дерьмо назад в вену. Черт, у тебя в голове одна извилина, чувак. Ага, и еще несколько на обеих руках. Смешки и хохотки становились все громче, превращаясь в смех, когда они кивали в такт музыке, периодически затягиваясь сигаретой, глядя на скучный серый бетонный пол, на котором они сидели, не замечая его, поглощенные только своими чувствами, и чувствовали себя просто прекрасно. Последние ноты все еще звучали у них в головах, когда началась следующая песня. Эй, врубаешься, чего они играют? Черт, я не слышал этого с тех пор, как начал вмазываться. Господи, таких старых пластинок просто не бывает, перец. Мэрион уютно прислонилась к плечу Гарри, ее глаза и лицо освещала улыбка. Помнишь, как мы тогда того кота? Ага... В голосе было столько ностальгии, что можно было почти видеть, как воспоминания дрейфуют в голубом дыму, воспоминания не только о музыке, радости и юности, но, возможно, и о мечтах. Они слушали музыку, и каждый слышал что-то свое. Они чувствовали себя расслабленно и были частью музыки, частью друг друга, почти частью мира. И так еще одна ночь-карусель в Окружном морге Бронкса

медленно уплывала навстречу новому дню.

Телефон зазвонил во второй раз, и Сара Голдфарб подалась к нему, не прекращая настраивать антенну телевизора, разрываясь между желанием узнать, кто звонит, и необходимостью избавиться от полос, время от времени искажающих картинку на экране, она снова вздохнула, собрала силы и, покосившись на телефон, звонивший снова и снова, стала наклоняться к нему, протянув одну руку к трубке, а кончиками пальцев другой продолжая потихоньку поворачивать антенну. Да иду я, иду. Не вешайте трубку, она устремилась к телефону, едва не упав на середине шестого звонка, и плюхнулась в кресло. Алло? Миссис Голдфарб? Да, это я. Голос был таким радостным, таким доброжелательным и полным энтузиазма, таким настоящим, что она повернулась к телевизору, решив, что голос исходит оттуда. Миссис Голдфарб, вас беспокоит Лайл Рассел из «Макдик Корпорейшн». Миссис Голдфарб, не желали бы вы поучаствовать в одной из наших самых интересных, самых позитивных про грамм? Оооо, я? На телевидении? Она переводила взгляд с телевизора на телефон и обратно, пытаясь смотреть на оба предмета одновременно. Хаха, я так и думал, что вы согласитесь, миссис Голдфарб. Могу с уверенностью сказать, судя по теплоте в вашем голосе, что вы именно тот человек, который нам нужен для программы. Сара Голдфарб покраснела и моргнула: я никогда не думала, что когда-нибудь попаду на телевидение. Я просто... — хаха, я понимаю ваши чувства, миссис Голдфарб. Поверьте, Я, как и вы, счастлив, что стал частицей этого фантастического мира. Я считаю себя очень счастливым человеком, потому что у меня ежедневно есть возможность помогать людям вроде вас, миссис Голдфарб, быть частью программинга, которым гордимся не только мы, но и вся телеиндустрия — нет, вся нация. Мать Гарри мяла воротничок блузки, чувствуя, как из груди выскакивает сердце, ее глаза блестели от возбуждения. О, я и мечтать не могла... Голос Лайла Рассела стал серьезным. Очень серьезным. Миссис Голдфарб, вы знаете, о какой программе идет речь? Знаете? Нет... я... смотрю «Аякс» и не уверена... На телевидении??? Миссис Голдфарб, вы сейчас сидите? Если нет, сядьте немедленно, потому что, когда я скажу вам, о какой программе идет речь, у вас от радости закружится голова. Я села, уже села. Миссис Голдфарб, я говорю не о чем другом, как о... Он внезапно замолчал, и Сара еще сильнее вцепилась в воротничок своей блузки, широко раскрытыми глазами глядя на телефон и телевизор, не уверенная, откуда именно теперь пойдет голос. Когда он снова заговорил, его голос был глубоким, низким и чувственным: миссис Голдфарб, мы представляем телевикторины. Оооооо... Он выдержал драматическую паузу, пока Сара Голдфарб пыталась овладеть собой, ее дыхание перекрывало голоса из телевизора. Голос Лайла Рассела стал театрально-неотразимым: да, миссис Голдфарб, плюс кое-что еще, кое-что новенькое, шоу, которые будут в следующем сезоне; шоу, на которых захотят побывать миллионы американцев; те самые шоу, которые с нетерпением ждут миллионы — Я... я... на теле... О, я не могу... Да, миссис Голдфарб, именно вы. Я понимаю ваши чувства, вы думаете: почему именно я, в то время как многие миллионы зрителей отдали бы все, только бы попасть на эти шоу — О, я даже не могу пред... Что ж, миссис Голдфарб, я могу сказать, почему вам так повезло. Наверное, у Бога в сердце есть для вас особенное местечко. Сара Голдфарб упала в свое кресло, сжимая в одной руке телефонную трубку, а другой по-прежнему сжимая воротничок. Ее глаза навывкате. Ее рот открыт. Впервые на своей памяти она не осознавала присутствие телевизора. Всю необходимую информацию вы получите по почте, миссис Голдфарб. До свидания... И благослови вас Господь. Пип.

Ангельские лики плыли перед матерью Гарри, звучали псалмы, так успокаивающе... Гудки телефонной трубки в ее руке и взорвавшаяся на экране бутылка очистителя, превратившаяся в маленький торнадо, привели ее в чувство. Она вдохнула. Потом выдохнула. Телефон. Да. Телефонную трубку нужно повесить на место. Ахааааа. Брямс. Она промахнулась. С минуту она смотрела на телефон, затем опять сняла и правильно положила трубку. На телевидении. Боже мой, телевидение. Ой, что же мне надеть??? Что я должна буду надеть? Я должна буду появиться там в красивом платье. Наверное, пояс не подойдет, слишком жарко. Сара посмотрела на себя, потом в ужасе закатила глаза. Может, мне и придется попотеть, но пояс нужен обязательно. Может, мне сесть на диету? Я перестану есть. Я потеряю тридцать фунтов до того, как окажусь на ТВ. Тогда с поясом я буду выглядеть как Спринг Бойингтон... немного... вроде как... Прическа! Я попрошу Аду сделать мне прическу. А может, они мне ее сами сделают. Специально.

О... надо было спросить... спросить кого? Как там его звали? Я вспомню, я вспомню. Само вспомнится. Он сказал, что все пришлют по почте. Я отлично выгляжу в красном платье с... Нет! Красный не очень хорошо смотрится в телевизоре. Как-то неправильно, размыто. Туфли и сумочка и серьги и ожерелье и шелковый платочек. ОООО! Сара кивала головой, хваталась за виски, вращала глазами, жестикулировала, хлопала в ладоши, потом внезапно останавливалась, садилась на минуту в кресло надо посмотреть в шкафу. Вот что я сделаю. Шкаф. Она утвердительно кивнула головой, вскочила из кресла и направилась в спальню, где начала перерывать содержимое шкафов, снимая платья с вешалок, примеряя их на себя, затем швыряя их на кровать; она ползала на коленях и локтях, исследуя самые отдаленные и темные уголки шкафов, находя давно забытые туфли и напевая что-то себе под нос, вытирала их от пыли, примеряла пару за парой, неуверенно покачиваясь в некоторых, так как ее распухшие ноги не влезали в модельную обувь. Потом позировала перед зеркалом, глядя на свои ноги в синих прожилках вен, обутые в золотые туфли. О, как же она любила свои золотые туфли! В конце концов она сдалась. Она надела красное платье. Я знаю, красное платье будет не очень хорошо смотреться в телевизоре, но мне нравится это платье... Я люблю красный. Она красовалась, глядя в зеркало через одно плечо... через другое плечо, поднимая и опуская подол, потом попыталась застегнуть молнию, но после десятиминутных усилий, пыхтений, сжиманий она сдалась, и осталась стоять перед зеркалом в расстегнутом платье: ей нравилось отражение, ведь она смотрела на себя из далекого-далекого прошлого, видя себя в прекрасном — красном платье и золотых туфлях, которые она надевала на бармицву Гарри... Сеймур тогда еще был жив... И даже не болен... А ее мальчик выглядел так мило в этих... Ах, все ушло.

Ничего больше нет. Сеймур мертв, и ее — ах, я покажу Аде, как это выглядит. Она крепко придерживала незастегнутую спинку платья и, дождавшись рекламной паузы, пошла к своей подружке Аде, которая жила по соседству. И где же праздник? Вечер-вечерок. Это как все праздники, вместе взятые. Когда я тебе расскажу, ты из окна выпрыгнешь. Надеюсь, из окна подвала. Они сели в гостиной, стратегически разместившись так, что каждая могла видеть и слышать телевизор во время обсуждения случившегося События, которое привело Сару Голдфарб сюда в красивом красном платье и золотых туфлях, их она надела в день, когда у ее Гарри, ее мальчика, была бармицва... события столь важного, что Сара не могла о таком даже мечтать, которое принесло ее в состояние такого шока, что она даже отказалась от халвы. Сара рассказала Аде о телефонном звонке и о приглашении на телевидение. Ее, Сару Голдфарб, покажут по телевизору. На мгновение Ада застыла (одним ухом уловив

конец сцены сериала). Правда? Ты не шутишь? Да с какой стати мне над тобой шутить? Думаешь, я так оделась для супермаркета? Ада продолжала смотреть на нее (по музыке она поняла, что сцена закончилась. Инстинктивно она приготовилась, что сейчас будет реклама, даже до того, как звук телевизора стал громче, а изображение ярче.) Хочешь чаю? Она встала и пошла на кухню. Сара последовала за ней. Вода быстро закипела. Налив себе по стакану чая, они вернулись в гостиную как раз к концу рекламы, и снова расположились на своих стратегических позициях, глазами и ушами внимая происходящему на экране телевизора и одновременно обсуждая огромную важность грядущего события в жизни Сары Голдфарб — события столь поразительного масштаба и важности, что оно наполнило ее новой волей к жизни и стало воплощением мечты, что освещала ее дни и утешала одинокими ночами.

Гарри и Тайрон Си шли через парк, тратя большую часть сил на то, чтобы уворачиваться от детей, с воплями носившихся вокруг или пролетающих на скейтах, или, там, скейтбордах, и ведь никогда не знаешь, с какой стороны будет атака. Чиеерт, не понимаю, зачем им дают летние каникулы, этих маленьких ублюдков надо бы держать в школе постоянно. Ты охренел? Да они всю школу к чертям разнесут. А так экономят деньги налогоплательщиков. Ну не блядство ли, этот мудило ни разу в жизни не работал, и еще беспокоится о налогоплательщиках. Эй, чувак, ты должен беспокоиться о таких вещах. Да что с тобой, разве ты не ответственный чел? Оооооо, только послушайте это дерьмо, парнишка потерял всю крутизну. Пойдем, детка, тебе надо срочно чего-нибудь съесть, у тебя, по ходу, серьезные проблемы. Они направились к тележке с хот-догами, купили парочку с огурцами, горчицей и красным перцем и бутылку содовой. Закончив, они отошли подальше от детской площадки и растянулись на траве. Знаешь что, брат, я не гнал насчет того, чтобы взять чистого. О, детка, я с тобой. Тогда давай прекратим заниматься херней и сделаем это. Бля, сделаем что? У нас нет бабла.

Да неужели? Может, поищешь у себя в заднице? Ладно, хватит козла трахать, давай лучше придумаем, где можно вырубить денег. А сколько нам нужно? Точно не знаю. Пару сотен. Лучше идти в дело с четырьмя сотнями в кармане, тогда уж точно будешь знать, что возьмешь достаточно при любом раскладе. А ты уверен, что Броуди достанет нам пакет? Старик, ты че, а? Конечно я уверен. Даже после того, как он отвалит себе, нам останется достаточно, чтобы разбодяжить пополам, удвоить деньги, и еще останется немало для нас. Я крут. У него наверняка убойное дерьмо. Только я не хочу подсаживаться, брат. Не хотелось бы завалить все дело из-за кумаров. Прямо верняк сказал. Будешь держать себя в руках, и целая армия торчков будет толкать дерьмо для нас. Да, это единственно верный путь, чувак. Я видел ребят, которые сторчались и завалили весь бизнес, а закончили они в тюрьме. Чиеерт, мы слишком умны для этого, детка. Ага, они хлопнули друг друга по рукам. Ну а где мы найдем бабки? Не знаю, детка, но я не хочу никого грабить. Я в тюрьме никогда не был, и собираюсь продолжать в том же духе. Спокойно, чувак. Я что, по-твоему, бандюга? Старухин телевизор это одно, но грабеж — совсем другое дело. Мы можем продавать хот-доги. Ага, точно, и кто будет толкать тележку? Не надо на меня смотреть, я продавец. Ха ха ха, ну и видок у нас будет... Господи, я прямо вижу, как ты открываешь крышку, я достаю сосиску и мы кидаем монетку, чтобы выяснить, кто будет класть горчицу. Ну, по крайней

мере, мы не умрем от голода. Об этом я не беспокоюсь. Давай, Тай, думай. Должен ведь быть способ быстро найти пару сотен. Они покурили, почесались, потом Тайрон щелчком отшвырнул окурок и потер голову, вроде как погладил ее, чтобы активировать серое вещество... а заодно и почесался. Знаешь, есть пара чуваков, которые ходят в газету где-то в четыре-пять утра, они там грузовики загружают. И сколько они получают? Не знаю, но они всегда хорошо одеваются и ездят на хороших тачках. Серьезно? Гарри с минуту смотрел на Тайрона. Хммммммм. И что ты думаешь? Тайрон все еще чесал голову, но теперь уже не так интенсивно, вроде как поглаживал. Честно говоря, старик, я не больше тебя люблю работать. Да уж... Пять утра. Господи. Мне казалось, даже бармены в такое время спят... но... Гарри продолжал смотреть на Тайрона, а Тайрон Си Лав продолжал чесаться. Что думаешь? Не знаю, детка... Но наверное, мы типа могли бы сходить и посмотреть, как там все устроено. Гарри пожал плечами: черт, а чего бы и не сходить? Тайрон перестал чесаться, и они, ударив по рукам, встали и пошли по траве к дорожке, по которой вышли через парк на улицу. Гарри решил пойти домой, чтобы утром не опоздать на новую работу. Если я скажу своей старушке, что у меня появилась работа, она уж наверняка меня вовремя поднимет. Наверное, нам надо встать часам к четырем утра, а? Чтоб наверняка прийти туда вовремя... четыре утра, это кажется невероятным. Тогда, малыш, подумай о пакете чистого белого, это точно прошибет твою задницу. А ты потом зайдешь ко мне и разбудишь. Можешь свою сладкую жопку на это поставить. Уж если я встаю в такую рань, то тебя я точно подниму. Они расхохотались и хлопнули по рукам, и Гарри уже собирался повернуть, чтобы пойти домой и подготовиться к новой бодяге, которая поможет им стать большими боссами, когда внезапно они заметили своего приятеля, бегущего куда-то по улице. Эй, что происходит, чувак? Будто за тобой погоня. Куда спешишь? Знаете Маленького Джоуи, ну, того кота с нарезанным ухом? Да, конечно. Чувак с авеню. Точно, это он. Так вот, он и Тайни с еще одним котом только что затарились у Уинди, И не успел Джоуи догнать раствор до конца, оп был уже готов, в натуре. Передоз, вот так вот просто. Говорят, он всего ничего поставил и отъехал. Тогда Тайни решил поставить в три раза меньше, так, для тяги, и убился просто в слюни. Серьезно? А ты чистый? Ты чертовски догадлив. Зачем, ты думаешь, я гоню свою задницу к Уинди? Хочу добратсья до него, пока он не сообразил, что за бомба у него на руках. Этот мудила на игле так давно, что его уже и ослиная моча не вставит. Гарри и Тайрон присоединились к гонке до Уинди. Пойти работать они могли в любой другой раз, а вот шанс замутить ядерного перца вроде этого выпадает нечасто.

Даже следующей ночью у них еще оставалось, настолько хорошим был героин. Старик, кто-то точно облажался. Этот перец стоило разбодяжить раз шесть. Чиеерт, лучше б такого товарцу было поменьше, а то слишком много будет трупов в этом городишке, старый. Да ладно, подумаешь, парочка трупов на весь город. Чиеерт, барыга, наверное, с ума сходит, пытаюсь понять, что за движения такие начались.

Они совсем развязли и решили, что нет никакого смысла даже думать о том, чтобы пойти с утра на работу, потому что до утра оставалось всего ничего. Не было смысла ломать такой кайф работой. Они решили заскочить к Тони домой, посмотреть, что происходит.

Улицы были полны звуков летней ночи. На скамейках и пожарных лестницах сидели люди, разыгрывались сотни партий в карты и домино, игроков окружали зеваки, по кругу ходили банки с пивом и бутылки с вином. Время от времени вблизи игроков проносились дети, и игроки на автомате покрикивали на них, не отрывая глаз от экрана и не пропуская своей очереди выпить. Приятный был вечер. с неба светили звезды, и можно было издали

заметить кучи мусора и собачье дерьмо на тротуарах. Воистину прекрасная была ночь.

Тони жил на переделанном под квартиру чердаке, в старом индустриальном здании. Вообще-то, под словом «переделанный» подразумевались кровать в одном конце помещения и плита с холодильником в другом. Между ними было обширное пространство. Обычно это пространство было забито людьми либо кайфующими, либо догоняющимися, либо готовившимися забалдеть. Когда Гарри и Тайрон пришли туда, на полу сидело несколько человек. Тони сидел в единственном кресле, огромном, пухлом, порванном и расцарапанном, с большими подлокотниками в виде крыльев, словно кресло вот-вот сомкнет свои объятия, проглотит его и переварит, чтобы закончил он дни свои в темном и пыльном углу магазинчика подержанной мебели, с табличкой «Не продается» на груди, играя в гляделки с хозяйским котом. Он смотрел телевизор, который был хорошим компаньоном креслу, такой же огромный и старый, отлично вписывающийся в чердачную обстановку. На шее у Тони висела китайская водяная трубка, бонг, чашечка которой была наполнена хэшем, и время от времени он делал затяжку- другую, не отрывая взгляда от телевизора. Несколько человек расселись вокруг кальяна, наполненного вином, чашечка также была наполнена травой, а сверху лежал кусок гашиша. Мэрион как раз сделала затяжку, когда вошли Гарри и Тайрон. Они присоединились к остальным. Как дела? Что происходит? Эй, малышка, чего нового? Как поживаешь, братан? Все по-старому, чувак. Шланг кальяна оказался в руках у Гарри. Он с минуту посасывал его, потом передал Тайрону. Наконец Гарри выдохнул, слегка откинувшись назад и посмотрел на Мэрион. Как дела? О, да все то же самое. Гарри кивнул в сторону кальяна: неплохой хэш. Угу. Хорошо вставляет. Очень меня успокаивает. Глаза Гарри были почти закрыты, на расслабленном лице блуждала улыбка. Я так и понял. Выглядишь ты клево. На лице Мэрион появилась ухмылка, и она хохотнула: это типа комплимент или ты так со всеми? Гарри раскинул руки и пожал плечами, на его лице все та же сонная ухмылка. Иногда я не такой учтивый, особенно когда пьяный. Мэрион хихикнула чуть громче: может, и так, но зато ты более общительный. Знаешь, у тебя очень милая улыбка, особенно когда ты расслабленный, как сейчас. Гарри засмеялся и наклонился к ней поближе, у меня нет выбора, малышка, я такой расслабленный, что сейчас растаю. Мэрион рассмеялась и сжала его руку, потом взяла мундштук кальяна и сделала еще затяжку, прежде чем передать его Гарри. Он засмеялся. Это именно то, что мне надо позарез... Вроде как помогает снять напряжение, понимаешь? Мэрион покачала головой, стараясь удержать смех, рвущийся наружу вместе с дымом. Тайрон сунул шланг кальяна под нос Гарри: давай, чувак, потом трепаться будешь о всякой ерунде. Сделай напасик и продолжай в том же духе. Гарри, сконцентрировавшись, затянулся и передал шланг Фреду. Тайрон смотрел на то, как Фред, присосавшись к шлангу, делал затяжку, которая, казалось, длилась минут пять, отчего кусочек гашиша раскалился добела. Блин, этот мудвин собирается высосать гашик прямо через шланг. Надо проверить, нет ли у него в башке еще какой дырки, воздух должен же выходить наружу. Наконец Фред оторвался от шланга и передал его Тайрону, на его лице гуляла широкая, глупая улыбка, он хрюкнул, пытаясь удержать дым в легких, — не жадничай, детка. Тайрон расхохотался, зажав шланг в обеих руках, остальные присутствующие захихикали. Тайрон посмотрел в пол, покачал головой, потом снова поднял взгляд на Фреда, у которого на лице была все та же говноедская улыбка. Смех его становился все сильнее и сильнее, тут уже и остальные не выдержали и начали хохотать, трясая головой, и все взгляды неизбежно останавливались на лице Фреда, сидевшего с глупейшей ухмылкой, которая становилась все более идиотской, — теперь, как бы они ни старались, остановить

этот смех было нереально. Фред же так и продолжал удерживать дым в легких, хотя сам едва не задышался. Его лицо покраснело, глаза вылезали из орбит, а Тайрон тыкал в него пальцем и, трясясь от смеха, пытался выдавить: Чиее... Чиее... — и в конце концов Фред все же выдохнул дым, но тут же быстренько сделал еще напас и закивал головой: чхорт; остальные уже никак не могли подавлять смех, а Тони курнул из своей трубки и набычился на телевизор, потому что программа была прервана рекламой, потом еще одной рекламой, потом неполадками на станции и снова рекламой. Тони сделал еще одну затяжку, заерзал в своем кресле и забормотал под нос что-то про дерьмо собачье. Ему хотелось смотреть сериал, нах, а не сраную собаку, жрущую конину, и он начал орать на телевизор, давай, псина херова, засунь свой нос ей в жопу. Что, тебе рыба не нравится, что ли? Э-э? Рыба ему, видите ли, не нравится, пидору, сучий ты потрох. Смех постепенно утих. На время все притормозили с гашишем и просто сидели, устроившись поудобнее, слушали музыку и болтали, а потом краем глаза стали наблюдать за Тони, слушать его реплики, и снова слышались смешки. Эй, детка, не стоит так говорить о пидорах в присутствии Гарри, это может ранить его чувства. Фред так и сидел с улыбкой деревенского дурачка: а откуда вы знаете, что он пидор, может, он лесбиян, — и он едва не задохнулся от хохота, — черт, я щас обосрюсь, хахахахахаха, лесбиюн-потаскун, хахахахахаха, дерьмището какое, хахахахахаха; Тони все еще нудил что-то нечленораздельное, а остальные катались по полу от смеха, глядя на хохочущего и трясущего головой Фреда, и каждый раз, когда его смех начинал затихать, он снова начинал трепаться о лесбиянах с членом, и все снова покатывались. Тони встал, его трубка болталась на шее, и направился к шкафу, взял что-то из ящика и снова плюхнулся в свое кресло, где снова почти исчез из виду за чумовыми крыльями. Положив новую плюшку гашиша в трубку, он поджег его, сделал пару долгих затяжек и снова молча уставился в телевизор, где наконец снова пошел сериал. Фред уже не мог смеяться, хотя все еще ухмылялся и тряс головой, остальные же старались не смотреть в его сторону, потому что у всех от смеха болели животы. Гарри и Мэрион отделились от остальных и, развалившись на старых подушках, вполуха слушали музыку, обратив все внимание друг на друга. Ты одна живешь или с подружкой? Одна. Ты же Знаешь. Гарри пожал плечами: откуда мне знать-то? Когда я был у тебя в последний раз, я помню, ты жила с соседкой, правильно? Господи, это ж несколько месяцев назад было. Ого, так давно? Темпус действительно фугитс, да? Ага. Иногда, кажется, оно застывает на месте. словно ты сидишь в мешке и не можешь вылезти, и кто-то постоянно твердит тебе, что со временем все станет лучше, а время словно застыло и смеется над тобой и твоей болью... А потом внезапно оно сдвигается с места, и ты вдруг видишь, что прошло полгода. Вроде как только Вытащил летние вещи из шкафа, а на дворе Рождество, а между этим десять лет боли. Гарри улыбнулся: Господи, я только сказал привет, а ты мне уже даешь классификацию отпечатков пальцев. Но я рад, что у тебя все в порядке. Мэрион рассмеялась, а Гарри прикурил косяк, и, сделав пару быстрых затяжек, передал его Мэрион; Тони начал слегка подергиваться. Движения были не вольными, словно он чувствовал приближающуюся катастрофу. Он с головой ушел в сюжет, ему было очень интересно, как именно здоровяк разберется с плохим и спасет девку, он переживал за них, но что-то подсказывало ему, что проклятый телевизор настроен против него, Тони, и только и ждет момента, чтобы сцапать его. Он снова раскурил трубку, сделал пару глубоких затяжек, затушил ее и снова уставился в телевизор. Лучше со мной не связывайся, сукин сын. Я тебя предупредил. Он перестал дергаться и, устроившись в кресле поудобнее, снова исчез из вида. Мэрион усмехнулась. У него, похоже, свое садо-мазо с этой штукой, тебе не

кажется? Ага. Как будто чувак и шлюха, которая ему не дает. Остальные тоже время от времени наблюдали за Тони и улыбались, развлекаясь, как было уже много раз — и было куда интереснее происходящего на экране. А знаешь, чувак, он думает, это его старуха. Бля, да он никогда со своей старухой так не разговаривал. Они засмеялись и вернулись к своим разговорам, музыке и куреву. Гарри прислонился к Мэрион, а она гладила его по голове и играла с его волосами, и оба слушали музыку. Время от времени он ради развлечения протягивал руку и играл кончиками пальцев с ее сосками или ласкал ее грудь ладонью, очень нежно, даже мечтательно. Он наблюдал за своими пальцами, ласкающими ее напрягшийся сосок, представлял его под блузкой, и ему хотелось расстегнуть ее и поцеловать сосочек, но это казалось слишком сложным в тот момент, и он решил отложить это дело до следующего раза. Он просто слушал музыку и двигался навстречу ее пальцам, ласкающим его голову, сдаваясь на милость чувственных течений, в которых постепенно утопал. Знаешь, девочка, а это, пожалуй, даже получше ширева будет. Меня это здорово заводит. Мне тоже нравится. Мне всегда нравились волнистые волосы. Моим пальцам очень приятно их гладить. Сквозь них нельзя просто провести пальцы, как сквозь прямые. Они сопротивляются, будто они живые, и ужасно приятно *укрощать* их. Мэрион смотрела, как ее пальцы проходят сквозь волосы Гарри, наблюдая, как под ними закручиваются кончики волос, наматывала на них пряди, ощущала, как его волосы ласкают ее ладонь, и снова смыкала пальцы, медленно Поднимала руку, чувствуя, как пряди волос скользят под ее руками, между пальцев, и она понимала, что создает ритм для ласк, который управлял ее дыханием, а затем стал частью дыхания и перетек в рябь, проходившую через ее тело, когда Гарри ласкал ее сосок кончиками пальцев. Она представляла свой розовый сосок и то что с ним было бы, если бы он оказался между губами Гарри, и в этот момент Тони снова стал орать на чертов телевизор: лучше тебе этого не делать, хрен ты лысый. Я тебя предупредил, мразь бесполезная, хватит с меня твоего дерьма. Он дернулся в своем кресле и вызывающе уставился на экран, и Тайрон хохотнул смешком Тайрона: я не против того, что он кроет на чем свет свой собственный телевизор, но я очень надеюсь, этот гондон не начнет отвечать ему, потому что, когда такое начнется, я завяжу с этим дерьмом и свалю отсюда, он сделал еще одну глубокую затяжку и отвернулся, чтобы не смотреть на тупую ухмылку Фреда, который всегда так делал, пытаясь заставить его захлебнуться дымом и закашляться; тут кто-то вытащил на свет божий ампулки, попперсы, и, вскрыв один пузырек, зажал ноздрю пальцем, глубоко вдыхая другой, пока пузырек не вынули из его руки, чтобы другой сунул его себе в нос, так же зажав ноздрю пальцем, и оба они ушли на пол и катались по нему хохоча, а Тони подался вперед в своем кресле: я знал, я так и знал, что эти крысиные выродки сделают это, Господи Иисусе, грязные гнилые ублюдки; а Гарри и Мэрион внезапно одновременно прервали свои ласки, когда запах попперсов защекотал им ноздри, выпрямились И потянулись В ту сторону и посмотрели на людей, лежащих вокруг, сидящих вокруг, хихикающих и рыдающих от смеха: эй, чуваки, киньте нам тоже, — и один из желтых пузырьков описал в воздухе дугу, шлепнувшись в руку Гарри, и они с Мэрион легли рядышком на пол, их тела практически проникали друг в друга, Гарри открыл ампулу, и они оба стали глубоко вдыхать пары, крепко держась друг за друга, их тела завибрировали, головы закружились, на мгновение им показалось, что они умирают, но потом они засмеялись и стали прижиматься друг к другу еще сильнее, умирая от смеха, зажав пузырек своими носами; Тони подался вперед еще больше: вы, грязные тварюги, я вам устрою клубничный душ, гондоны, — он поднял правую руку со старым пистолетом 22-го калибра и

направил его в телевизор, — мое терпение лопнуло, вы достаете меня своими блядскими киношками, а потом засовываете мне их в глотку со всей этой херней, именно тогда, когда вот-вот что-то произойдет; а у всех под носами было по ампуле, и все катались по полу, смеялись, потели, чесались, а Тони злобно вперился в телевизор: ты слишком долго трахал мне мозг этими собачьими консервами, спринцовками, и когда подмышками не воняет, и туалетной бумагой, — он кричал все громче и громче, его лицо покраснело так же, как и тех, кто нюхал попперсы, они слушали и смотрели на него глазами, которые щипало от стекающего со лба пота, корчась от истеричного смеха. ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ? А ХВАТИТ С МЕНЯ ВАШЕГО ДЕРЬМА. МУДАЧЬЕ ДОЛБАННОЕ, — он нажал на курок, первая пуля попала точно в центр экрана, послышался глухой хлопок, который был заглушен новым взрывом истеричного смеха и воплями Тони, искры и языки пламени полетели из дыры в экране, и большие куски толстого стекла разлетелись по комнате; клубы дыма окружили телевизор, а Тони стоял и истерично орал: Я ДОСТАЛ ТЕБЯ, ТЫ, ХРЕНАК, ТЕ ПИПЕЦ, — и он выпустил еще одну пулю в умирающий телевизор, ТЫ ПОЛУЧИШЬ, ЧТ ЗАСЛУЖИЛ, ХАХАХАХАХАХАХАХА, и еще одна пуля полетела в разваливающий корпус, — КАК ТЕБЕ ЭТО НРАВИТСЯ? А? НРАВИТСЯ? ПИДОР ГНОЙНЫЙ, — и продолжал херачить телевизор, всадив очередную порцию свинца в дымящиеся останки того, что минуту назад было сложным прибором. ДУМАЛ, ТЕБЕ ЭТО С РУК СОЙДЕТ, ДУМАЛ, ДА? А остальные смотрели и тряслись от хохота, когда он вlepил на ходу еще одну пулю в корпус, и вот он стоит над ним, оставив на десерт последний патрон, сияющий, ухмыляющийся, торжествующий, над изуродованными, тлеющими останками, глядя, как судорожно скачут нервные искры, убегая по дымящемуся проводу к розетке, где они взрываются и шипят, прежде чем исчезнуть, а у торжествующего Тони текли слюни от вида дрожащего под его взглядом, молящего о пощаде, о последнем шансе телевизора: я больше не буду, Тони, клянусь мамой, Тони, *пааажжааалустааа*, ну последний раз, Тони, я все исправлю, клянусь жизнью мамочки, я все для тебя сделаю, Тони, — а Тони глумился над умоляющим о пощаде телевизором, исполненный презрения к хнычущему сукину сыну: ШАНС??? ШАНС???? ЩАС Я ТЕБЕ, СУКА, ДАМ ШАНС, ХАХАХАХАХАХАХАХА, ДАЖЕ НЕ МОЖЕШЬ УМЕРЕТЬ КАК МУЖЧИНА, ТРУСЛИВЫЙ СУКИН СЫН, *ну пажжаааалуйста*, Тони, не стреляй, пож... ЗАТКНИСЬ, МРАЗЬ, — лицо Тони скривилось в презрительной гримасе, он посмотрел телевизору прямо в глаза: пососи-ка вот это, — сказал он тихим, но страшным голосом и всадил последнюю пулю в трясущийся, жалкий телевизор, и телевизор задрожал от этого *соур де граце*, по обгорелым внутренностям пробежала последняя искра и, шипя, исчезла в вечности, испустив последний дымок, который, клубясь! ушел в атмосферу, где смешался с дымом от травы, гашиша, сигарет и вонью попперсов. Тони пожал плечами и сунул пистолет за пояс: говорил я тебе, не выеживайся, — он снова дернул плечом, никто не выеживается на Тони Большие Яйца, ясно? И он спокойно присоединился к остальным, взяв предложенный ему пузырек, занюхал его и упал на пол, хохоча вместе со всеми, а кто-то предложил помолиться за упокой усопшего между приступами смеха, а Гарри с Мэрион вынюхали ещё один Поппер на двоих, и их тела продолжали трение друг о друга, и они смеялись, прилипая друг к другу кожей, и музыка продолжала дрейфовать сквозь дым и смех, и уши, и головы, и сознание и каким то непонятным образом выходила нетронутой и неизменённой, и всем было хорошо, чувак, по — настоящему хорошо, словно они только что покорили вершину горы Эверест, или прыгнули с парашютом, или летали как птицы, да, словно птицы парили в воздушных

потоках, как большие птицы, чувак ... да... Словно они вдруг стали свободными... свободными... свободными....

Сара Голдфарб сидела в своём кресле перед телевизором, покрывая лаком ногти и глядя в экран. Наведение марафета было долгим, сложным процессом, но Сара могла заниматься чем угодно, не отрываясь от телевизора, причём заниматься, к своему полному удовлетворению не упуская ни одного слова или жеста на экране. Может, маникюр и не был при этом идеальным и немного лака попало на пальцы, но кто заметит? С расстояния в несколько футов её маникюр будет выглядеть как профессиональный. А если и не будет, кому какое дело? Для кого ей стараться? Кто заметит, что её ногти не так уж и хороши? Так же как и шитьё и глажка, или стирка? Неважно, что она делала, глядя одним глазом в телевизор, главное, что он отлично справлялся со своей задачей — чтобы её дни и вся её жизнь проходили относительно терпимо. Она вытянула руку перед собой и посмотрела на ногти, глядя на экран сквозь растопыренный пальцы. Она долго смотрела на вальцы, отчего у нее возникла оптическая иллюзия, будто они прозрачные. Она улыбнулась и посмотрела на другую руку. Такой красивый красный цвет. Великолепно. Отлично будет смотреться с платьем. Скинуть несколько фунтов, и платье сядет как новенькое. Верх платья съехал с плеч от ее движений, и она, поправив его, откинулась в кресле так, чтобы платье не спадало. Она любила это красное платье. Она сможет похудеть. Или слегка распустить швы. В библиотеке должны быть книги про это. Завтра я пойду, возьму книги и сяду на диету. Она положила еще одну конфету в рот, почувствовала, как она тает, и наслаждалась вкусом шоколада, смешанного с кремовой начинкой, потом медленно прижала конфету языком к нёбу, улыбнулась и прикрыла глаза, чувствуя, как ее тело покалывает от наслаждения. Она отчаянно пыталась позволить конфете растаять самой, но, как бы ни старалась она подавить желание разделаться с ней, это оказалось невозможно. Глаза ее внезапно широко раскрылись, при этом на лице появилось очень серьезное выражение, и она энергично разжевала конфету, покатав ее во рту, а затем проглотила и вытерла уголки рта тыльной стороной ладони. У них в библиотеке полно книг. Вот я и попрошу у них одну. Ту, где написано, как быстрее всего похудеть. Возможно, скоро я появлюсь на телевидении, так что мне надо как можно быстрее похудеть, чтобы я могла влезть в красное платье. Она смотрела на экран, понимая действие и слова, но ее мысли все еще были сосредоточены на коробке с конфетами, что лежала на столе рядом с креслом. Она точно знала, сколько там еще осталось... и какие именно. Четыре. Три из темного шоколада и одна из молочного. Та, что из молочного, украшена вишенкой и с вишневой начинкой. Одна — с карамелью, другая с нугой, и еще одна — с бразильским орехом. Вишневая была последней. Конфету она заранее переложила к краю коробки, чтобы не взять по ошибке. Она шла последней. Может быть, она даже не станет проверять, какую именно конфету берет. Но все уже предопределено. Как всегда. Сначала нуга, потом бразильский орех, затем карамель. После — подождать как можно дольше, перед тем как съесть вишню в шоколаде. Она всегда играла. Сколько лет продолжалась эта игра? Десять? Может, и дольше. С тех пор как умер ее муж. Однажды она оставила ее в коробке... одну, на всю ночь. Она пошла спать, а конфета оставалась там, в коробке, в маленькой коричневой бумажке, в которые их так аккуратно заворачивают. Она бросила последний победный взгляд на коробку перед тем, как пойти в постель. Потом она отвернулась и чувствовала себя так хорошо, раздеваясь и устраивая себе гнездышко под одеялом, что уснула почти моментально. Насколько она помнила, сон ее всегда был

спокойным, никаких кошмаров, и тут посреди ночи она внезапно подскочила в своей постели, проснувшись, лоб ее покрывала испарина, и несколько бесконечных секунд она вглядывалась в темноту, слушая, не понимая, что ее могло разбудить и почему, думая, не вор ли проник в ее квартиру и не собирается ли он прямо сейчас напасть на нее. Она напрягала весь свой слух, однако Ничего не услышала, она сидела тихо, не шевелясь, едва дыша, затем скинула с себя одеяло и устремилась в гостиную, безошибочно ориентируясь в темноте, к столу, на котором лежала коробка, выхватила конфету из коробки, словно рука ее направлялась свыше, и едва не упала в обморок, ощутив вкус шоколада. Она свернулась калачиком в своем любимом кресле, слушая свое чавканье, жадно поедая молочный шоколад с вишенкой и вишневой начинкой, а после этого, пошатываясь, вернулась в спальню. Проснувшись рано утром, она попыталась вспомнить что-то, не зная, что именно, сидя в мягком, словно фильтрованном, свете. Она смутно ощущала, что нечто случилось, и посчитала все это сном, но как ни пыталась вспомнить этот сон, так и не смогла. Она помассировала подошвы ног и виски, но это не помогло. Она несколько секунд стучала по голове костяшками пальцев, чтобы стимулировать свою память, но... по нулям. Она встала и бессознательно прошла в гостиную, вместо того чтобы пойти в ванную, включила телевизор — и внезапно очнулась, бросив взгляд на пустую коробку из-под шоколадных конфет. Некоторое время она смотрела на нее, потом все вспомнила и буквально рухнула в кресло, задрожав от осознания того, что она съела конфету с вишенкой и вишне́вой начинкой, даже не помня, как и когда это сделала. Она попыталась вспомнить момент, когда она жевала конфету, и вернуть ощущение вишневого сока на языке, однако как во рту, так и в ее сознании оставалось ощущение пустоты. Она чуть не заплакала, вспомнив, как сильно ей хотелось, чтобы эта коробка продержалась хотя бы пару дней, хотя такого еще никогда не случалось, и ей очень хотелось оставить последнюю конфету на утро, тогда в итоге получилось бы три дня, а теперь коробка была пуста, а Сара даже не помнила, как она съела конфету. Это был паршивый день в жизни Сары Голдфарб. Она никогда не позволит случиться такому снова. Никогда больше она не позволит себе быть такой дурой, чтобы оставлять конфеты на следующий день. Завтра — это завтра. Бог дает нам каждый новый день как подарок, а потому теперь она будет есть каждый день по целой коробке и будет точно знать, что съела все. Она улыбнулась красавчику ведущему, потянулась и взяла последнюю конфету — ту самую, молочный шоколад, вишенка и вишневая начинка, — положила на язык и вздохнула, катая конфету языком во рту, чувствуя зуд нетерпения во всем теле и легкое сосущее ощущение в желудке. Потом она сдалась и слегка прикусила зубами подтаявшую шоколадную оболочку, получая неопишное удовольствие от смешивающихся во рту вкусов вишни и шоколада. Вишенка отделился от оболочки, и Сара Голдфарб некоторое время покатала ее во рту, наполненном тягучими жидкостями, которым она позволила медленно стекать в ее подергивающуюся гортань. Затем она закатила глаза, хотя и не до такой степени, чтобы не видеть происходящего на экране, и впиалась зубами в конфету. Она облизала пальцы и вытянула перед собой обе руки, рассматривая красный лак на ногтях, одновременно глядя сквозь растопыренные пальцы на экран телевизора, уйдя в свои фантазии, где она выходила на сцену в своем красном платье, так прекрасно на ней сидевшем теперь, когда она похудела, и в золотых туфлях, просто шикарных, а ее волосы были такими прекрасно рыжими, что не в сказке сказать — О, чуть не забыла. Волосы. Они должны быть рыжими. Столько времени прошло с тех пор, как они были рыжими. Завтра я попрошу Аду покрасить мне волосы. Наплевать, если рыжий уже не моден. Я буду в

красном. За исключением туфель. Не считая туфель, я буду во всем красном. Когда меня попросят представиться, я скажу, что я Красная Шапочка. Вот так прямо и скажу. Посмотрю прямо в камеру, на красный мигающий огонек и скажу, что меня зовут Красная Шапочка.

Гарри провожал Мэрион домой. Ночь была теплой и душевной, но они едва это замечали. То есть они *знали*, что ночь теплая и душевная, но это оставалось фактом посторонним и не имеющим к ним отношения. Их тела были все еще напряжены и слегка зудели после попперсов и смеха, и в то же время они были расслаблены и очень спокойны после всего выкуренного хэша. Это был прекрасный вечер, или утро, или что бы там ни было, для прогулок по улицам района Яблока, называемого Бронкс. Кое-где над зданиями проглядывало небо со звездами, луной и прочей ерундой, которая обычно бывает на небе, но они предпочитали думать о звездах, планетах и луне, глядя на фонари в конце улицы. Если уж эти самые фонари мешают смотреть на звезды в небе, то примените немного волшебства, и сможете легко подстроить реальность под себя. Теперь вот уличные фонари превратились для них в звезды, планеты и луну.

Несмотря на столь ранний час, движение машин, такси, грузовиков, людей и случайных алкашей на улицах было довольно оживленным. Где-то в квартале от них появились двое и шатаясь двинулись в их направлении. Подруга тянула парня за рукав, мол, мне надо пописать, ради Бога, остановись и дай мне пописать. Не можешь пять минут подождать, что ли? Это ж в паре кварталов отсюда. Нет. Я должна пописать. У меня моча аж до зубов поднялась. Господи, ты иногда хуже гвоздя в заднице! Правда? В любом случае, меня сейчас не задница беспокоит. Она схватилась за него, он остановился, она подняла юбку, повисла у него на ремне сзади, присела и начала писать. Эй, ты какого черта там удумала, сучка ненормальная? — Аaaaaaaaaxxxxxxxx, мне так хорошо ~ Ты че, придурок, что ли — Да перестань ты ныть, аaaaaaaaaxxxxxx — У тебя вообще стыда никакого, что ли, не осталось? Он расставил пошире ноги, пытаясь избежать текущего под него расширяющегося потока вечернего пива, а она продолжала облегченно вздыхать, не обращая внимания на щекочущие ее щиколотки брызги мочи, ее глаза блаженно прикрыты в абсолютном экстазе, при этом она раскачивается из стороны в сторону, держась за его ремень, а он с трудом пытается удержать ускользящее равновесие, тянет ее в другую сторону, одновременно пытаясь избежать потопа. Пойдем отсюда, ради Христа, — но она продолжала мочиться, вздыхала и раскачивалась на его ремне, — ты нас щас утянешь. Внезапно он видит Гарри и Мэрион, настороженно вскидывается, потом улыбается и, раскинув широко руки, пытается прикрыть свою подружку, опустошающую мочевого пузыря. Гарри и Мэрион довольно ловко, хотя и словно во сне, уклоняются от потока, с триумфом перешагивая ручей мочи, и Гарри улыбается парню: а твоя старушка поссать не дура, чувак, — потом засмеялся, и они с Мэрион идут дальше по улице, а парень некоторое время смотрит им вслед, и тут в его голове звучит сигнал тревоги, когда он чувствует, что его тело опасно накренилось, и он пытается восстановить равновесие, однако после короткой борьбы обнаруживает себя в воздухе, летящим ласточкой прямо в соседнюю речку, — эй, какого хера ты делаешь, ты, ненор... и со шлепком падает в поток, барахтаясь в нем: ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ! — в это время как его подружка лежит на спине, продолжая вздыхать: аaaaaaxxxxxxxx, — добавляя скорости и шума речному потоку, а ее счастливый спутник на эту ночь бултыхается в реку: Я НЕ УМЕЮ ПЛАВАТЬ, Я НЕ УМЕЮ ПЛАВАТЬ! — а потом в конце концов выбирается на берег исключительно благодаря своей мрачной решимости и выдержке, где тут же падает на

колени и, опустив голову, пытается восстановить дыхание, а его подружка, вздохнув, переворачивается на бок и, приняв позу эмбриона, засыпает в кустах на берегу реки. Гарри смеялся и качал головой. Алкаши это слишком, ты не считаешь? Они вообще не врубаются, ну никакого понятия о приличиях.

Он и Мэрион продолжили прогулку по улицам, чувствуя сухость в горле и пустоту в желудке. Они остановились у круглосуточной кафешки, купили кусок пирога и пару шариков мороженого с шоколадным и клубничным сиропом и взбитыми сливками по краю. Мэрион заплатила, и они пошли к ней. Когда они расположились за кухонным столом, Мэрион прикурила косяк. Внезапно Гарри снова начал хихикать: эта ****ь была просто нереальна. Парню нужна была Лодка. Мэрион передала косяк Гарри и медленно выдохнула дым. На улицах надо устанавливать писсуары. Тогда ей не пришлось бы унижаться, просто чтобы помочиться. Мужики всегда могут отойти в аллею или за припаркованную машину, и это абсолютно приемлемо, но, если это делает женщина, она выглядит глупо. Именно это мне и понравилось в Европе, они цивилизованные. Гарри наклонил голову, глядя на нее и слушая, ухмыльнулся, возвращая ей косяк: не понимаю, кому ты сейчас это все рассказываешь, своему психиатру, что ли, или судьбе? От косяка оставалось совсем немного, и она предложила Гарри докурить, но он отрицательно покачал головой, и она аккуратно затушила «пятку», положив ее на край пепельницы. Вообще, тебе не кажется, что от всей этой темы тошнит? Я имею в виду, это же просто бред. Женщинам нельзя ни срать, ни ссать, ни пукать, ни пахнуть, ни получать удовольствие от ебли — извиняюсь, от секса. Эй, детка, я тут ни при чем, да? Ты ж не всерьез. Я ж ни слова не сказал. Да все нормально. Мне надо на ком-нибудь практиковаться. Ну так иди и практикуйся на своем психиатре. Ему за это платят. Она улыбнулась: больше не платят. Завязала? Не совсем. Я с ним встречаюсь, но не как пациентка. Гарри засмеялся: ты его тоже трахаешь? Периодами. Когда настроение есть. Меня родители спрашивают, вижусь ли я с ним до сих пор, и я говорю, мол, да, вижусь, и они мне дают по пятьдесят долларов в неделю. Мэрион рассмеялась, мне даже врать не нужно. А того, что до него был, тоже трахала? Да, только все это стало напряжно. Он перестал выписывать рецепты, хотел бросить из-за меня жену, вправить мне мозги на место... знаешь, такой настоящий шовинист. Этот мужик другой. Иногда мы с ним встречаемся, это весело, и никакой прессухи. Мы просто хорошо проводим время. И он до сих пор выписывает рецепты на транки и барбитуру. Пару недель назад мы летали на Виргинские острова вместе на уик-энд. Это было клево. Да че там, офигенно. Звучит просто круто. Ага. Так твои предки, они все еще оплачивают счета, — он мотнул головой в сторону квартиры, — за хату и все остальное? Ага. Она снова громко и заразительно засмеялась, плюс полтинник на психиатра. И еще я занимаюсь кое-какой подработкой, редактирую в нескольких издательствах. А все остальное время балдеешь и кайфуешь, так? Она улыбнулась: ну вроде того. Ты отлично все разрулила, на самом деле. Только почему ты постоянно наезжаешь на предков, всегда про них какие-нибудь мерзости рассказываешь? Да они меня затрахаили своими среднеклассовыми претензиями, понимаешь? Типа, у них здоровый дом, куча денег, машины, престиж, и они собирают деньги для такого и всякого Фонда защиты своих еврейских прав, и Иисус знает чего еще — а Христа-то я чего сюда приплела? Ему надо быть поосторожнее, один раз мы его уже распяли, распнем и второй раз. Мэрион присоединилась к хохоту Гарри, да они бы и сами в этом поучаствовали. Просто они такие люди. Глотку перегрызут, чтобы заработать денег, потом отчисляют несколько долларов на защиту цветных и считают, что сделали миру большое одолжение. Посмотрим,

какими либеральными они будут, если я приду домой черным парнем. Они вроде не хуже других. Гарри откинулся назад, потянулся и поморгал: да весь мир — бардак. Возможно, но весь мир не заставляет меня краснеть от стыда. У них есть все, а культуры нет. Они тупые. Э-э, культура — шмультура, — он улыбнулся и пожал плечами, зевнул и сонно поморгал. Мэрион улыбнулась. Наверное, ты прав. В любом случае я не вижу причин позволять им опускать меня. Это все из-за хэша. Иногда меня высаживает на измену. Да, тебе надо бы научиться расслабляться, — Гарри улыбнулся сонной улыбкой, щелкнул пальцами, потряс головой, и они оба расхохотались, — когда, говоришь, пойдем в постельку? Пойдем, только не отключайся сразу. Эй, я что, по-твоему, совсем придурок, что ли? Они прыснули, и Гарри плеснул себе в лицо холодной водой перед тем, как пойти в спальню. Он еще потягивался и устраивался поудобнее, когда Мэрион склонилась над ним, приблизив к нему свое лицо и рукой поглаживая его грудь и живот: я не знаю, может, это из-за травы, а может, из-за разговора о родителях, но я чертовски завелась. Ты это о чем? Это все из-за меня. Вот такой вот эффект я оказываю на телочек. Я неотразим. Особенно после того, как мне увеличили член хирургическим путем, — он хохотнул, а Мэрион посмотрела на него, покачивая головой, — тебе еще не надоела эта бородатая шутка? Поговори об этом со своим психоаналитиком. Может, это просто исполнение желаний, — снова засмеялся Гарри. Мэрион фыркнула и поцеловала его, скользнув губами по его губам, а затем засунув язык ему глубоко в рот, Гарри ответил тем же и обнял ее, почувствовав ладонями ее гладкую кожу, лаская ее спину и ягодицы, в то время как она легко и нежно гладила его яйца и внутреннюю сторону бедер, целуя ему грудь. И живот, затем схватила его член, немного погладила, обхватила его губами и начала ласкать языком, а Гарри продолжал гладить ее ягодицы и промежность, постанывая и вытягиваясь, прикрыв глаза, потоки света пробивались сквозь его закрытые веки, а когда он снова открыл таза, то едва мог разглядеть жадно заглатывающую его член Мэрион, потому что его мозг был наэлектризован мыслями и образами, и, хотя наркотики и сексуальное удовольствие сделали его инертным, инертность эта была восхитительна, абсолютно. Эта вялость была внезапно прервана, когда Мэрион села и ввела его член в себя, после чего он несколько часов, а может, секунд просто лежал и слушал возбуждающие звуки их секса — *Прокатись на петушке до Бренберри-кросс*, — потом открыл глаза и притянул к себе ее за груди, чтобы удобнее было их ласкать, дразнить, посасывать и покусывать, в то время как его руки бродили вверх и вниз по ее спине, а Мэрион закатывала от удовольствия глаза, двигаясь, извиваясь, вздыхая, постанывая, и они продолжали заниматься любовью до тех пор, пока сквозь занавески не стали просачиваться утренние лучи, жар их страсти начал остывать в теплоте солнечного света, и в конце концов внезапный сон одержал верх.

Сара с любовью намазала кремный сыр на рогалик, глядя одним глазом на тускло мерцающий в утреннем свете экран телевизора. Она щедро откусила от рогалика, запив небольшим глотком горячего чая. Периодически она подравнивала мягкий сыр ножом, прежде чем откусить снова и отхлебнуть еще немного чая. Она старалась не торопиться, но съела весь бублик еще до начала следующего рекламного блока. Я потерплю. До конца рекламного блока. В следующем ролике должны будут рекламировать кошачий наполнитель. У них такие славные киски. Они так мило мурлычут. Она отхлебнула из стакана с чаем, глядя в телевизор с мыслями о том, что, пожалуй, она потерпит с едой до конца *всей* рекламы. Хотя это вообще не проблема. И после завтрака она пойдет в библиотеку за

книгами по диете. Главное, не забыть. Сначала в библиотеку, а потом к Аде, красить волосы в прекрасный рыжий цвет. О, привет, киска. Ой, какой же миленький маленький котик такой хорошенький, так и хочется его потискать. Она потянулась и, взяв датский рулетик, стала машинально размачивать его в чае. Она осознала свои действия, только когда положила рулет в рот и начала жевать. Она посмотрела на кусок в своей руке, на следы зубов на нем и поняла, почему у нее такие приятные ощущения в животе и горле. Она почти полностью игнорировала рекламу, продолжая кусать и жевать как можно медленнее, делая маленькие глоточки из чашки. При кончив вкуснейший рулет, она снова облизнула губы, затем пальцы, потом вытерла руки о кухонное полотенце, лежавшее у нее на коленях, и мягко промокнула губы, прежде чем отпить еще чаю. Она посмотрела на упаковку от выпечки и, вытерев пальцем остатки глазури, слизнула ее. Никакого расточительства. Мммммм, так вкусно. Особенно вкусно было сегодня утром. Может, стоит съесть еще немного? Но тогда я пропущу конец программы. Нет, больше не стоит. Вообще надо думать о сладком. Буду смотреть сериал и не думать датской выпечке. Она продолжала стирать пальцем остатки глазури, слизывая их. В конце концов она смяла все обертки и упаковки в комок и бросила их мусорное ведро, забыв о бубликах с мягким сыром и рулетиках, которые были сегодня какими-то особенно нежными. Особенными.

Она посмотрела сериал и, как обычно, вздохнула над счастливым и забавным концом, потом допила чай и стала собираться в библиотеку. Помыла тарелку, нож и стакан, Поставила их на сушку, причесалась, привела себя в порядок, надела милый свитер с пуговками, затем посмотрела на телевизор, выключила его и вышла из квартиры. Она знала, что для почты еще рано, по все равно проверила почтовый ящик. На всякий случай.

Библиотека была в двух кварталах налево, но она автоматически повернула направо, не осознавая этого до того самого момента, когда продавщица отдала ей сдачу и рулет: пожалуйста, миссис Голдфарб. Всего доброго. Спасибо, дочка. Сара вышла из кондитерской, пытаясь не думать о том, что у нее в сумке, однако эта игра не могла продолжаться долго, потому что она не только знала, что находится в сумке, но и хотела вытащить это как можно быстрее и съесть. Однако ела она рулет медленно, вдумчиво, маленькими кусочками, щекотавшими ее нёбо, и смогла растянуть удовольствие до самой библиотеки. Она поинтересовалась у библиотечарши, где стоят книги по диете. Библиотечарша выразительно глянула на пакет из кондитерской, который все еще сжимала в руках Сара, и провела ее к секции с книгами по диете. Господи, сколько же их. Я могла бы похудеть, просто глядя на них. Библиотечарша усмехнулась: правильный, мол, ход мысли. Но не беспокойтесь, мы что-нибудь подыщем. Я надеюсь. Меня пригласили на телевидение, и я подумала, что неплохо было бы скинуть несколько фунтов, чтобы выглядеть стройнее, — Сара закатила глаза, и библиотечарша засмеялась. Вообще-то вам нужна не совсем эта секция. Здесь книги о правильном здоровом питании, а также о неправильном питании и заболеваниях. Вот болезней нам не нужно, спасибо. И лишнего веса тоже. А он у меня имеется. Сара Голдфарб улыбнулась библиотечарше, и та улыбнулась в ответ. Глаза Сары вдруг засияли, совсем чуть-чуть. Книги, которые должны быть вам интересны, находятся здесь. О том, как сбросить лишний вес. Сара попыталась оглядеть их все сразу, они такие толстые, извините за каламбур. Она подмигнула библиотечарше, которая еле сдерживала смех. Мне кажется, тоненькая книжка лучше. У меня мало времени. Мне время нужно, чтобы похудеть, а не книжки читать. Я могла бы мускулы накачать, если бы поднимала эту книгу. у библиотечарши уже почти слезы лились от еле сдерживаемого смеха. Ну что ж, вот самая

тоненькая, давайте посмотрим, что там есть. Кивая, библиотекарша быстренько пролистала книжку, да, да. Мне кажется, эта книга то, что вам нужно. Минимум чтения, все написано легким и доступным языком, и, думаю, это будет для вас очень интересно, тут говорится, что вы сможете терять до десяти фунтов за неделю, а то и больше. Мне уже нравится. И еще я недавно слышала, что эта книга сейчас очень популярна. У нас только три экземпляра, и они редко бывают на полке. Полагаю, это хорошая книга, с этой точки зрения. Она снова хихикнула. Конечно же, я не проверяла на собственном опыте. Я вижу. Ох как я вас ненавижу. Только не говорите, что едите мороженое-пирожное каждый вечер. Библиотекарша все еще хихикала, приобняв Сару за плечи, нет, только пиццу. Обе женщины засмеялись, и библиотекарша не убирала руку с ее плеча по пути к своему столу. Зарегистрировав, она отдала Саре книгу и предложила выбросить пустой пакет. Сара посмотрела на пакет из-под рулета, зажатый в ее руке, и пожала плечами: да, конечно. Бедная ручка хорошо работала, надо отдохнуть. Библиотекарша засунула пакет в корзину для мусора. Всего доброго, миссис Голдфарб. Сара улыбнулась и подмигнула: удачи, красавица. По пути домой она всю дорогу крепко сжимала в руке книгу. Солнце было теплым и приятным, и ей было весело на душе от криков и воплей детей, бегающих по улицам между машинами, прыгающих друг другу на спины, не обращая внимания на гудки клаксонов и крики водителей. Она чувствовала, что худеет, просто держа эту книжку в руках. Может быть, сегодня днем, после Ады, она выйдет посидеть на солнышке и почувствует себя стройняшкой. Но сперва — волосы.

У Ады все было готово. Вот уже двадцать пять лет она красила себя и с закрытыми глазами могла превратить в рыжую любую женщину. Может, не всегда зная наперед, каким именно будет оттенок, но тем не менее рыжий цвет гарантирован. Сначала она приготовила себе и Саре по чашке чая, поскольку, уж поверьте, он понадобится, чтобы смыть вкус и приглушить запах краски, а затем принялась за работу. Она разместила все необходимое на кухонном столе, чтобы им было видно происходящее на экране. Ада обмотала шею Сары и принялась за работу. Лицо Сары скривилось, как черносливина: фуу, ну и вонь. Мы что, на вонючей Гаванас-кэнал-стрит? Расслабься, подруга, тебе придется потерпеть. Привыкнешь. Привыкнуть? Да я практически аппетит потеряла. Они обе хихикнули, и Ада продолжила обрабатывать волосы Сары, пока они слушали и смотрели телевизор. Примерно через час Сара притерпелась к запаху, и, когда к ней вернулся аппетит, она поинтересовалась, смогут ли они закончить до обеда. Дорогая, хорошо, если к ужину управимся. Так долго? Именно. А я-то думала, что смогу еще на солнышке посидеть. Подумай о том, какой красивой ты будешь с рыжими волосами. Сегодня волосы, завтра солнышко.

После полудня Гарри и Мэрион проснулись от жары и яркого света. Каждый решил притвориться, что еще спит, чтобы другой не догадался, что он уже проснулся, но через несколько минут эта игра их утомила. Тем более что у Гарри был припасен хороший чек. Посидев несколько секунд на краю кровати, он встал, прошел в ванную, сполоснул лицо холодной водой, вытер его полотенцем и наполнил стакан водой. Эй, детка, вставай и готовь свой прибор, У меня кое-что есть. Мэрион села и моргнула, уставясь на дверь ванной. Прикалываешься, Гарри? Эй, мне не нравятся такие игры. Я и Тай замутили вчера офигенного динамита, и у меня немного осталось. Мэрион достала спрятанный шприц и зашла в ванную к Гарри: вот. Она положила ложку на край раковины, и Гарри, насыпав в нее немного порошка, заварил раствор. Втянув всю жидкость из ложки в шприц, Гарри вылил

половину обратно и вручил шприц Мэрион. После вас, леди. Что ж, спасибо, добрый сэр. Мэрион еще не до конца проснулась и нетвердо стояла на ногах после вчерашней вечеринки и дневного сна, но все-таки сумела за секунду найти хорошую вену и сделать укол. Она начала клевать носом практически сразу, и Гарри, вытащил шприц из ее руки, промыл его и поставился сам. Несколько минут они сидели на бортике ванной, чесались и курили. Гарри бросил окуроч в унитаз и встал: ну что, может, пойдем и оденемся, — и пошел в комнату Мэрион, одеваться. Мэрион осталась сидеть, почесывая нос, пока жар от догорающей сигареты не заставил ее открыть глаза. Она выбросила окуроч в унитаз и сполоснула лицо, медленно, склонившись над раковиной, глядя на полотенце и воду, улыбаясь при мысли о том, как она возьмет полотенце, смочит в воде и намылит его, потом потрет им лицо и смоеет мыло холодной водой, потом насухо вытрет его... А сама все это время просто мечтательно накручивала полотенце на палец. В конце концов она все же взяла полотенце, аккуратно выжала из него воду, протерла лицо и встала перед зеркалом, глядя на себя... Потом она улыбнулась. Она подождала, пока кожа сама высохнет на горячем воздухе, наслаждаясь щекотными ощущениями, и обхватила руками груди, улыбаясь гордо и радостно, поворачиваясь и позируя под разными углами, любуясь их размером и упругостью. Она подумала не расчесать ли ей волосы, но решила просто придать им объем руками, массируя кожу головы, потом еще несколько минут повертелась перед зеркалом, прежде чем надеть халат и выйти к Гарри, сидевшему за кухонным столом. Ну наконец-то. Думал, ты там утонула. Она улыбнулась и шутливо ущипнула его за сосок. Эй, осторожнее. Хочешь, чтобы у меня был рак? Он шлепнул ее по попке, и она снова улыбнулась, села рядом и прикурила сигарету. Господи, классная штука. Гарри искоса пожирал ее взглядом. О чем это ты? Она улыбнулась. Животное. Ага. Тебе, похоже, нравится. Что-то не помню, чтобы ты жаловалась. Эй, ну ты же меня знаешь, я люблю покайфовать. Вот уж не знаю, кого ты там любишь, и они оба тихо захихикали — счастливые лица, глаза полуприкрыты. Мэрион налила в стаканы «Перье», И Гарри с минуту смотрел на пузырьки, после чего спросил, есть ли у нее сода. Нет, но есть лаймы. Гарри хохотнул. Они сидели, курили и пили минералку, пока не почувствовали что их немного отпустило и глаза начинают потихоньку открываться. После второго стакана Мэрион спросила Гарри, не хочет ли он чего-нибудь съесть, — ага, только сначала прими ванну, — и он хихикнул. Животное. Йогурт будешь? Гарри заржал. Йогурт??? Уау... и меня еще называют животным, — все еще смеясь, сказал он. Мэрион улыбнулась: иногда мне кажется, что ты ненормальный. Иногда? Да, иногда. В остальное время у меня в этом нет никаких сомнений. Она достала холодильника две баночки йогурта, поставила их на стол и достала ложечки. Что ж, приятно слышать, это бывает время, когда ты не сомневаешься. Нерешительность — это ужасно. Все так же балдеешь от ананасовых йогуртов, а? Да. Обожаю. Но разве ты никогда не хотела съесть клубничный, или черничный, или еще какой? Нет. Только ананасовый. Могу жить только на них. Что ж, малышка, если ты будешь есть эти йогурты И выглядеть так, как сейчас, то я обеими руками за. Мэрион расправила плечи и подбоченилась — тебе нравится, как я выгляжу? Шутишь? Да ты офигенная, детка, — Гарри перегнулся через стол, — так бы и спал, настолько ты клевая. Может, сначала йогурт? Очень питательная штука. Правда? Ты имеешь, в виду, от него хорошо стоит, да? Мэрион улыбнулась и покачала головой. Съев ложку йогурта, она облизнула губы. Как ты можешь смеяться над своими шутками, они ведь ужасные? Так и есть, но мне они нравятся. Если я не буду над ними смеяться, то кто? Мэрион, улыбаясь, доела свой йогурт. Они выпили еще по стакану «Перье», наслаждаясь своим состоянием,

несмотря на выступивший из-за жары и героина пот. Гарри закрыл глаза и глубоко задышал, на его лице блуждала умиротворенная улыбка. Что это ты делаешь? Нюхаю. Нюхаешь? Нюхаешь что? Нас, детка. Нас. Здесь пахнет, как на Фултонском рыбном рынке. Мэрион улыбнулась и покачала головой: не будь таким противным. Уж лучше, чем быть тупым, и, в любом случае, я — очаровашка. Гарри засмеялся, Мэрион улыбнулась, потом он поднялся: давай-ка примем ванну, а? Мэрион улыбнулась: вот уж не знала, что ты вообще это умеешь, — и засмеялась. Мне это понравилось. Неплохо. Теперь смеялись оба. Перед тем как зайти в ванную, Гарри снял брюки и трусы и швырнул их на кровать. Мэрион добавила в воду ароматическое масло, и они плескались, наслаждаясь пахучей водой, и медленно намыливали тела друг друга, потом так же медленно смывали друг с друга пену, медленно уплывая от полуденного зноя.

Сара, моргая, смотрела на себя в зеркало. Это что, рыжий? Ада пожала плечами: вообще-то не совсем, но почти, что-то в этом роде. В этом роде? Да они вовсе не родственники. Ну, может, бедные. Без пособия по безработице. Насколько бедный беден? Насколько высокое высоко? Это рыжий. Не рыжий, но... рыжий. Рыжий? Ты хочешь сказать, это рыжий? Да. Хочу. Это — рыжий. А что тогда оранжевый? Если это рыжий, то тогда я хочу знать, что такое оранжевый. Хочу посмотреть на оранжевый, который не состоит с этим рыжим даже в дальнем родстве. Ада посмотрела на волосы Сары, потом на отражение, потом снова на волосы, на отражение, потом выпятила губы и пожала плечами. Ну, может, немного оранжевый. *Немного* оранжевый? Ада кивала, глядя на отражение Сары в зеркале. Да, выглядит, как будто немножко оранжевый. *Немножко* оранжевый? Немножко оранжевый это, типа, «слегка беременная»? Ада снова пожала плечами. Не вижу смысла так нервничать. Все будет нормально. Не стоит нервничать? А если кто-нибудь захочет из меня выжать апельсинового сока? Успокойся, дорогая. Нужно просто еще немного обесцветить. Для телевизора сойдёт. Да я выгляжу как термометр. Вот на что я похожа. На перевернутый термометр. Ну, тогда лучше не падай. Расслабься. Сейчас пообедаем копчёной рыбкой с мацой. Давай-ка присядь. Ада оттащила Сару от зеркала и усадила за стол. Я налью тебе чак и тебе станет лучше. Ада поставила чайник и достала из холодильника рыбу, из хлебницы мацу и посуду из шкафа. Весь день мой скальп скребли, жгли, я воняла дохлой рыбой, а в результате выгляжу как баскетбольный мяч. Твоя беда в том, что ты не можешь расслабиться. Говорю же тебе, все нормально. Завтра мы все повторим, и ты будешь выглядеть как Люсиль Болл. Вот, попробуй лучше копчёной рыбки.

Тайрон заглянул к Мэрион вскоре после захода солнца. Некоторое время они сидели и курили косяк, потом Мэрион решила, что им нужно поесть, я умираю от голода. Ага, я тоже, найди мне «спикерс». Блин, Тай, ты вообще что-нибудь, кроме сникерсов, ешь? Ага, «чаклс». Люблю «чаклс». Ты, похоже, вообще ни хрена не умеешь правильно питаться, чувак тебе нужна хорошая порция куриной лапши. Кола и «сникерс» вполне меня устроят. Ну, надеюсь, тебя не обидит, если я не стану есть то, что рекламируют по телевизору. Когда я голоден, я ем, и не хочу слышать никаких подковырок от тебя, Гарри. Да я ни слова не сказал. Нет, но ты слишком громко думаешь. Чиеерт, да если у него была какая-нибудь мысль, она была первой в его жизни. Все рассмеялись, и Мэрион пошла в магазин, откуда быстро вернулась с длинным французским батоном, сыром, салями, оливками и двумя бутылками недорогого кьянти. Эй, детка, посмотри-ка на эту дешевую хавку. Смотри, чтобы

МАФИА тебя не услышала, им такое оч-чень не понравится. А что это такое? Могушественная армейская федерация итало-американцев. Они поджарят тебе задницу, сынок. Чиеерт, они от меня отличаются только тем, что я лучше пахну. Почему бы одному из вас, *бонвиванов*, не открыть бутылку, пока я тут с посудой разбираюсь? Ништяк. Вот, пожалуйста. Гарри бросил Тайрону штопор и пошёл к стереосистеме поставить музыку. Буквально через пару минут Мэрион выложила на стол тарелки, серебряные столовые приборы и доску для резки. Гарри налил вино, понюхал бокал, сделал глоток, подержал вино во рту, потом промокнул губы. Отличный букет. Прекрасный аромат. Мягкий вкус. Прекрасное вино. Должно быть, выдержка не меньше недели, так? Блин, да мне насрать, какой у него пол и возраст, главное, чтоб в нем носки не стирали. Тайрон, там, откуда это вино, носков вообще не носят. Оооо, этой чиксе палец в рот не клади, старый, это точно, — и они хохотали, отрезая куски от салями, хлеба и сыра, запивая их вином, при этом парни вытирали рот ладонями, Мэрион же аккуратно промокивала губы салфеткой, потом и Гарри последовал ее примеру. Мэрион ела медленно и с удовольствием, и Гарри тоже сбавил темп. Когда они закончили, на их тарелках лежали только колбасные очистки и крошки хлеба. Они сварили кофе и раскурили еще один косяк. Когда тот был скурен, Мэрион принесла десерт — три пирожных. Тайрон с энтузиазмом вгрызся в свое, а Гарри старался подражать изящным манерам Мэрион, которая аккуратно отламывала маленькие кусочки пирожного вилкой и медленно, неторопливо жевала, прежде чем сделать очередной глоток кофе, после чего промокивала губы салфеткой. Закончив, Тайрон откинулся на стуле и похлопал себя по животу: аахринееть... Это было что-то. Они снова наполнили чашки горячим кофе, запалили еще один косяк и закайфовали от ощущения глубокого удовлетворения, от чувства абсолютной уверенности в том, что и с миром и с ними все хорошо и что этот мир был перед ними не только на блюде с голубой каемочкой, но еще и под устричным соусом. И все в мире принадлежало им, и не было в мире ничего невозможного. Гарри посмотрел на Тайрона Си Лава: думаю, нам стоит забыть о сегодняшней разминке, а? Э, дружище, мне даже говорить о работе не хочется, она вообще мне не особо по при колу, но именно сейчас мне хочется думать только о Тайроне Си Лаве и о том, как ему сейчас хорошоооо. Тайрон поднял взгляд на потолок и улыбнулся. Ну, вообще-то, мне еще приятно думать о какой-нибудь хорошенькой лисичке, но я супер уверен, что мне не хочется иметь ничего общего с работой в любом виде. Мэрион открыла глаза так широко, как смогла, и подняла брови. Это что еще за работа? Поспорили, что ли? Тайрон заржал: черт, вот это правильная девчонка, дружище. Гарри тоже засмеялся и рассказал об их плане пойти немного поработать и поднять побыстрее денег, чтобы купить дерьмеца у Броди, разбодяжить и скинуть. Мэрион внимательно слушала. Она согласилась, что это была неплохая идея, только — не думаю, что вы, ребята, встанете в такую рань. Да мы запросто. Может, вы туда и доберетесь, но как долго вы протянете? Эй, детка, не надо обламывать, мне так сейчас кайфово. Мы замутим «скоростей», И это нам поможет продержаться. Они заулыбались, закивали. Что ж, если вам только это и нужно, я могу вам подсобить. У меня всегда есть запас таблеток декса и сонников. Блин, не торопи события. Нам надо все обдумать, правильно, чувак? Гарри засмеялся. Не паникуй, Тай, сегодня работать мы не пойдем. Можешь свою жопу на кон поставить, я и не собирался. Не-а. Черта лысого я стану ломать такой кайф. Они снова засмеялись, потом Гарри вдруг стал серьезным. Ну а завтра? Отойдем за день, а потом закинемся дексом и возьмем с собой по паре таблеток на всякий случай. Что скажешь, Тай? Чиеерт, меня зарубает, старик. Не забудь, завтра. Моя святая мамуля всегда говорила, никогда

не делай сегодня того, что можно отложить на завтра. И еще я собираюсь зайти к одной девочке, а она точно меня никуда до завтра не отпустит. у тебя хватит таблеток, чтобы завтра мы могли нормально поработать? Сама понимаешь, мы так не потянем. Конечно. Я же говорила тебе, у меня есть пара докторишек, рецептов хватит. Тогда все круто. Завтра ночью поднимем денег, да? Конечно, детка, — и они хлопнули по рукам. Мы на верном пути.

Сара сидела в своём любимом кресле перед телевизором и читала книгу о диете, рассчитывая свою норму шоколада. Она прочитала вступление, затем по диагонали пробежалась по главам, где говорилось о необходимости поддержания нормального веса, приводились параметры отношения нормального веса к росту, диаграммы, показывающие влияние избыточного веса на состояние здоровья в про центах и фунтах. Общий посыл был таков: срочно худей, иначе умрешь медленной и позорной смертью. Она дошла до главы, в которой говорилось О преимуществах данной системы над другими и о том, что химические изменения в организме, вызванные данной системой, сами вынудят тело сжигать жир и лишние фунты будут таять как лед на солнце. Звучало неплохо. Может, завтра я пойду и позагораю на солнышке. Она продолжила чтение, но вскоре снова стала про пускать страницы. Да верю я, верю, но где же сама диета??? ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ. Она мгновенн проглотила целую страницу. Поморгала и вернулась к началу. Страница не изменилась. Она перечитала ее. Строку за строкой. Все то же самое. Не глядя она пошарила рукой в коробке в поисках карамельки в шоколаде и, жуя и причмокивая конфеткой, продолжала смотреть на страницу, не веря своим глазам.

Завтрак

1 ЯЙЦО вкрутую

1/2 грейпфрута

1 чашка черного кофе (без сахара)

Обед

1 яйцо вкрутую 1/2 грейпфрута

1/2 кочана латука (без заправки) 1 чашка черного кофе (без сахара)

Ужин

1 яйцо вкрутую

1/2 грейпфрута

1 чашка черного кофе (без сахара)

Примечание: Пейте как минимум 2 кварты воды в день

Сара смотрела и жевала. Она очень внимательно вглядывалась в текст, пытаясь вычитать информацию между строк и найти разгадку. Каждый вечер в новостях этот милый молодой человек с усами и в очках говорил: но если читать между строк, сразу станет ясно, что имелось ввиду... Она смотрела. Она читала. Она держала книгу под разными углами, но видела только белую бумагу. И в конце концов её осенило. Она хлопнула себя по лбу. Ну и дура. Если это только первая неделя, то на вторую должно быть что-нибудь другое. Конечно. Они будут добавлять еду. Вот в чём дело. Она быстро перевернула страницу и ... то же самое. Абсолютно. Как можно? Ага, вот в чём разница. Она внимательно перечитала меню на вторую неделю, и оно действительно отличалось. Вместо яйца там был жареный мясной пирожок. Она быстро перевернула страницу и прочитала меню на третью неделю. Там вместо мясного пирожка была жареная рыба. Она уронила книгу на колени и потянулась за новой конфетой. *Никакого шоколада.* Она смотрела на коробку. Да как это может быть? Как

можно есть только *это*? Да этим имышь не накормишь. Она почувствовала пустоту внутри. Глубокая печаль переполняла её. Её голова потихоньку склонялась вниз, и ей пришлось закатить глаза, чтобы видеть происходящее на экране. Она чувствовала, тебя очень несчастной, разбитой и одинокой. Абсолютно одинокой. одинооокой. Ее горло сжалось, слезы быстро наполнили ее глаза. Она часто моргала, чтобы не дать им пролиться, а потом увидела себя на экране в своем красном платье, с прекрасными рыжими волосами, такую подтянутую, стройную, сексуальную. Какие формы. Сколько лет прошло с тех пор, как у нее были такие формы? Кто теперь помнит? Когда она только познакомилась с Сеймуром, у нее были красивые формы. Тогда она была подтянутой. Да, точно, подтянутой. Красивой. О, как же Сеймур смотрел на нее. И касался, Он говорил о том, что все его друзья завидовали ему. Я была такой красивой. *Zophitic*. Я была *zophitic*. Она смотрела на себя, стоящую рядом с ведущим, который представлял ее аудитории, и слышала аплодисменты и восторженные крики. Она улыбнулась. А может, они захотят выбрать меня в постоянное телешоу, когда увидят, как я выгляжу? Она наклонила голову сначала в одну сторону, потом в другую, рассматривая себя на телеэкране, и на ее лице появилась широкая улыбка одобрения. Да разве это проблема — питаться только яйцами какое-то время? Буду пить много воды, и лишний вес растает... мгновенно. Тоже мне, подумаешь. Нужны ей эти пирожные! Она прикончила конфеты, чтобы их не выбрасывать, и пошла в спальню, с нетерпением ожидая наступления следующего утра, чтобы проснуться и начать с новой диеты, которая позволит ей скинуть лишний вес легко и просто, и это станет началом новой жизни. Раздеваясь, она даже стала напевать «By Mir Bist Du Schon». Простыни были прохладными и уютными, а темнота — дружелюбной. Она вздохнула в подушку и свернулась калачиком, следя за пятнышками света под закрытыми веками, пока они наконец не исчезли, и к ней пришли сны о Сеймуре и тех счастливых годах, которые они провели вместе. Она снова вздохнула и с улыбкой помолилась за Сеймура... и за Гарри. Он всегда был таким хорошим мальчиком. Как она любила с ним нянчиться. Она вспомнила его маленькие пухленькие ножки, которые она так любила ласково покусывать. Такая радость, такая радость была возить его по бульвару в коляске и гулять с ним в парке... Ох, если бы только они могли оставаться маленькими всегда... Мамочка, мамочка, смотри... О, Гарри, дай тебе Господь не испытывать боли... Ахххх, мальчик мой. Пусть у тебя все будет хорошо, и хорошей тебе жены... Хорошей свадьбы... Лето перед их свадьбой. Помнишь, Сеймур? Марди Гра. Мой первый раз на Кони-Айленде. Клоуны, драконы и конфетти... солнце... Помнишь, какое в тот день светило солнце, Сеймур? Даже сейчас я в состоянии его почувствовать. И мы сели на карусель... я даже сейчас слышу эти звуки... в тот раз они были какими-то другими. О, Сеймур, столько дней, не похожих на эти...

И ты крепко обнимал меня, — Сара хохотнула и заерзала в кресле, — и ты говорил такие слова... Меня покажут по телевизору, Сеймур. Представляешь? Твоя Сара на телевизоре! Ада покрасит мне волосы. В рыжий. В тон моему красному платью. Ну, почти в тон. Помнишь, я надевала его на бармицву Гарри? Вообще-то волосы пока что так себе, но Ада обещала перекрасить их. Ты только представь, твою Сару покажут по телевизору. Могли ты такое представить? Может, я даже останусь там подольше. Возможно, они захотят пригласить, меня и в другое шоу. Помнишь, как Лану Тернер нашли в аптеке? Помнишь? Думаешь, я говорю ерунду? Кто знает. Это как будто новая жизнь, Сеймур. Это действительно новая жизнь... И Сара Голдфарб, миссис Сеймур Голдфарб, потерлась щекой о подушку и улыбнулась такой светлой улыбкой, которая даже в темноте светилась

радостью, идущей из ее сердца и души. Теперь можно не заботиться о том, как выжить, а просто жить. У Сары Голдфарб появилось будущее.

Гарри и Мэрион добились остатки его порошка и расположились на диване, путешествуя туда-сюда между кайфом и музыкой. В музыке присутствовала мягкость, которую они воспринимали чисто автоматически, мягкость была и в свете, который просачивался сверху и снизу штор, образовывал расширяющиеся круги и, просачиваясь сквозь разноцветные узоры и мягко раздвигая темноту по углам, окрашивал комнату в приятный глазу оттенок; нежность и доброта окутывали их отношение друг к другу, когда они, обнимая друг друга, отворачивались, чтобы сигаретный дым не попадал на лицо партнеру; даже их голоса были тихими и нежными и казались частью музыки. Гарри убирал волосы со лба Мэрион, любясь тем, как мягкий свет отражается от идеальной черноты ее волос и словно заставляет мерцать в полумраке контуры ее носа и скул. А знаешь, я всегда думал, что ты самая красивая женщина на свете. Мэрион улыбнулась и посмотрела на него; правда? Гарри кивнул и улыбнулся: с того самого момента, как я тебя встретил. Мэрион погладила его щеку кончиками пальцев, нежно улыбнувшись; это так мило, Гарри. Ее улыбка стала еще шире: мне так хорошо от этого. Гарри хохотнул: твоему эго уж точно, а? Ну, не могу сказать, что оно страдает от этого, но это не то, что я хотела сказать. От твоих слов мне так хорошо, словно... Ну, знаешь, многие говорят мне что-то типа этого, но их слова для меня абсолютно ничего не значат, то есть абсолютно. Ты думаешь, что они тебя разводят? Да нет же, ничего подобного. Даже если это и так, мне все равно. Возможно, они действительно так считают, но когда я слышу такие слова от других, — Мэрион пожала плечами, — это не имеет для меня никакого значения. Неважно, может, они самые искренние люди на земле, а мне хочется поинтересоваться, например; а как вы относитесь к ценам на кофе, понимаешь, о чем я? Гарри кивнул и улыбнулся: ага... Она посмотрела ему в глаза, прямо ощущая нежность в своем взгляде. Но когда это говоришь ты, я *слышу* это. Понимаешь, да? По-настоящему *слышу*. Для меня твои слова имеют значение. Они не только важны для меня, я не просто их слышу — я верю им всем сердцем... и от этого мне становится очень хорошо. Я рад, — улыбнулся Гарри. Да — оттого, что ты мне *делаешь* хорошо. Она в возбуждении повернулась: а знаешь, почему? Потому, что я чувствую, что ты знаешь меня настоящую. Ты не просто смотришь на то, что снаружи, — Мэрион смотрела Гарри прямо в глаза, — нет, ты смотришь вглубь меня и видишь там *настоящего* человека. Мне постоянно твердили, что я красивая, Брюнеточка, красавица, будто от этого у меня все должно быть всё в порядке. Не беспокойся, милая, ты у нас красавица все у тебя будет в порядке. Моя мать просто шизанулась на этой теме. Будто это альфа и омега существования. Как будто если ты красива, то тебе не о чем мечтать, ты не чувствуешь боли, или отчаяния, или одиночества. Почему ты такая несчастная, ты же такая красивая? Господи, они меня просто с ума сошли — типа я всего лишь красивое тело, и ничего больше. Ни разу в жизни, ни единственного разочка они не попытались любить меня настоящую, любить меня такую, какая я есть. Гарри продолжал гладить ее по голове и по щеке, ласкать ей шею и мочку уха, с улыбкой глядя, как она откликается на его ласки, как смягчается ее улыбка. Наверное, мы с тобой родственные души, и потому чувствуем такую близость. Ее глаза засияли еще ярче, когда она повернулась к нему и, склонив голову ему на плечо, посмотрела в глаза: именно об этом я и говорила. Понимаешь, у тебя есть чувства.

Ты можешь оценить меня настоящую. Вот сию секунду я испытываю такую близость,

которой у меня никогда прежде не было... *ни с кем.* Да, я понимаю тебя. Я чувствую то же самое. Не знаю, смогу ли я найти правильные слова, но — не нужно слов, все и так понятно. В этом-то все и дело. Какая польза от слов, если за ними ничего не стоит? Это просто слова. Вроде как посмотреть на картину и сказать; ты прекрасна. Значат ли эти слова что-нибудь для картины? Только вот я не картина. Я не двумерная. Я личность. Даже картины Боттичелли не могут дышать и чувствовать. Они прекрасны, но все равно остаются картинами. Не важно, насколько красив фасад, внутри есть чувства и потребности, которые словами не выразить. Она приютилась у него на груди, и Гарри, обняв ее, взял ее руку в свою. Ты права. Красота — она не только снаружи, но им всем не понять. Это безнадежно. Вот потому-то и не стоит особо тревожиться обо всем мире. Тебя все равно поймут. На людей не стоит рассчитывать, потому что рано или поздно они набросятся на тебя или исчезнут, оставив тебя одного. Мэрион слегка нахмурилась: но нельзя же от всех прятаться. Все равно тебе нужен кто-то, кого ты будешь любить... на кого сможешь рассчитывать... кто-то... Нет, нет, я не это имел в виду, — Гарри снова прижал ее к себе, — я говорил о всех этих уродах, которые нас окружают. Такой человек, как ты, мог бы действительно сделать меня счастливым. С тобой я мог бы достичь чего-то в жизни. Мэрион вздохнула: ты правда так думаешь, Гарри? Ты действительно думаешь, что я могла бы вдохновить тебя? Гарри посмотрел ей в глаза, Потом на ее лицо и нежно провёл пальцем по ее щеке, по контуру ее носа, на его лице и в его глазах играла мягкая нежная улыбка. Ты действительно можешь сделать мою жизнь Стоящей. Мужчине нужна веская причина, чтобы хотеть жить, иначе какой вообще смысл в его жизни? Мне лично нужно нечто большее, чем улица. Не хочется всю жизнь бултыхаться как дерьмо в проруби. Я хочу быть чем-то... кем-то. Мэрион крепко Прижала его к себе, о, Гарри, мне кажется, я действительно могла бы помочь тебе. Что-то во мне рвется наружу, но нужен правильный человек, чтобы подобрать ключ к замку. Ты можешь открыть этот замок, Гарри. Я точно знаю. Гарри обнял её, и Мэрион устроилась поудобнее в его объятиях. Точно. Могу поспорить, что у нас бы все получилось. Он гладил ее волосы, глядя в потолок, именно поэтому я хочу поднять денег и начать свое дело. Не хочу шакалить на улицах до конца своей жизни, и закончить, как все. Если бы я мог поднять немного денег, я бы начал свое дело, и все было бы нормально. Он взглянул на Мэрион и улыбнулся: Я еще никому не рассказывал, но я мечтаю открыть, то-то вроде театра-кофейни. Там бы подавали отличную еду, выпечку и разные сорта кофе, горячий шоколад и чай из разных концов света: Германии, Японии, Италии, России... И там было бы что-то вроде театральной труппы, выступающей по вечерам, и может, мимы. Не знаю, я еще не продумал все как следует, но... — Мэрион села, выпрямившись, Блин, это же просто атас. Классная идея, Гарри, можно было бы еще развешивать на стенах картины молодых художников. Сделать что-то вроде галереи. Скульптуры... Гарри кивнул: ага. Звучит офигенно. О, Гарри, давай займемся этим. Давай. Идея потрясающая. Я без проблем могу найти художников. О, И еще мы могли бы устраивать поэтические чтения пару раз в неделю — ой, Гарри, это так здорово, и это точно может получиться, я просто уверена, что у нас получится. Ага, я тоже так думаю. Пожалуй, это займет много времени, но, я думаю, можно было бы открыть пару таких мест. Знаешь, после того как первое заведение раскрутится здесь, можно переехать в Сан-Франциско и открыть там второе. О, ты полюбишь Сан-Франциско, Гарри! И у меня там полно знакомых, которые могут помочь нам: мимы, поэты, художники, — я их всех знаю, мало ли что у нас закрутится. Гарри улыбнулся: ага. Только надо постараться сделать все по-серьезному здесь, прежде чем расправить крылышки там. О, Я знаю. Но мы ведь можем

строить планы. Как ты думаешь, сколько нам понадобится времени, чтобы собрать нужную сумму? Гарри пожал плечами: не знаю. Немного. Все пойдет как по маслу после того, как мы сможем достать первую партию. Она обняла его: о, Гарри, я так загорелась, у меня нет слов. Гарри засмеялся: а то я бы сам не догадался. Они расхохотались и, обнявшись, стали целовать друг друга — сначала медленно, затем все более страстно, потом Гарри отстранился и страстно посмотрел на Мэрион: я люблю тебя — и поцеловал ее нос, потом глаза, щеки, потом мягкие губы, подбородок, шею, уши, потом зарылся лицом в ее волосы и, ласково поглаживая ее спину, зашептал: Мэрион, Мэрион, я люблю тебя, — и она мягко двигалась в такт, чувствуя, как его слова, ласки и поцелуи проходят через нее, унося прочь все тревоги, страхи, сомнения и проблемы, и она чувствовала себя по-настоящему живой. Она чувствовала себя любимой. И нужной. Гарри чувствовал себя реальным. Он чувствовал, как все недостающие части начинают вставать на свои места. Он чувствовал, что с ним происходит что-то очень важное. Они оба стали целым. Они чувствовали полное единение. И несмотря на то что они лежали на обычном диване, они чувствовали себя частью необъятной вселенной. Им казалось, что они находятся на вершине холма и мягкий бриз шевелит волосы Мэрион; они шли сквозь залитый солнцем лес и по усыпанным цветами полянам, одновременно ощущая себя птицами, парящими в небесах и поющими песни свободы, и ночь была тепла, и просачивающийся сквозь занавески свет по-прежнему разгонял темноту по углам, и они все продолжали обнимать и целоваться и разгонять темноту внутри себя по углам, веря в свет и мечты друг друга.

Проснувшись, Сара улыбнулась. Было раннее утро, она чувствовала себя полностью отдохнувшей. Она не могла сказать точно, было ли все это сном, если даже так, то это был прекраснейший из снов. Ей показалось, что она слышит пение птиц. Она убралась из постели и, пританцовывая, направилась в ванну, где приняла душ, подготовив себя к новому дню. Посмотрев в зеркало на свои волосы, она улыбнулась и пожала плечами. Какая ерунда, Они прекрасны. Это у нее наследственное, хихикнула Сара. Бум, бах, тарарах, оранжевое небо. Она снова хохотнула и протанцевала в гостиную, включила телевизор, и потом провальсировала на кухню, поставила варить яйцо, затем вышла к почтовому ящику посмотреть, не пришли ли бумаги с телевидения. Она знала, что до прихода почтальона еще несколько часов, но мало ли? Может, это будет специальная доставка, типа заказного письма, а может, сегодня работает другой почтальон, который доставляет почту по утрам. Ящик был пуст, как, впрочем, и ящики соседей.

Она вернулась в квартиру и начала чистить грейпфрут, думая о том, что ей съесть сначала, грейпфрут или яйцо, Она задумчиво пила свой черный кофе, затем съела кусочек грейпфрута, потом яйцо и остальной грейпфрут. И это было все. Она пожала плечами и налила стакан воды. Глотая воду, она представляла, как тает ее лишний вес. Потом она села, чтобы допить свой кофе, но ее руки продолжали шарить по столу, поэтому она снова встала из-за стола и помыла тарелки, потом вытерла их насухо и убрала в шкаф, потом посмотрела на часы, чтобы прикинуть, сколько осталось времени до обеда, поняла, что сейчас еще очень рано даже для завтрака, и почувствовала, как в ее животе начинает зарождаться паника, однако она вернулась в спальню, заправила постель и привела комнату в порядок, приказав желудку заткнуться, — красное платье лучше, чем какой-то датский рулет. Она напевала и порхала по комнате, наводя порядок, убивая время перед встречей с Адой, которая должна была заново покрасить ее волосы. Убирая спальню, она с возрастающим интересом

смотрела идущую по телевизору программу, пока не остановилась совсем и не села в свое любимое кресло, чтобы посмотреть нарезку из сериала. Концовка была не только счастливой, она была веселой, даже сердечной, и ее сердце наполнилось радостью еще больше, когда она, взяв полотенце, вышла из квартиры на улицу. Проверив снова свой почтовый ящик, она направилась к Аде. По крайней мере, сегодня все не так плохо. Просто еще немного перекуси. Так ты получила письмо? Пока не было никакой почты. Думаю, сегодня придет. Думаешь, в нем будет сказано название шоу? Сара пожала плечами: надеюсь. А какой главный приз? Главный приз? Неделя с Робертом Редфордом — откуда мне знать? Может, когда я узнаю название шоу, тогда пойму и про приз. Ада обмотала шею Сары полотенцем, и они разместились напротив телевизора. Я вчера видела, как одна женщина из Куинса в одном шоу выиграла новенькую машину, и шесть чемоданов, и такую красивую косметичку, синенькую. Знаешь, Ада, именно, то мне и нужно. Новую машину и багажные сумки. Чтобы поехать Майами. Я всегда покупаю себе новенькие сумки, когда езжу в Фонтенбло. Только проверь, чтобы машину как следует отполировали, и не дешевой какой-то, а специальным солнцезащитным составом. При таком солнце машине нужна защита. И что, в машине было достаточно места для водителя и багажа? Ада начала накладывать краску на волосы. Ты бы видела эту женщину, она чуть в обморок не упала. Помоему, она живет рядом с Катцами. Катцами? Ага, Помнишь? Риа и Ирвин Катц. Они раньше жили над магазином деликатесов от Хайми. Когда же все это было? Лет десять назад, и — я должна помнить? Как раз тогда умер Сеймур. О, знаю, знаю. Но ты помнишь. У них был такой милый мальчик. Теперь он известный доктор. В Голливуде. О, да, я помню. Так что, они живут рядом с женщиной, у которой машина и чемоданы? Ада пожала плечами. Может, так и было. Они переехали в Куинс. Возможно, они знали друг друга. В любом случае это хороший приз. То, что мне нужно. Вчера я видела, как одна пара выиграла бассейн. Бассейн? Ага. С фильтром, подогревом воды и прочими причиндалами. Вот бы и мне тоже. Я бы тогда передвинула диван и попросила установить бассейн в гостиной. Не получится, Сара. Тебе подняли бы ренту. За что это? Да за все. А я бы отдала им багажный набор. Пусть поедут в отпуск и оставят меня в покое. Осторожно, не двигайся, пока я не закончу. Тебе же не хочется заполучить рыжий нос. Ада осторожно наложила краску, пока они сплетничали, а когда она закончила, Сара посмотрела на часы: отлично. Как раз время пообедать. Сегодня на обед у меня яйцо, грейпфрут, черный кофе и немного латука. Bon appetit.

Гарри и Мэрион спали на диване в объятьях друг друга. Музыка все играла, свет от лампы смешивался с солнечным светом, сочащимся сквозь закрытые шторы. В комнате царил покой, которое не мог нарушить шум-гам улиц Бронкса, по которым ходили люди и ездили машины, грохоча и сигналив. Их кожа была влажной от духоты, но все равно ничто не тревожило их спокойный сон. Квартира и все, что в ней находилось, казалось, были изолированы от окружающего мира и словно отражали состояние находившихся в ней любовников. Иногда от проезжающего мимо грузовика тряслись стекла в окнах, полы и стены, однако эти звуки тонули в безмятежности, царившей в квартире; время от времени комочки пыли начинали танцевать в струящихся солнечных лучах, когда по квартире пролетал легкий сквознячок. Летнее солнце продолжало свой подъем, обрушивая каскады жары на город, и пот стекал по телам его жителей, пропитывая одежду насквозь, и они вытирали лица и обмахивались газетами, пытаясь пережить еще один чертов день, в то время

как Гарри и Мэрион мирно спали в объятьях друг друга, забыв о реальности за пределами квартиры.

Сара еще раз проверила свой почтовый ящик после хорошего обеда, где она позволила себе немного больше латука. Вряд ли это можно назвать жульничеством — подумаешь, какие-то полтарелки латука, в любом случае все зависит от того, как отмерить порцию. Если просто наложить латук в мерную чашку, то там будет больше воздуха, чем салата. А Сара просто как следует примяла салат, чтобы между листьями не оставалось воздуха... примяла очень плотно, отчего на полчашки вышло полкочана салата. Ну и что! Сколько салата ни съешь, все равно сокрушаться нечего. Она почти залпом выпила два стакана воды, потом постаралась убедить себя в том, что она наелась, но кого она хотела обмануть? Кто в такое поверит? Я вовсе не наелась. Я все еще очень голодна. Она снова посмотрела в книгу, и там было написано, что после двух дней (ДВУХ дней! Да вы просто издеваетесь!!!) ваш организм начнет поглощать собственный жир, и вы не будете чувствовать голод. Что-то не заметно. Книга также предлагала представлять себя в идеальных пропорциях и концентрироваться на этом, дабы избежать мыслей о еде, которые у нее, возможно, будут появляться (*возможно?* Это что, шутка?), — и она так и делала и снова видела себя в красном платье, с рыжими волосами и в золотых туфлях, такой *zophtic*, идущей по сцене, но даже это не помогало ей избавиться от чувства голода. Нет голода только потому, что я такая худая и красивая? Я не ем только потому, что я прекрасна? Она снова посмотрела в книгу... Не допив кофе, она вышла проверить почтовый ящик. Ничего. Вернувшись в квартиру, она встала посреди кухни, глядя на холодильник, чувствуя, как помимо воли начинает медленно, но верно клониться к нему, он ее словно гипнотизировал, и в то же время ей хотелось посмотреть, насколько она способна нагнуться, прежде чем упадет лицом в пол. Она наклонялась все ниже, пока резко не выставила руки, остановив таким образом грозившее падение, и ухватилась за холодильник. Вот этого мне не нужно. Она отвернулась от холодильника и пошла в ванную. Она взбила волосы и внимательно рассмотрела себя в зеркале. Конечно, они все еще не настолько рыжие, насколько ей хотелось, но явно рыжеватые. Цвет вроде морковного. Родственник рыжего, это точно. Завтра у нее еще один сеанс у Ады, И, возможно, после него волосы станут идеальными, хотя и сейчас все не так уж плохо. Может быть, ей стоит выйти на улицу погреться на солнышке — в ожидании почтальона. Пусть все посмотрят, какие красивые у нее теперь волосы. Она остановилась в дверях кухни, повернулась спиной, вызывая кивнув холодильнику, взяла шезлонг и, довольная собой, вышла на улицу, по пути проверив почтовый ящик. Она присоединилась к остальным загорающим. У некоторых под подбородками были специальные отражатели, которые позволяли смотреть на яркое солнце. Сара чувствовала, как засияла на солнце ее прическа и, слегка потрянув головой, напряглась в ожидании первого комментария. Ада нам уже рассказала. Это восхитительно. Спасибо. Завтра мы сделаем их немного темнее. Чтобы сочеталось с красным платьем. А зачем темнее в таком случае? Сейчас они выглядят прямо как у Люси Болл. Нет, не совсем. Но скоро... Я сейчас на диете. Одна из женщин слегка опустила свой рефлектор: Грейпфрут и салат — и тут же подняла рефлектор обратно. Женщины отвечали, держа глаза закрытыми и поворачивая лица к солнцу. А что за диета? Яйцо и грейпфрут *Ай вей*. Я как-то через такое прошла. Удачи тебе, куколка, Да все не так плохо. И сколько ты уже на ней? Целый день. Целый день? Сейчас только час дня. Ну и что? Целый день значит целый день. Я хочу похудеть. А вот моя Роза потеряла пятьдесят фунтов на раз. На раз? Что значит на раз? Вот

то и значит. Фуф. Ты ее в ящик пропотеть посадила, что ли? Доктор. Он ей таблетки выписал. От них есть вообще не хочется. Ну и что в них хорошего? Кому это нужно — не хотеть есть? То есть я сижу и не думаю "рубленой печенке и бастурме со ржаным хлебом? С кусочком огурца и горчицей. И селедка. Селедка? Да, селедка. В сметане. С мацой. Еда. Когда солнце сядет за вон то здание, я поем, — она искоса посмотрела на солнце, — ну, может, через двадцать минут. Нельзя так говорить, когда кто-то на диете. Да ладно. Я украдкой съем еще салата. Думаю похудеть. Женщины так и сидели на своих придвинутых к стене раскладных стульях, повернув лица к солнцу и болтая, пока не появился почтальон. Сара сложила свой стул. И поспешила за ним к дому. За ней последовала Ада и несколько других женщин. Голдфарб. Голдфарб. Я знаю, у вас есть очень важное письмо на фамилию Голдфарб. Сегодня мало писем, всего пара-тройка, не то что в начале месяца, когда приходят все эти счета. Но мне должно было прийти. Вот, есть тут что-то для Голдфарб, Сары Голдфарб, он вручил Саре толстый конверт. Ну, посмотрим. Открывай, открывай. Сара аккуратно вскрыла конверт, стараясь не повредить ничего внутри, и достала бланк анкеты, двухстраничный вопросник и конверт с обратным адресом, скрепленные вместе. Так какое шоу? Почтальон закрыл ящик, обогнул группку окруживших Сару женщин: всего хорошего, приятного дня — и, насвистывая, пошел по улице. Женщины кивнули, некоторые автоматически попрощались и тут же снова придвинулись к Саре.

Здесь не сказано, какое именно шоу. Что? А откуда ты узнаешь, какое шоу, если там ничего не написано? Они, видать, решат после того, как отправишь им анкету. И что за тайны такие? Ада взяла у Сары письмо, и Сара указала на параграф. Видишь? Ада кивнула читая: «...будучи продюсерским агентством для ряда телевизионных шоу со зрительской аудиторией, в том числе и тех, что находятся в проекте, мы бы хотели воспользоваться возможностью...» Куча слов и никакого смысла. Точно как в сериале. Завтра в это же время на нашем канале в следующей серии... Они засмеялись и вышли обратно на улицу, к своим стульчикам — погреться еще немного на солнышке, пока оно не скрылось за зданием. Сара пожалала плечами и вернулась в квартиру — ломать голову над вопросами анкеты. Включив телевизор, она села в свое кресло и несколько раз прочитала вопросник, прежде чем пойти на кухню. Там она налила себе стакан чаю, стоя спиной к холодильнику, и села за стол заполнять бланк. По правде, Саре не так уж часто доводилось заполнять анкеты, но каждый раз поначалу эта задача казалась ей невозможной.

Вот и сейчас. Она просто сидела спиной к холодильнику и пила чай, понимая, что скоро все начнет приобретать подобие смысла. Она искоса посмотрела на анкету, затем медленно передвинула ее на середину стола, пока та не оказалась прямо перед ее носом. Ну и что? Неужели какая-то бумажка испортит мне настроение? Вопросник? Ну давай, господин Умник, задавай мне свои вопросы. Ага. И это, по-твоему, вопрос? Да я на дюжину таких запросто отвечу. Она начала заполнять форму, аккуратно выписывая каждую букву. Имя. Адрес. Телефон. Номер страховки. Хех, легко, — и она заскользила от одного вопроса к следующему, потом вдруг остановилась. Ага, значит перешли на личности? Она покосилась на анкету и глотнула чаю. Хорошо, хочешь знать, так я скажу, — и она быстро вписала несколько цифр: дата рождения. Следующий вопрос был: возраст. Так я еще и посчитать за вас должна? Я, конечно, не Эйнштейн, но это я смогу сделать. Прочитав следующий вопрос, она сначала улыбнулась, потом засмеялась, потом пожалала плечами, прежде чем написать ответ. Семейное положение: жду — не дожусь. Вдруг призом будет Роберт. Редфорд... или даже Майки Руни. Пол: мне бы кого-нибудь с мужским. Она хихикнула и, продолжая

беседовать с анкетой коротко и ясно, отвечала на вопросы. Закончив, она несколько раз перечитала анкету, чтобы удостовериться в правильности своих ответов и в том, что ничего не пропущено. В таких случаях нельзя быть неряшливой или ленивой. Какие именно мечты сделает реальностью эта анкета? Куда это приведет? Ежедневно она видела по телевизору, как внезапно меняются жизни людей. Люди женятся. Сыновья возвращаются домой. Все счастливы. Она некоторое время посидела с закрытыми глазами, потом аккуратно сложила анкету по старым сгибам, положила ее в конверт с обратным адресом, заклеила его, прижав ладонью язычок конверта и подержав его так некоторое время, потом положила его на кресло и села на него для верности. Уж если и это не поможет, тогда не знаю. Она вызывающе посмотрела на холодильник: да кому ты нужен? — и пошла отправлять письмо. Несколько соседок сидело в тени. Она помахала конвертом: готово! Они вместе прошли до почтового ящика на углу. Интересно, когда они ответят. А может, они пошлют тебя на неделю в Гроссинджерс — туда всех звезд отправляют. И я буду есть грейпфруты и яйца в Гроссинджерс? Женщины засмеялись. Их подругу Сару Голдфарб, с которой они знакомы вот уже лет двадцать, а то и больше, покажут по ящику. В жизни много печали и боли, но время от времени лучик света проникает в сердце, чтобы растопить твоё одиночество. И вот, когда этот лучик засиял для их подруги Сары Голдфарб, его отблески падали и на них тоже, и они делили с ней надежду и мечты. Сара приоткрыла крышку ящика и поцеловала конверт на прощанье. Потом закрыла и снова открыла ящик, чтобы удостовериться, что конверт упал внутрь, и доверила свои мечты почтовой службе Соединенных Штатов.

Офисные служащие, разносчики пиццы, строители и прочие работяги были уже дома или по пути домой, когда для Гарри и Мэрион начался новый день. Стоило им открыть глаза, даже слегка, как тени, казалось, со всех сторон атаковали их, заставляя снова закрыться, и ребята со стонами ворочались, пытаясь поудобнее устроиться на узком диване и снова уснуть, однако несмотря на то, что их веки были тяжелы, а тела расслаблены, снова уснуть было невозможно, а потому они зависли где-то между пробуждением и тьмой, пока тьма не стала пугающей, и тогда они заставили тяжелые от сна тела подняться и сесть и мало-помалу сумели сориентироваться в пространстве. Гарри помассировал шею. Блин, я как будто мешки таскал. Он оттянул на груди футболку.

Да я весь мокрый. Сними ее и повесь на спинку кресла. Высохнет быстро. Пойду сделаю нам кофе. Гарри смотрел, как Мэрион идет по комнате и ее попа плавно качается из стороны в сторону. Он повесил футболку и некоторое время глядел из окна на улицу, слегка отодвинув штору. Он смотрел на уличное движение до тех пор, пока общая картинка не стала распадаться на отдельные образы, и в конце концов ему пришлось моргнуть, чтобы картинка снова слилась воедино. Он почесал голову и широко раскрыл таза. Постепенно его привлекли звуки из кухни, и, отпустив штору, он присоединился к Мэрион, которая в этот самый момент поставила на стол две чашки кофе. Как вовремя. Ага. Они пили горячий кофе и курили. Господи, я даже не помню, когда отрубился, а ты? Мэрион улыбнулась: я помню, как ты гладил мою шею и шептал мне на ухо. Гарри хохотнул: судя по тому, в каком состоянии моя рука, я делал это всю ночь. Мэрион посмотрела на него и почти смущенно сказала: это было здорово. Мне понравилось. Прошлая ночь была лучшей в моей жизни. Ты что, глумишься? Она мягко улыбнулась и покачала головой: нет. После того как я переспала с тобой полностью одетой, как я могу над тобой глумиться? Гарри засмеялся и пожал плечами: да уж. Странно, да? Но все равно здорово. Мэрион кивнула: это было прекрасно.

Бля, похоже, я опять никуда не пойду ни утром, ни вечером, ни ночью, ни когда-либо вообще. Вот, держи. Мэрион протянула ему капсулу: прими, и быстро проснешься. Хм, что это? Капсула проглочена и запита кофе. Капсула декса. Можешь потом еще одну принять перед работой. Работой? А, блин, мы же собирались сегодня развозить газеты. Господи. Не переживай, к тому времени, как ты допьешь свой кофе, твое отношение к работе резко изменится. Особенно когда ты вспомнишь, зачем тебе эта работа. Гарри почесал голову: да, пожалуй. Только сейчас все это кажется невозможным. Ну и не думай об этом. Она долила кофе в чашки. Допьем и пойдем в душ. Всегда помогает. Она улыбнулась: как прогулка под дождем.

К тому времени, как позвонил Тайрон, Гарри не просто проснулся, он уже рвался в бой. Он проговорил без остановки часа два, время от времени поднимаясь с декседрина парой-другой затяжек травы. Он очень активно воспринимал музыку, его тело энергично двигалось, пальцы прищелкивали, а голова, казалось, находилась в эпицентре зарождения аккордов. Когда он мог остановить словесное извержение на время, достаточное, чтобы глотнуть кофе, затянуться сигаретой или косяком или просто сделать глоток воздуха, его челюсти продолжали ходить ходуном. У этого сукиного сына охренительный саунд, просто улет... да, чувак, давай... Гарри прикрыл на секунду глаза, ритмично кивая под музыку: ты слышишь, а? Врубаешься, как он это исполняет? Какие переходы, а? Бля! Круто... получи-ка, мамуля, ха-ха, охренеть, блин, он просто бог. Особенно когда, типа, скользит к верхним нотам — меня просто выставляет, врубись? Вроде никаких перемен в ритме, такой, типа, фанковый барабан и тарелочки и просто легкий подъем к верхним нотам, а ты уже вовсю балдеешь. Он просто гений, блин, реальный гений... Композиция закончилась, и он снова обратил свое внимание на Мэрион и кофе. Мэрион подлила ему еще. Знаешь, как только мы замутим первую партию и У нас появятся деньги, надо будет пойти в даунтаун и затусовать в каком-нибудь клубе, где хороший музон. Я бы не прочь. Мы много чего сделаем, когда денег поднимем. Мы вылезем из болота. Поставим всех на уши. Быстренько замутим эту кофейню, потом поедem в Европу, и ты покажешь мне все эти картины, о которых постоянно талдычишь. Мы даже можем снять тебе студию, чтобы ты снова занималась живописью и скульптурой. Эти кофейни сами собой будут валандаться, если мы найдем грамотных людей, а мы будем кататься по миру и посмотрим, что к чему. Тебе это понравится, Гарри. Пройти через все эти мили Тицианов в Лувре. А я всегда хотел в Стамбул поехать.

Не знаю почему, но мне всегда хотелось в Стамбул. Особенно — прокатиться туда на Восточном экспрессе. Может даже, с Турхан-беем или Сидни Гринстритом или с Питером Лорре. Блин, никак не могу его забыть. Помнишь его в «М» («М» — фильм реж. Фрица Ланга)? Мэрион кивнула. Мне всегда было интересно, каково это быть, ну, насильником детей. Не знаю как объяснить, но я всегда чувствовал что-то вроде жалости к этим чувакам, нет, мне и детей тоже жалко, но вот эти уроды... наверное, в этом что-то такое есть, это ж надо сначала уболтать ребенка пойти в какой-нибудь подвал, а потом заниматься с ним этим, боже... Интересно, о чем они вообще думают, ну, что у них в головах происходит? Наверное, тоскливо вот так просыпаться в одиночестве и знать, что ты это сделал... Господи. А в тюрьме все остальные заключенные ненавидят их, знаешь? Мэрион снова кивнула. Они там как отверженные. Все их достают' а если кто-то из заключенных избьет одного из них, то охранники закрывают на это глаза, даже если знают, кто это сделал. Они просто отворачиваются и идут в другую сторону, а в некоторых тюрьмах их еще и насилюют. Бля, это жестко. Я рад, что это не мой *shtik*, — он наклонился и посмотрел на

Мэрион, его глаза едва не выпрыгивали из глазниц, его грудь вибрировала от учащенного сердцебиения, — я рад, что есть только мы, и никого и ничего больше, только мы, — он взял ее руки в свои и ласкал их, потом стал целовать кончики ее пальцев, потом ладони, потом крепко прижал их к губам, лаская их кончиком языка и глядя на нее снизу вверх, а она улыбалась ему губами, глазами, сердцем и всем своим существом: я люблю тебя, Гарри. Нас ждет много всякого хорошего, малышка, и мы покажем миру, кто мы такие, я нутром это чувствую, буквально мозгом костей, что ничего такого, что мне не под силу, ничего, я сделаю тебя счастливейшей женщиной, и это не просто обещание, это факт, потому что я давно чувствую в себе нечто, что так и просится наружу, и ничто меня не остановит, и если ты хочешь луну, то считай, она уже твоя, я даже могу повернуть ее покрасивей, если хочешь.

Мэрион держала его за руки и смотрела в глаза с любовью и нежностью. Я серьезно говорю, я чувствую себя как Сирано, — и он вскочил, помахав рукой, словно в ней была шпага — где эти великаны и циклопы, я порублю их в капусту, и — раздался звонок, и Мэрион вскочила и побежала, смеясь, к двери: надеюсь, этот великан не слишком больших размеров. Она открыла дверь, и в квартиру ввалился Тайрон. Гарри стоял в центре комнаты, размахивая воображаемой шпагой: и вот это называется великан? Защищайся! И он начал теснить Тайрона, который стоял, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми: мой отец был лучшим фехтовальщиком в Тель-Авиве, — и Гарри продолжал нападать, парировать, атаковать, потом упал на одно колено и нанес противнику смертельный удар: *touche!* Гарри поклонился, уперев руку в бок, и увел Тайрона в кухню. Мэрион хохотала. Эй, чувак, что с тобой такое? Со мной? Со мной ничего. Никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Отличный день. Знаменательный. День, который войдет в анналы истории как день, когда Гарри Голдфарб перевернул мир с ног на голову, день, когда я полностью и безнадежно влюблен и отдаю моей возлюбленной свое белое перо, — и он снова низко поклонился, а Мэрион, сделав книксен, приняла «перо», а он упал на колени и поцеловал ее протянутую руку. Встаньте, сэр Гарольд, королевский рыцарь Подвязки, защитник страны, мой возлюбленный принц. Бля, я ж только спросил, че с ним такое, а вы тут мне целый спектакль закатили. Мэрион и Гарри хохотали, а Тайрон стоял, словно его поддерживали невидимые нити, грозившие оборваться в любой момент. Да вы ненормальные просто. Что с тобой, Тай, ты что-то бледно выглядишь, — хохотал Гарри. Разве это не ужасно? Закрой глаза, старик, ты истекаешь кровью, — Гарри снова зашелся громким смехом, и Мэрион хихикала, качая головой. О, чиерт. Я будто попал в какой-то сраный комикс. Гарри все не мог остановиться: смирись, друган. Тайрон развалился за столом и посмотрел на Мэрион. Малышка, ты чем этого кота накормила? Любовь, старина. Она накормила меня любовью. Наконец-то он нашел диету, которую искал всю жизнь. Разве ты не знаешь, что любовь заставляет крутиться нашу планетку? Мне пофигу мир, детка, я не о нем тревожусь, а о тебе. Гарри и Мэрион засмеялись, Тайрон выдавил из себя слабое подобие улыбки, и Гарри закружил Мэрион по кухне, обняв за талию, и нежнейше поцеловал в шею. Я, блин, всю ночь не спал и весь день, трахался, пока не почувствовал, что моя жопа стекает в мои ботинки, а тут ты со своей уродливой радостной рожей стоишь и трешь о том, что любовь крутит миром. Чиерт. Я готов хоть двадцать семь лет проспять. Тайрон хохотнул, Гарри с Мэрион рассмеялись, и она дала Тайрону капсулу декса, и он запил ее глотком кофе. Понятия не имею, зачем я здесь. Seriously, ни малейшего. Если бы та киска не разбудила меня и не сказала, что обещала меня разбудить и выставить меня, кота, за дверь... Чиерт, я чуть под забором не уснул. Это сила любви, Тай, вот что это такое. Мы послали вибрации любви для того, чтобы

твоя бледная, но симпатичная маленькая задница могла притащиться сюда и мы могли бы пойти и поднять денег, чтобы потом замутить партию того кайфа. И какое отношение имеет любовь к твоему желанию поскорее заполучить товар? Гарри заставил Мэрион перегнуться через его руку, будто в танго, и пропел голосом а-ля Расс Коламбо: ах, может, это безумие, но, по-моему, это любовь. Я лишь надеюсь дожить до того момента, когда эта сраная таблетка начнет действовать, пока вы двое окончательно не свели меня с ума. Она сраная, потому что я ее из задницы достал, заржал Гарри, и Мэрион засмеялась и покачала головой: о, Гарри, какая гадость. Тайрон на мгновение вытаращил глаза, посмотрев на Гарри с выражением шутливого недоумения на лице: кому-то надо пристрелить этого чувачка, не то его больно порежут, — и смех Тайрона влился в общее веселье, и они все сидели за столом, а когда Мэрион успокоилась, то снова наполнила их чашки свежим кофе и Гарри наконец сбавил обороты и решил отдышаться, и снова его зацепила мелодия, его сознание было поглощено музыкой и втянуто в нее, и он снова прикрыл глаза, покачивая головой и прищелкивая в такт пальцами, слушая. Чиерт, может, он и выглядит как придурок, но мне так нравится больше... Блин, щекотно же, — Мэрион засмеялась, и Тайрон продолжал хихикать, и Гарри посмотрел на него, изображая крутого: все ништяк, чувак, — и продолжил качать головой и пощелкивать пальцами. Тайрон Си Лав допил вторую чашку кофе, и его веки отказывались закрываться, он пил уже третью чашку кофе И, прикурив сигарету, откинулся на своем стуле. Офигенно, детка, — и тоже стал покачивать головой и щелкать в такт пальцами, тогда Гарри, слегка прикрыв глаза, протянул руку ладонью вверх, и Тайрон хлопнул по ней: бля, мы это сделаем, детка, — Гарри хлопнул по его ладони: агааааа. Мэрион прижалась к нему, он крепко обнял ее, и они вместе слушали музыку, чувствуя, как их переполняют силы, периодически поглядывая на часы в ожидании, когда наступит время, а время бежало быстро, чтобы шагнуть в новое измерение...

Первый день на диете закончился. Ну, почти закончился. Сара сидела в своем любимом кресле и тянула воду из стакана, концентрируя внимание на телешоу и стараясь игнорировать соблазнительный рокот холодильника. Это был уже десятый стакан воды. Она думала о потере веса. Она долила воды в стакан из стоявшего на столе кувшина, который заменил коробку шоколадных конфет. Если восемь стаканов — хорошо, то шестнадцать — в два раза лучше, так ведь, и тогда я, наверное, потеряю двадцать фунтов за одну неделю. Она посмотрела на стакан с водой и пожалала плечами: если я не буду спать всю ночь, то выпью больше, чем шестнадцать. Она пила воду и думала о потере веса. Холодильник напоминал ей о маце, спрятанной на полке в шкафу. Не глядя на него, она попросила его не лезть не в свое дело. Какое тебе вообще дело до шкафа? Достаточно того, что ты напоминаешь мне о селедке, которая лежит в тебе, но маца — это уже слишком. Она отпила еще воды и, глядя в экран телевизора, постаралась не слушать голос холодильника, однако ему все-таки удавалось проникнуть сквозь слуховой барьер и сказать ей, что ее селедка, вкуснейшая, нежнейшая селедка в сметанном соусе, пропадет, если она не съест ее в ближайшее время, и что это просто позор, позволить такой замечательной селедке протухнуть. Послушай-ка, господин Любопытный Нос. Почему это ты так себя ведешь? Ведь это твоя работа, *meshuggener*. Это ты должен следить за тем, чтобы еда не протухла. Делай свою работу, и с селедкой ничего не случится, спасибо большое. Она отпила еще воды — *худейхудейхудейхудей*. Жаль, у меня нет весов. Я могла бы взвеситься и посмотреть, сколько я уже потеряла. Хотя сейчас они бы сломались. Столько воды. Еще немного, и я поплыву.

Передача закончилась, и Сара, поморгав, зевнула. Она было подумала посидеть еще и посмотреть вечернее шоу, но быстро передумала. Ее тело ныло и требовало сна. Тот еще был день. Ее волосы стали *почти* рыжими. Она глотнула еще воды — *худейхудей*. Анкета... А, ерунда. Она прошлась по ней, как кружащийся дервиш, простите за выражение. И еще яйца с грейпфрутами: одно, два, три — и салат, спасибо большое. Долгий выдался денек устала так, что сил только и осталось, чтобы добраться до кровати. Внезапно она вспомнила о холодильнике, если он попытается схватить меня, я ему врежу, и врежу не в *tuchis*. Она допила воду — *худейхудей* — *zophiticzophiticzophitic*. Она встала и прислушалась к переливам в животе: я прямо как аквариум какой-то. Она выключила телевизор, положила стакан с кувшином в мойку и с поднятым подбородком, горделиво прошла мимо холодильника, не отклоняясь ни вправо, ни влево и не спуская глаз с цели, зная, что она победила врага и что враг трясется от страха — послушайте, как он стучит зубами и громыкает костями, дрожа, — и вышла королевой, королевой телевидения, в свою опочивальню. Она медленно и с удовольствием легла и потянулась, благодаря Бога за такую роскошную постель. Ее поношенная ночная рубашка казалась такой мягкой, шелковистой и прохладной, ее мягкость, казалось, окутывала Сару, и чувство умиротворенности и радости нежно распространялось из ее живота по всему телу, словно рябь по поверхности пруда, легко пробежав по ее векам, когда она плавно опускался в приятный освежающий сон.

Мэрион выгнала их из дома пораньше, чтобы Гарри и Тайрон могли прийти на работу в первых рядах. Вообще-то, это не имело значения, потому что пришло совсем не много народу и работы хватило на всех. Они приняли по еще одной капсуле декса перед выходом и потому собрались очень быстро. Ночь была душной, пот лился с них градом, когда они закидывали пачки газет в грузовики, однако их это просто забавляло, и они весело болтали, смелись, хихикали, работая за шестерых. Загрузив первую машину, они пошли ко второй, чтобы помочь, и другие парни стояли и смотрели, качая головами, как Гарри и Тайрон закидывают пачки газет в кузов, словно это была какая-то привилегия и игра... веселая игра. Один из парней попросил их поостыть: а то вы нам здоровенную свинью подложите. Это почему? Черт, да они и так нас тут гоняют, как лошадей, нах, а если вы, парни, будете вот так вот носиться, то они и от нас того же будут требовать. Один из парней дал им по банке холодного пива: вот, остыньте и расслабьтесь. Мы сюда приходим постоянно, понимаете? И хотим, чтобы все оставалось как есть. Черт, я врубаюсь, старик. Мы будем вести себя потише. Мы не хотим, чтоб начальство кого-то грузило, чувак. Точно, — Гарри кивнул и высосал полбанки пива за раз, потом вытер рукой рот: офигенно, черт побери. У меня во рту пересохло. Другой парень хлопнул Гарри по плечу, и все были довольны, а когда все грузовики были нагружены, Гарри и Тайрон купили еще дюжину пива и раздали ребятам, в ожидании второй партии машин. Позже кто-то принес вино, и Гарри с Тайроном почувствовали себя отлично, слегка подснявшись с декса алкоголем. Они проработали два часа дополнительно и были счастливы, как свиньи в дерьме, думая о том, сколько им удалось заработать за сегодняшнюю ночь. Однако, когда им сообщили, что деньги они получают только в конце недели, они почувствовали себя, словно кто-то отвесил им по хорошему пинку. Черт, ну разве это не подстава? Да хер с ним. Какого черта. Так мы получим наши деньги все и сразу и не просым их на всякую херню вместо того, чтобы взять на них кайфа. Может, так оно и есть, только вот работать для меня само по себе странно, а работать, не получая ни хера денег, это вообще что-то за пределами моего понимания,

старый. Ладно, Тай, иди-ка лучше домой, прими те транки, которые тебе дала Мэрион, и как следует отдохни. Еще пара ночей, и мы возьмем первую партию товара. Гарри протянул ладонь, и Тайрон хлопнул по ней: ты чертовски прав, малыш, — Гарри хлопнул по его ладони, и они покинули типографию, спеша попасть домой до того, как в городе начнется утренний час пик и жара.

После ухода ребят Мэрион не спеша убрала квартиру, напевая себе под нос. Квартира была маленькой, поэтому там особо делать было нечего, только помыть и убрать чашки с кофейником. Она села па диван, обхватив себя руками, и слушала музыку. Внутри у нее возникло какое-то странное чувство, которое хоть и было незнакомым, но угрозы не представляло. Она попыталась проанализировать его, однако так и не смогла выразить словами. По какой-то причине она не могла перестать думать о множестве мадонн, которых видела в музеях в Европе, особенно в Италии, и ее разум был наполнен яркими красками итальянского ренессанса, а еще она думала о цвете Средиземного моря, неба, о том, как смотрела на остров Капри с террасы ресторана на холме в Неаполе, и внезапно поняла, почему итальянцы такие мастера световых решений в живописи и почему они использовали синий цвет так, как не мог никто ни до них, ни после. Она помнила, как сидела на террасе того ресторана под сетчатым тентом, и солнце вдыхало в нее новую жизнь и будило ее воображение, и она представляла, каково было сидеть здесь несколько веков назад, в этом же свете, среди этих цветов, слушая, как, вибрируя, поют струны Вивальди вместе с медными колоколами Габриэли, звук которых, пульсируя, доносился с ближайших башен, и сидеть в соборе, глядя, как пробиваются сквозь пыльные окна лучи света, как они играют на резных деревянных скамьях, и слушать мессу Монтеверди. Именно тогда, впервые в своей жизни, она почувствовала себя живой, стопроцентно, по-настоящему живой, словно у нее появилась *причина* жить, словно в ее жизни появилась цель, и она поняла, что теперь посвятит свою жизнь достижению этой цели. В то лето и осень она много рисовала: утром, днем, вечером, — а потом шла гулять по улицам, которые хранили эхо музыки мастеров, где каждый кирпич, каждый булыжник, казалось, имели собственную жизнь, и она, хоть и смутно, чувствовала себя частью всего этого. Иногда по ночам она сидела в кафе с другими молодыми художниками, поэтами, музыкантами и прочей богемой, попивая вино, смеясь, споря, дискутируя, и жизнь была прекрасной, и осязаемой, и свежей, как чистый средиземноморский рассвет. Позже, когда зимняя серость начала медленно просачиваться с севера, энергия и вдохновение вышли из нее, как выдавливается из тюбика краска, и теперь, когда она видела чистый холст, он оставался для нее всего лишь, чистым холстом, И ничем другим, куском материи, растянутым на деревянной раме, а не картиной, ждущей, когда ее нарисуют. Просто холсты. Она переехала дальше на юг. На Сицилию. В Северную Африку. Пыталась следовать за солнцем к своему очень недавнему прошлому, но находила только себя саму. Она вернулась в Италию и раздала все свои картины, краски, книги, кисти и много другого. Она снова поехала в тот ресторан, в Неаполь, и провела там много часов в течение целой недели, глядя на Везувий, Капри, залив, небо, с отчаянием умирающего человека пытаясь разбудить те старые ощущения, стараясь с помощью игристого вина разжечь свое воображение, которое ярко горело еще совсем недавно, и, хотя вино искрилось В солнечном и лунном свете так же, как и раньше, полыхающее в ней некогда пламя угасло окончательно, и Мэрион В конце концов свыклась с каменным холодом внутри нее. Она поежилась, вспомнив отъезд из Италии и возвращение в Штаты, обратно к семье, к тусклой жизни. И она снова невольно поёжилась, вспоминая череду жалких и несчастливых дней,

потом улыбнулась и обхватила себя руками еще крепче, но не от холода или отчаяния, а от радости. Все это осталось в прошлом. *Finito*. Конец. В ее жизни снова появился смысл... и цель. Она снова видела направление, в котором должна идти. Необходимость в ее энергии. Они с Гарри смогут опять почувствовать эту синеву моря и неба и тепло вновь разожженного желания. Их ждал новый ренессанс.

Сара проснулась посреди ночи и, поборовшись несколько секунд, все же нашла в себе силы встать и пойти в туалет, чтобы облегчить переполненный мочевой пузырь. Она попыталась проморгаться, но её веки отказывались подчиняться, и она сидела с почти полностью закрытыми глазами и думала о похудении. Несмотря на то что она практически все еще спала и ее сознание было затуманено, Сара осознавала, какое огромное количество воды проходит через ее организм и по какой причине это происходит — *худейхудейхудей* — потом вдруг — *zophiticzophiticzophitic* — разве я не достойна быть первой? Всё еще сонная, она стояла, глядя и слушая, как журчит вода в унитазе, с радостью, потому что понимала, что в канализацию и в конце концов в океан смывались не только ее лишние фунты, но и ее старая жизнь, в которой она была одна, жизнь, в которой она была никому не нужна и бесполезна. Иногда она была нужна Гарри, но... Она слушала музыку наполняющей сливной бачок воды и сонно улыбалась, зная, что свежесть наполняет ее и скоро она станет новой Сарой Голдфарб. Свежая вода в унитазе была кристально чистой, свежей, даже в унитазе она казалась прохладной. Чистое, значит, чистое, новое, значит, новое... но лучше я все же буду пить воду из-под крана, спасибо большое. Сара вернулась в постель. Простыни казались прохладными и освежающими; лежа в постели, она провела пальцами по шелковой гладкой ткани ночной рубашки, расплываясь в улыбке, которая отражалась на внутренней поверхности ее век. Она дышала глубоко и медленно, а потом, глубоко, с радостью вздохнув, воспарила в счастливой невесомости на границе сна и пробуждения, всем телом чувствуя приятные волны, что прокатывались по ее телу и заканчивались где-то на кончиках пальцев ее ног, и зарылась в пушистую легкость своей старой подушки, Сара пожелала себе спокойной ночи, счастливо уплывая в мир своих снов.

Когда Гарри вернулся к Мэрион, он был все еще заряжен выше крыши. Она дала ему парочку снотворных таблеток, и некоторое время они просто сидели на диване, покуривая косячок, пока Гарри не начал зевать, и тогда они легли спать, чтобы проспать напролет удушливый жаркий день.

Сегодня волосы стали идеальными. Какой цвет. Он столь прекрасен, что на радостях хочется выпрыгнуть из окна. Теперь ты должна поторопиться, чтобы попасть на шоу до того, как начнут отрастать корни. Я бы очень хотела, уж поверь мне, но я рада, что они выжидают, пока я не сброшу лишний вес. Когда я пройду по сцене, ты услышишь только восхищенный шепот. Я посмотрю на них через плечо и скажу, что мне хочется побыть одной. Так ты теперь у нас шведоамериканка? Они посмеялись, и Сара вернулась к себе в квартиру, посмотреть, как теперь будет смотреться ее красное платье вместе с новой прической. Надев платье и золотые туфли, она вертелась и позировала перед зеркалом. Ей показалось, что на этот раз застежка почти сходится. Она чувствовала, что похудела. От радости она даже взвизгнула и послала своему отражению в зеркале воздушный поцелуй: ты прекрасна, прямо куколка. Она снова взвизгнула и поцеловала свою руку, улыбаясь отражению. Конечно, не

Грета Гарбо, но и не Уоллес Бири. Она бросила взгляд через плечо на холодильник: ну что, умник, что, господин Селедка? Почти сошлось. Еще пара-тройка дюймов, и будет сидеть как влитое, спасибо большое. А селедку можешь оставить себе. Кому она нужна? Я люблю яйца и грейпфруты. И салат. Она покривлялась перед зеркалом еще некоторое время, потом решила пообедать и выйти погреться на солнышке. С выражением самодовольного превосходства она вынула из холодильника яйцо, грейпфрут и салат. Презрительно дернув головой, она толкнула, закрывая, дверцу своим *tuchis'*ом. Ну и как вам это, господин Умник? Видишь, как я выгляжу ,нечего сказать? Она показала язык холодильнику и пошла готовить себе обед, напевая и пританцовывая, чувствуя себя в боевом настроении. пообедав, она помыла тарелки, убрала их, взяла свой раскладной стул и, поцеловав кончики своих пальцев, хлопнула холодильник. не плачь, малышка. Как говорит мой Гарри, все ништяк. Она хохотнула, выключила телевизор, вышла из квартиры и присоединилась к сидящим на солнышке женщинам. Женщины сидели и разговаривали, не меняя положения, глядя в направлении солнца и поворачивая свои раскладные стулья вслед за тенью, чтобы оно светило им прямо в лица. Ну что, узнала, какое шоу? Что-нибудь слышно нового? Откуда? Я же только вчера все отправила. Может, завтра узнаю. А может, через несколько дней. И вообще, какая разница? Мне все равно, какое это будет шоу. Вот так вот я думаю. Самое главное — это попасть на телевидение. А они тебя предупредят заранее? А что, по-твоему, они расскажут *после* шоу? А ты можешь прийти с подругой? Сара пожала плечами: откуда мне знать? Они должны, по крайней мере, разрешить тебе взять с собой *schlepper'*а. Кто потащит все эти призы? Уж поверь, я справлюсь. Особенно с Робертом Редфордом. Для него мне *schlepper* не понадобится. Все засмеялись и закивали, продолжая смотреть на солнце, и проходившие мимо женщины останавливались поговорить с Сарой, и уже через полчаса она была окружена со всех сторон болтающими, смеющимися, возбужденными, радостными соседками. Саре было тепло не только от солнца, но и от внимания, которым ее внезапно окружили. Она чувствовала себя звездой.

Мэрион купила несколько альбомов для рисования, карандаши и уголь. Она хотела купить мелко пастельных цветов, однако то, что было в магазине, ее не устроило, и она решила на этот раз обойтись без них. всегда можно купить их потом. Может, через несколько дней она съездит в центр и пройдет по большим специализированным магазинам для художников, трогая холсты, подрамники, кисти, и для начала просто приценится. У нее не было намерения покупать масляные краски дол тех пор, пока у нее не появится своя студия, но она была не против попробовать акварель. И именно этим сейчас и была занята ее голова. Она снова чувствовала тот мягкий свет внутри себя, который, как она знала, мог превратиться в прекрасные и хрупкие акварели. Именно это ей и нравилось в акварелях — их хрупкость. Она уже не могла ждать. Она чувствовала почти непреодолимое желание нарисовать одинокую розу в изящной прозрачно-голубой вазе венецианского стекла или, возможно, лежащую на бархате. Да, это было бы тоже красиво. С легкими тенями. Такую нежную и хрупкую, что она даже почувствовала ее аромат. Ладно, посмотрим. Может, через несколько дней. А пока просто наброски, чтобы глаза и рука снова пришли в норму. Она чувствовала сильное желание рисовать все, что попадалось ей на глаза, пока она шла по улице. Сейчас все казалось ей таким живым и ярким. Она быстро отмечала про себя формы носов, глаз, ушей; рельефы лиц, подбородков, скул; изгибы шей и руки. Ей очень нравились руки. По рукам можно многое сказать о человеке, по форме пальцев и в основном

по тому, как люди держат руки и обращаются с ними. Она была очень юной, почти девочкой, когда впервые увидела картину Микеланджело «Сотворение мира», и, когда она в подробностях разглядела Господа, дающего жизнь Адаму, образ этот сразу и навсегда остался в ее сознании. Чем больше она изучала живопись, тем больше удивлялась простоте, стоявшей за этим образом, концепции и невероятной мощи этих рук. Вот что она пыталась передать в своих работах, и время от времени ей казалось, что у нее это получается, по крайней мере в какой-то степени. Ей хотелось прямо и просто донести до зрителя эти ощущения, выложить свои потаенные чувства на холст... выразить свое отношение через искусство, чтобы люди смогли увидеть и ощутить тонкость ее чувств.

Следующие несколько дней не отличались разнообразием для Мэрион, Гарри и Тая. Гарри и Тай к ночи под завязку заряжались дексом и работали как черти, сбавляя темп, только когда другие парни начинали напрягаться по их поводу, а потом принимали по паре снотворных таблеток и спали в течение дня. Через пару дней Гарри стало скучно, поэтому, придя домой однажды утром, он пару часов занимался любовью с Мэрион перед тем, как принять снотворное и отрубиться. Теперь я понимаю, почему на амфетаминах теряешь вес — ты просто трахаешься как ненормальный, и все дела. Знаешь, у некоторых мужчин это вызывает абсолютно противоположный эффект. Шутишь? Вовсе нет. Они становятся полностью недееспособными и в некоторых случаях совсем равнодушными. Не везет же некоторым.

В любом случае, это не про меня. Иди сюда, — и Гарри затащил ее в постель, а Мэрион хихикнула, когда он поцеловал ее в шею. Что ты делаешь? Гарри откинул назад голову и посмотрел на нес: если ты не знаешь, то у меня не получится как надо. Они засмеялись, и Гарри снова поцеловал ее в шею, плечо, грудь И, облизнув губы, в живот: хочу посмотреть, не получится ли у меня сбить эффект декса, трахаясь. И сколько же ты сегодня принял? Они снова засмеялись и прекрасно провели утро, пока не пришло время спать.

Ночью, когда Гарри был на работе, Мэрион расположилась на диване с альбомом для рисования, карандашами и углем. Скрестив ноги и обхватив себя за плечи, она закрыла глаза, позволив своему разуму уплыть в будущее, в котором она и Гарри были вместе навсегда, их кофейня всегда была полна посетителей, и о ней даже написали статью в «Ньюйоркере», место стало модным, и многие арт-критики приходили сюда посидеть, попить кофе, поесть и посмотреть на картины великих художников завтрашнего дня, которых открывала Мэрион; художники, музыканты, писатели и поэты сидели бы и дискутировали, и Мэрион иногдаставляла бы свои работы, Которые очень нравились бы другим художникам, и даже критики восхищались бы ими, восхваляя их чувственность и актуальность, а когда она не работала в кафе, то видела себя в студии за рисованием, и исходящий от картин свет радовал глаза, потом она открыла свой альбом для набросков и оглядел ась в поисках объекта для рисования, но ничто не привлекало ее внимания, и она решила составить композицию из предметов, что были в кухне и гостиной, но ничего не возбуждало и не вдохновляло ее, и она вернулась в мир своих фантазий, которые дарили ей успокоение и радость и были более реальны, чем сидение на диване и разглядывание карандашей, угля и девственно чистой бумаги.

Каждый день Сара проверяла свой почтовый ящик, но пока не было никаких вестей от «Макдик Корп.». Однако от диеты она решила не отказываться, хотя ей было все тяжелее и

тяжелее с каждым днем, даже несмотря на съедаемую полную чашку салата. Однажды она просидела весь день с Адой и соседками на солнышке, и все ее спрашивали о новостях, и она хвасталась всем, какие у нее волосы. Когда солнце зашло за здание, некоторые из загоравших, в основном те, с отражателями, разошлись по домам, но Сара и еще несколько женщин остались сидеть, наслаждаясь прохладной тенью. Но даже в этот момент ей было трудно не думать о еде и просто наслаждаться повышенным вниманием, которым она была окружена с тех пор, как получила приглашение стать участницей шоу, ее мысли были полны такими яркими образами горячих бубликов и датских рулетов, что она почти чувствовала их запах и вкус, и она улыбалась, облизывая губы, почти не слушая, о чем говорят соседки. Однако еще хуже было по ночам, когда она сидела перед телевизором в своем кресле, в полном одиночестве, спиной к холодильнику, слышала его тихое бормотание, чувствуя тяжесть в груди и свернувшийся узлами страх в животе. Мало было его приставаний, так к нему еще присоединилась и селедка. Ну вам и сварливая парочка. Никак не можете остановиться. Постоянно болтаете и болтаете. В ушах ее стоял звон. Я чувствую себя отлично, так почему бы вам не начать доставать мясника Мори, можете пооткусывать ему пальцы. Это будет для всех одолжением. *В сметанном соусе, с лучком и перцем, ммммммм* — я вас не слышу — *с горячим блинчиком... или луковым пирогом*, — я предпочитаю хлебнуть «Кайзер», спасибо большое, и вообще я не голодна — *урчание у тебя в животе не дает нам спать* — урчание-шмурчание, это просто мой желудок помогает мне худеть. Еще один день, и я подарю себе на обед пирожок с мясом, так что можешь заткнуться, спасибо большое, и Сара выпила еще один стакан воды — *zophiticzophitic* — она поставила стакан в раковину, с вызовом тряхнула рыжими волосами и показала холодильнику *tuchis*, после чего отправилась спать. Теперь она вставала по два раза за ночь, и ей очень хотелось прекратить или хотя бы сократить потребление воды в таких количествах, но она помнила о лишних фунтах, уходящих в унитаз, и продолжала пить, пить, пить воду целыми днями, не слишком беспокоясь о своих ночных визитах в туалет. Однако теперь она видела сны. Иногда по два за ночь. Например, летающие по комнате куры, ощипанные и прожаренные до золотистой корочки, с комочками каши на спинках. И еще тот гигантский ростбиф. Он катился вниз по склону холма, грозя раздавить ее, но в последний момент пролетал мимо, всего в нескольких дюймах от нее, волоча за собой лодку с восхитительной подливой, и горшки с картофельным пюре, и вишню в шоколаде. Пара таких ночей, и Сара решила — с нее достаточно. Она взяла телефон доктора у своей соседки и договорилась о приеме. Не знаю насчет таблеток для похудения, но я сыта по горло этими яйцами и грейпфрутами, спасибо большое.

Гарри почувствовал, как сердце его проваливается куда-то вниз, что тут же отразилось на его лице, когда он узнал, что у Мэрион запланирован ужин, а потом поход на концерт с ее психиатром. Ради Бога, зачем тебе это? Пошли этого козла подальше. Я не хочу, чтобы он сказал родителям о том, что я перестала посещать его. Мне нужны эти пятьдесят долларов в неделю. Мэрион нежно посмотрела на Гарри и сказала самым мягким и заботливым голосом. Милый, я не собираюсь спать с ним. Гарри пожал плечами и рубанул рукой воздух: да, конечно, ты просто... Я сказала ему, что на мне женское проклятье, поэтому он сразу после концерта поедет домой. Гарри отчаянно старался не показывать своих чувств, но безуспешно. Его подбородок опускался все ниже и ниже, и он начал корить себя за то, что не мог ничего с собой поделать. И что это значит? Мэрион улыбнулась, затем начала хихикать, чтобы как-то вытащить Гарри из этого состояния, но он был безутешен. Внезапно Мэрион

обняла его и ликуя завизжала: о, Гарри, ты ревнуешь. Гарри попытался вырваться, Впрочем не слишком рьяно, и вскоре прекратил сопротивление. Мэрион обняла его и поцеловала в щеку: обними меня, милый... ну пожалуйста... пожалуйста!!! Пожалуйста!!! Она подняла его руки и положила себе на плечи, но он и не думал обнимать ее, обиженно оставив их лежать на месте какое-то время, однако не сопротивляясь, когда она опустила его руки себе на талию, прижимаясь к нему. В конце концов он все же прижал ее к себе, и Мэрион вздохнула, положив голову ему на грудь, и поцеловала его в губы, потом в щеку, в ухо, в шею, вынудив его засмеяться, поежившись, продолжая делать это, пока он не начал смеяться, умоляя ее остановиться. Эй, прекрати... прекрати, говорю тебе, дура ненормальная, пока я тебя в горло не укусил, — и начал целовать ее в шею и щекотать ее, и она тоже начала смеяться, и они уже задыхались от хохота, умоляя друг друга остановиться, нока наконец обоим стало совсем невмоготу, и они уступили просьбам друг друга: Мэрион сидела на коленях у Гарри, при этом оба обвисли как тряпичные куклы, слезы от дикого смеха ручьем текли по лицам. Они вытерли глаза и щеки и несколько раз глубоко вздохнули, пытаясь отдышаться, и снова сотрясались от приступов смеха. Думаю, он не верит в твое проклятие, не так ли? О, Гарри, — она постучала пальцем по его носу, — не будь таким наивным. В каком смысле? В том смысле, что я вполне контролирую ситуацию. Он проглотит все, что я ему скажу, неважно, поверит или нет. Он не станет педалировать эту тему. Не такой он человек. А если все-таки *такой*? Тогда, мой дорогой, я бы не стала с ним встречаться. Гарри, котик, я не дура. Она усмехнулась: может, сумасшедшая, но не дура. Неужели??? На лице Гарри отразилось сомнение: а что же он не идет на концерт со своей женой? Может, она на родительском собрании, — пожалала плечами Мэрион, — откуда мне знать? Ему нравится появляться в модных местах с красивыми девушками. Типичный пижон. Ему так нравится. Да ну??? Лично я считаю, что те, кто встречается с психиатрами, явно с головой не дружат. О, Гарри, ты говоришь ужасные, гадкие вещи, рассмеялась она. Почему же тогда ты гогочешь? Не знаю. Наверное, из жалости. Ладно, мне надо уже собираться. Она встала и пошла в спальню, потом развернулась и снова подошла к Гарри, который тоже поднялся, И крепко обняла его, и, положив голову на его плечо, закрыла глаза и вздохнула... О, Гарри, я так рада, что ты расстроился, и не потому, что тебе это неприятно, милый, а потому, что так я могу понять, насколько я тебе небезразлична. Небезразлична? И кто кого сейчас оскорбляет, а? Думаешь, я с тобой в игры играл, когда говорил, что люблю тебя? Нет, нет, милый, я тебе верю. Верю всем своим сердцем. Но наверное, мне нравится это выражение на твоём лице. Ладно, ладно, все хорошо. Она улыбнулась, потом поцеловала его в губы и пошла переодеваться в спальню: обещаю, что весь вечер буду думать только о тебе. Отлично. Я тоже буду думать о том, как ты там ешь и пьешь и слушаешь музыку, в то время как я надрываю задницу на работе. Гарри расхохотался: думаю, это все же лучше, чем если бы ты надрывала свою. О, Гарри, какая гадость, — хохотнула Мэрион с облегчением и стала переодеваться, готовясь к предстоящему вечеру.

Мэрион встретила с Арнольдом в маленьком баре ресторанчика на восточном берегу. Увидев ее, он встал и протянул руку. Она взяла его за руку и села на предложенный стул. Как поживаешь, Мэрион? Хорошо, Арнольд, как ты? Спасибо, неплохо. Как обычно? Пожалуй. Он заказал чинзано с капелькой вермута. Выглядишь, как всегда, обворожительно. Спасибо. Она улыбнулась и прикурила от протянутой им зажигалки. Вскоре им сообщили, что их столик готов, и метрдотель проводил их к нему, спросив *мсье* и *мадам*, как они поживают,

они кивнули и вежливо улыбнулись, как улыбаются люди метрдотелю, и сказали, что у них все отлично. Мэрион расслабилась в своем кресле, почувствовав, как ее тело начинает впитывать атмосферу места. Арнольд разбирался в ресторанах, и ей это в нем нравилось. Это всегда были маленькие заведения, уютные и шикарные, с потрясающей едой, которую редко найдешь в Америке. Жаль, что ты нездорова. Ну, с этим я ничего поделать не могу, — улыбнулась она, — а что, Анита уехала куда-то? А почему ты спрашиваешь? Да так, просто любопытно. Прежде чем ответить, он несколько секунд смотрел на нее. Нет, но у нее есть кое-какие дела на этот вечер. Вчера приезжали журналисты, чтобы сфотографировать ее и других «членов» В саду. Я могу задать тебе личный вопрос, Арнольд? Конечно. Каким образом вам с Анитой удалось завести детей, — она подняла руку, — я не пытаюсь острить, ничего такого, просто такое ощущение, что вы всегда находитесь в разных местах. Ну, вообще-то в этом нет ничего загадочного. Я не имела в виду детей, — улыбнулась Мэрион, — я знаю, как они делаются. Мне любопытно, почему ты спрашиваешь об этом. Что конкретно ты имеешь в виду? Мэрион пожала плечами, жуя кусочек эскарго: ничего, кроме того, о чем я спросила. Мне просто любопытно. Мэрион плотнула белого бордо, заказанного Арнольдом, а он внимательно изучал ее: о, вино изумительное. Она отпила еще немного, прежде чем вернуться к еде. Арнольд слегка нахмурился: когда люди достигают определенной точки в жизни, когда добиваются определенных успехов... существенных успехов, их интересы и перспективы становятся шире. Думаю, в случае с Анитой все дело в ее внутренней потребности реализации, потребности самоидентификации. Но меня больше интересует то, что ты задаешь мне такого рода вопросы. Зачем это тебе? Ты явно пытаешься опосредованно заполнить пробелы в своей жизни, играя заместительную роль, то есть подставляя себя на место моей жены. О, Арнольд, не будь таким занудой. Она допила вино, и рядом тут же материализовался официант, заново наполнивший бокал. Арнольд вежливо ему кивнул. Знаешь, я менее всего озабочена самоидентификацией, — улыбнулась Мэрион, потрепав его по руке, серьезно, меня это не волнует. Она доела эскарго, обмакнула кусок булочки в чесночное масло. Я снова начала рисовать и прекрасно себя чувствую. Правда? Она все доела, официант убрал со стола посуду, она откинулась на стуле и улыбнулась Арнольду. Именно. Вообще-то, я пока не закончила ни одной картины, но я работаю. Я чувствую, как внутри меня зарождаются картины, умоляя меня выпустить их наружу. Ну что ж... я буду очень рад посмотреть на твои новые работы. Для меня это будет прекрасной возможностью заглянуть в твое подсознание. Мне казалось, у тебя было достаточно возможностей ознакомиться с ним. Конечно, я не могу сказать, что оно для меня загадка, но в таком случае у меня будет возможность ознакомиться с ним в новой перспективе, взглянуть на него под другим углом, так сказать. Видишь ли, в этом случае исчезнет большинство из твоих блоков, а символы сознания будут гораздо более явными, даже по сравнению со снами, что даст прекрасную возможность для подтверждения всех выводов, сформированных из анализа свободных ассоциаций. Что ж, возможно, я как-нибудь приглашу тебя посмотреть мои гравюры, — усмехнулась Мэрион, аккуратно отделяя мясо с лягушачьих лапок вилкой.

После концерта они зашли в бар пропустить по стаканчику. Арнольд равнодушно пил свой скотч, а Мэрион, наоборот, с удовольствием смаковала каждый глоток шартреза, прежде чем проглотить его. Концерт был замечательный, просто прекрасный, и на лице ее было такое выражение, словно она все еще слушала музыку Малера. Каждый раз, когда я слышу симфонию «Resurrection», начинаю понимать, почему говорят, будто он довел

романтизм в музыке до высшего предела. Меня переполняют эмоции, словно я бегу по покрытому цветами холму, и бриз треплет мои волосы, и солнце отражается от птичьих крыльев и листьев деревьев, — Мэрион вздохнула, закрыв глаза. Согласен, это было прекрасное исполнение. Мне кажется, дирижер проник в самое сердце малеровской амбивалентности и понимает, как тот подсознательно проецировал ее на музыку. Мэрион нахмурилась: какой амбивалентности? Основных конфликтов его жизни, Компромисса с его еврейским населением и желанием отречься от него ради дальнейшей карьеры. Его постоянный конфликт как дирижера, которому хотелось сочинять и которому в то же время, были нужны деньги на жизнь. По его манере менять ключи ясно, что он сам не отдает себе отчета 11 прямом влиянии базовых конфликтов за эти перемены. Точно так же, как они повлияли на перемены в его отношении к Богу. Однако это все закончилось к тому времени, как он написал вторую симфонию, и очень внимательно слушал его музыку и тщательно "с анализировал, и, несомненно, несмотря на то, что делал определенные заявления и, возможно, даже верил в то, что говорил, подсознательно он эти конфликты так и не решил. Арнольд глубоко вздохнул: музыка Малера чрезвычайно интересна с аналитической точки зрения. Я нахожу ее очень стимулирующей. Мэрион улыбнулась и поставила пустой бокал на стол: и все равно я люблю его музыку. Иногда приятно немного погрузиться. Она вздохнула и снова улыбнулась: мне правда нужно идти, Арнольд. В последнее время у меня происходило много всего, и я устала. Хорошо. Он довез ее до дома и перед тем, как она вышла из машины, с веселой ухмылкой сказал: я позвоню тебе через пару недель. Это будет правильно. Потом он поцеловал ее, и она ответила ему тем же, выходя из машины. Он подождал, пока она не скрылась в подъезде, прежде чем уехать. Едва зайдя в квартиру, Мэрион раскурила косяк, потом переоделась, поставила пластинку с симфонией Малера «Kindertotenlieder» и расположилась на диване с альбомом и карандашами. Пристроив альбом на коленях, она сделала еще затяжку, докурив косяк до половины, затем потушила его и попыталась представить себе некий образ, который можно было бы перенести на бумагу. Это должно быть совсем просто. Малер... отличная трава... все вместе должно было сработать. Потом она поняла, что слишком старается, и слегка расслабилась, ожидая прихода вдохновения. Вдохновение не торопилось. Вот если бы у нее была модель. Модель, да, вот что ей нужно. Она чувствовала, как рисунок просится наружу, ее потребность к самовыражению давала ей энергию, однако она не могла открыть врата, чтобы направить эту энергию наружу. Она вскочила и, схватив со стола пару женских журналов, стала быстро перелистывать их, разглядывая фотографии детей с матерями, а найдя несколько подходящих, вырвала их и начала делать с них наброски, поначалу неуверенно, а потом со все возрастающей скоростью и сноровкой. Матери и дети на ее рисунках сидели и стояли в разных позах, с разными выражениями, которые в процессе становились все более меланхоличными. Она сделала быстрый набросок ребенка в странной позе, с выражением молчаливой боли на лице, а мать вскоре приобрела сходство с мужчиной на деревянной гравюре Эдварда Мунка. Мэрион внимательно рассмотрела набросок под разными углами, почувствовав возбуждение и вдохновение, а кроме того, глубокую идентификацию с этими фигурами. Она внимательно посмотрела на искаженное болью лицо младенца и нарисовала рядом еще одного ребенка, примерно на год старше, однако с таким выражением лица. Она продолжала рисовать этого ребенка, и на каждом рисунке он был на год старше, и с каждым разом ее рисунки становились все более выразительными, живыми, наполненными эмоциями, и она начала рисовать маленькие свечи, как на праздничном торте, под каждым рисунком, показывая

таким образом возраст ребенка. Затем черты ребенка начали меняться, волосы девочки стали темнее и длиннее, но выражение боли на лице не менялось, потом она расцвела, превращаясь в женщину, медленно трансформируясь из красивого ребенка в хорошенькую девушку, а потом в красивую женщину, однако все с тем же загнанным и болезненным выражением на лице. Потом она остановилась и посмотрела на прекрасную женщину, смотревшую на нее из альбома, женщину, нарисованную длинными волнистыми линиями, с классическими чертами, темными блестящими волосами, в ее темных, пронзительных глазах была видна внутренняя боль. Потом она нарисовала еще одну фигуру, на этот раз неопределенного возраста, но явно гораздо старше предыдущей, хотя с похожими чертами лица, пока вдруг она не приобрела выражение муки, как на знаменитой картине Мунка. Разглядывая фигуру, она вдруг поняла, что в квартире царит тишина. Она встала и снова включила музыку, потом вернулась на диван и снова посмотрела на свои рисунки. Они ее возбуждали.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Когда пришло время получать заработанные деньги, Гарри и Тайрон уже так привыкли к декседриновому кайфу, бессонным ночам, сну под таблетками, что им казалось, это может продолжаться всегда, однако им хватало ума, чтобы не давать этому чувству развиваться. Из-за порождаемой дексом энергии, требовавшей выхода в работе, они оставались на сверхурочные, желая заработать как можно больше. Они записались как иждивенцы, поэтому им выдали чеки на максимальную сумму по тарифу. Они обналичили их в баре напротив типографии, выпили по паре кружек пива и несколько раз пересчитали деньги, улыбаясь и хлопая друг друга по рукам: чиерт, неплохо, а? И Тайрон помахал пачкой долларов перед лицом Гарри. Гарри хлопнул его по ладони: мы молодцы, чувак, у нас все вышло. Теперь у нас есть деньги на первую партию. Ты чертовски прав, малыш, так что не хрена рассиживаться с этими деньгами по барам. Пойдем займемся делом. Точно, братишка, — и они, снова ударив по рукам, вышли на улицу. Они остановились у телефонной будки на углу, и Тайрон позвонил Броуди. Гарри прислонился плечом к будке, покуривая и глядя, как дым растворяется в воздухе, напевая под нос какую-то бодренькую мелодию, покачивая головой и щелкая пальцами в такт, время от времени бормоча: да, малыш, давай, но не сдавайся... Чиерт! Это просто какая-то блядская подстава!!! В чем дело, чувак? Он говорит, что четверть фунта хорошего порошка стоит пять сотен. Бля! Это значит, нам надо где-то еще сотню найти. Именно, старый. Он говорит, что может уступить за четыре с полтиной, но... — и Тайрон пожал плечами. Ладно, старик, давай без паники. Мы всегда можем наскрести сотню по доллару. Да, но ты же знаешь, что происходит, когда ты перехватываешь доллар здесь, доллар там. Первый уходит еще до того, как ты нашёл второй. Гарри согласно кивнул. И еще Броуди казал, что у него отличный порошок сейчас появился, просто супер. Бля! Гарри швырнул сигарету на асфальт, потом дернул головой. Эй, да что за херня, со мной вообще? Я знаю, где мы можем взять денег, Мэрион. Думаешь, она даст? Конечно. Без проблем. К тому же мы сможем вернуть их уже сегодня вечером. Отлично, детка, — и они снова хлопнули по рукам. Пошли. Они приехали к Мэрион, и Гарри быстро рассказал ей о возникшей проблеме. Нам нужна всего сотня, и мы в деле, малышка, а вечером мы не только вернем их тебе, но начнем наш путь к собственной кафешке. Мэрион улыбнулась: уверена, мой брокер сказал бы, что это отличное вложение средств. Поскольку я снова начала рисовать, мне понадобится галерея. Я обналичу чек в магазине. Клево, детка. Я позвоню Броуди и скажу, что мы с ним. Нет, Тай, только не отсюда. Давай доберемся до

телефонной будки. Тайрон пожал плечами. Как скажешь, дружбан. Мэрион вышла и через пятнадцать минут вернулась с деньгами. Гарри обнял и поцеловал ее: увидимся позже, малыш, после того, как мы все разрулим. Я не хочу возвращаться к тебе, имея при себе порошок. Не хочу палить твою квартиру. Да уж, насчет моей ты так не беспокоись. Эй, чувак, ты не Мэрион. Это точно, она еще бледнее тебя. Господи, похоже, мне придется выслушивать это до конца дня. Мэрион засмеялась: он такой же ужасный, как и ты. Теперь смеялись все. Я-то думал, ты на моей стороне. Мэрион поцеловала его в щеку: следующая неделя объявляется неделей любви к ближнему, так? Эй, красавчик, пойдем, лады-лады. Гарри поцеловал ее, и они с Тайроном ушли. Тайрон поехал в центр к Броуди, а Гарри зашел в магазин купить молочного сахара и пакетов, после чего поехал на квартиру к Тайрону, ждать. Все только начиналось.

Холодильник хихикнул, когда Сара намазала большой кусок мягкого сыра на разрезанный вдоль рогалик. Смейся, смейся, умник лысый. Посмотрим, кто будет смеяться последним. Она показала холодильнику язык и медленно, очень медленно, откусила от обильно смазанного сыром хлеба, причмокнув и облизав губы: я тебе еще вот что скажу, господин Хи-хи, на обед я съем селедку, и, может, даже не всю, оставлю немного на ужин. Она громко напевала, с любовью намазывая сыром вторую половину рогалика, и, подняв бровь, с презрением посмотрела на холодильник, который все еще смеялся, думая, что ему удалось победить Сару Голдфарб в войне с калориями, но Сара только покачала головой: мне на тебя накатать, цээршник. Думаешь, выиграл войну, да? Зато я тебя одурачила, всезнайка. Холодильник расхохотался, сказав, что он слишком стар, чтобы повестись на ее уловки. Сара отмахнулась от его слов: я знаю, что ты старый, я каждую ночь слышу, как ты хрипишь, сопишь, пукаешь и стонешь, но ты не такая уж важная птица, как тебе кажется. Холодильник засмеялся еще громче, когда Сара макнула в кофе кончик датского рулета, аккуратно откусывая, чтобы не капнуть кофе на скатерть. Да, это не похоже на грейпфрут или яйцо. Радуйся, радуйся, пустоголовый МОЙ дружок. Вот сейчас я позавтракаю и пойду к своим поклонникам. А может, тебе лучше про- Шить швы на платье, а то они расползаются, ха-ха, Сам ты ха-ха-ха. Когда я буду *zophitic* и меня покажут телевизору, я с тобой даже разговаривать не стану. Попрошу кого-нибудь выбросить тебя на помойку. Свои руки я даже пачкать не стану. Ишь, — она дернула подбородком и снова начала напевать под нос, доедая пирожное, потом помыла посуду и переоделась, чтобы выйти на улицу и присоединиться к сидящим на солнышке соседкам. Она прошла мимо, холодильника, который смутила ее последняя ремарка, с выражением триумфа на лице. Соседки ее уже ждали и, когда она вышла, предоставили ей лучшее место, где солнце светило дольше всего. Сара села, споры о том, В каком именно шоу ей предложат участвовать, продолжились, при этом все с нетерпением ждали почтальона, надеясь, что сегодня именно, тот день, когда ей придет ответ.

Гарри знал, что на поездку у Тайрона уйдет не менее двух-трех часов, поэтому он удобно расположился с парой косяков, сигаретами и маленьким радио приёмником, который нашел на столе у Тайрона. Ему чертовски не нравилось находиться так далеко от места, событий, да еще так долго, но он также понимал, что не выдержит долгого ожидания, сидя в кафе. Тем более там бы он слишком выделялся. Он аккуратно разложил пакетики и сахар на столе, потом нахмурился, подумав о том, что будет, если кто-нибудь зайдет в

квартиру и увидит картину приготовлений. Он оглянулся вокруг в поисках места, где в случае чего можно все спрятать, однако быстро раздумал, не найдя ничего подходящего, и вообще, какая разница, разве можно арестовать человека за сахар и пакетики? Несколько раз затаившись травой, он потушил косяк, прикурил сигарету и, расслабившись, стал слушать музыку. Через несколько минут музыка казалась уже не такой дребезжащей. Чем больше он слушал радио и чем больше курил травы, тем приятнее казалась музыка. Правда, она звучала очень даже неплохо. Когда сидишь в дерьме, любая мелочь — уже что-то. В любом случае, это Лучше, чем ничего. Помогает убивать время. Скоро вернется Тай, и мы будем раскладывать товарец по пакетикам, потом найдем пару ребят, которые будут толкать их для нас на улице, и мы уже сможем взять все... Да, фунт чистого прямо у итальянцев, и дела наши пойдут в гору, GOLDFARB & LOVE INCORPORATED — никаких там сран сокращений типа Inc., и у нас будут черно-белые пакетики, хахаха, Типа, равные возможности для всех. Черт, и никто не знает, насколько мы сможем подняться. Мы не будем торчать, мы не подсядем, и мы справимся, черт побери. Мы быстренько замутим этот фунт чистого...

Сначала деньги пересчитал Гарри, потом результат проверил Тайрон: ништяк, детка, здесь семьдесят пять штук. Отлично. Я бы не хотел никаких ошибок с этими ребятами, это уж точно. Они в ошибки не верят. Если, конечно, это не их собственные ошибки. Они могут здорово разозлиться. Ладно, давай все запакуем. Мне пора идти. Не хочу опаздывать. Они аккуратно уложили товар в кейс, закрыли его, Гарри надел свой светло-коричневый плащ и темно-коричневую шляпу: пока, чувак Давай, малыш, все ништяк.

Прежде чем поехать в аэропорт Кеннеди, Гарри сначала убедился, что в его машине закрыты все окна и двери. Он сделал музыку потише, чтобы она его не отвлекала, и бросил взгляд на чемодан с деньгами на заднем сиденье, самодовольно улыбнувшись и слегка поежившись в своем дорогом плаще было интересно, видят ли его идущие по улице, едущие в машинах люди и интересно ли им, кто такой и чем занимается. Потом он понял, что его замечают, потому что он настолько профессионально, что растворился в потоке машин не засветись. Именно так все и должно было быть. Нельзя светиться. Именно поэтому он выбрал для поездки "Шеви", а не «мерс». Именно поэтому он наладил связи с белыми парнями, а Тайрон — с черными. Всегда смешиваться. Вот почему они преуспели. Вот почему они были на вершине, и их не могли поймать. Полицейские не отличат их от любого лоха на улице. Он ехал аккуратно, но старался не слишком осторожничать. Именно так и можно засветиться. Нужно просто ехать в потоке и ничем не выделяться. И он двигался вместе с потоком, время от времени глядя на сидевших в других машинах людей, и ему было интересно, что бы они сделали, если б узнали, что он тот самый Гарри Голдфарб, один из основных наркодилеров в городе, и что на заднем сиденье его машины лежит кейс с семьюдесятью пятью тысячами американских долларов, на которые он собирался купить фунт чистейшего героина??? Да они обосрут. Именно так, они просто обделаются. Возможно, просто не поверят. Они наверняка подумают, что он этаким преуспевающий бизнесмен. Нет, скорее биржевой маклер... или финансовый консультант, Ага, точно, я, типа, консультант по вложениям. Могу поспорить, если я подойду к любому прохожему на улице и скажу, что я наркобарон, они просто засмеются и скажут: ага, а я Аль-Капоне, хахаха. Да, могу поспорить, я мог бы зайти с чемоданом чистого героина в полицейский участок и потусовать там некоторое время, задавая вопросы всякие, и они никогда бы не

отдублили, кто я такой и что у меня в чемодане. Может, я даже зайду туда и спрошу, нет ли у них проблем с наркоманами в этом районе... А что, отличный способ узнать о ситуации в некоторых районах — пусть легавые сами скажут, где их больше всего, — хотя я и так их за милую душу. Было бы прикольно. Он притормозил, чтобы заплатить за проезд, потом снова нажал на газ, глядя, как солнце играет на тросах моста, замороженный яркостью бликов и представляя их огнями софитов, а себя звездой экрана. Он влился в поток, направляющийся к бульвару; несмотря на обилие машин, никаких пробок не было. Он расслабился за рулем, глядя на дорогу, время от времени бросая взгляд на кейс, на людей в других машинах, думая о том, что они сейчас едут либо на работу либо домой, наверняка в какую-нибудь крысиную дыру, и понятия не имеют о происходящем вокруг, не знают, что такое быть свободным человеком, когда ты можешь поехать куда хочешь и когда хочешь, когда тебя держит под руку потрясающая девочка, на которую все засматриваются, когда ты идешь с ней в какой-нибудь ресторан в центре, и хотят оказаться на твоём месте... Посмотрите на этих несчастных. На часах всего лишь двенадцать, а они уже с ума посходили. Ему хотелось открыть окно и крикнуть им: да расслабьтесь вы! Время от времени он любовался чайками, парящими над волнами и играющими на воде бликами солнца. Вода выглядела серой и холодной, но это не портило ему настроения. Ничто не могло испортить ему настроение. В его жизни все складывалось просто отлично. Им с Мэрион было здорово вместе. Кафе было на подъеме, его легальные вложения приносили хорошие дивиденды, еще одна такая сделка, и он сможет уйти на покой, чтобы провести остаток жизни, занимаясь своими делами и путешествуя. У них с Мэрион все никак не получалось совершить задуманные путешествия, за исключением одной поездки на Багамы, зато со всеми деньгами, которые лежали у него здесь и в Швейцарии, ему не нужно будет заниматься этим дальше, и он, сможет завязать прежде, чем все накроется. Он не собирался подражать тем лохам, которые не знают меры и либо получили по большому сроку, либо закончили свои с пулей в башке. Не-э, этого со мной не будет, чувак. У нас все получится. Сначала поваляемся на пляжах Ривьеры, потом потусуем по кофейням Рима и Парижа, а потом в старый добрый Стамбул, и если Турхан-бей будет мешаться под ногами то ему не поздоровится. Эй, отличная песня, чувак. Он закивал в такт музыке, напевая: если Турхан-бей попадется на пути, ему от меня не уйти. Если Турхан попадется на пути, ему от меня не уйти. Он усмехнулся: неплохо. Может, мне начать писать песни в свободное время? Выехав с бульвара, он попал в медленный и плотный поток машин, едущих в аэропорт. Посмотрев на часы, он улыбнулся. Времени было предостаточно, так что ему не придется кружить в поисках парковочного места. Вот почему он всегда выезжал пораньше — чтобы не застрять в пробке или Где-то ещё. Иногда у какого-нибудь бедолаги спускало колесо или глохла машина, а ему не хотелось. терять пол-лимона из-за какого-то придурка со спущенной шиной... а то и чего похуже. Серьезные люди не любят разгуливать с фунтом чистого порошка у всех на виду, а потом еще *shlep* все это обратно. Гарри всегда все планировал заранее. Это ведь один из секретов успеха — тщательное и дотошное планирование. Припарковав машину, Гарри неторопливо направился к терминалу. у него было время, поэтому он зашел в кафе и выпил чашку кофе с куском торта *a-ля мод*. Пока он ел, его кейс лежал у него на коленях. Гарри самодовольно улыбался про себя, думая о том, как бы эти уроды стремились, если бы узнали, что у него в кейсе лежит семьдесят пять штук. Оплатив счет, он Спокойно и медленно пошел к коктейль-бару, где сел в самый дальний конец, у большого окна, через которое было видно летное поле. Поставив кейс рядом, в паре дюймов от левой ноги, Гарри стал задумчиво вертеть стакан с

напитком, иногда делая из него глоток, глядя на то, как взлетают и садятся самолеты. Он продолжал смотреть на них даже тогда, когда рядом, слева от него, сел мужчина в таком же светло-коричневом плаще и темно-коричневой шляпе. У него был точно такой же кейс, который он поставил на пол в нескольких Дюймах от своей правой ноги. Он заказал напиток, который выпил до того, как Гарри выпил свой. Потом он поставил пустой стакан на стойку бара, взял кейс Гарри и ушёл. Гарри продолжал смотреть на летное поле. Через десять минут он встал, взял кейс и вышел из " бара. Он шел прямо и не спеша к своей машине. Он вертел головой по сторонам в поисках переодетых легавых, так как знал, что все чисто. Он доверял своей интуиции, а интуиция сейчас говорила ему, что все в полном порядке, детка. Открыв дверь машины, он бросил кейс на заднее сиденье, сел сам и, едва сдерживая смех, закрыл дверь. Вот и все. Последняя партия. последний фунт героина, купленный им. Когда они, совсем прикроют лавочку, он пошлет этим улицам прощальный поцелуй. Движение из аэропорта почти всю дорогу было медленным, старый добрый вариант... Встали-поехали», но Гарри был к такому привычен и потому просто расслабился в своем кресле, почти не прислушиваясь к музыке и глядя прямо на дорогу. Такое движение было одной из продуманных ими уловок. Они знали, что никто не будет ожидать, что обмен будет происходить среди бела дня в таком людном месте, как Кеннеди. Это было неправильно. Слишком на виду. Слишком открыто. Слишком много легавых проверяет прилетающих и улетающих людей. Вам некуда бежать. Некуда ехать. Некуда плыть. Хахаха, чёрт, я не могу даже бассейн переплыть, а тут огромный, бля, океан. Все было неправильно. Все. Именно поэтому все так хорошо срабатывало. Но сегодня пробок на дороге было намного больше, чем обычно.

Слишком много сегодня было спущенных шин и помятых бамперов. Они были везде, куда бы он ни посмотрел: впереди и сзади он видел эти красно-желтые мигающие огоньки, однако он был спокоен и не паниковал, зная, что это наверняка мигалки «скорой» или аварийки и что к нему они не имеют никакого отношения. Он оставался спокойным, даже когда увидел патрульного, разбирающегося с водителями, попавшими в аварию, он был мил и спокоен — бля, нет, чувак. Это все дерьмо собачье. Кому на хер все это нужно? Если легавые тебя не возьмут, то аварии достанут. Старый добрый Боб Моузес и его самая большая в мире парковка. На самом деле клевое место, такое охренительное, что у меня щас дерьмо закипит. Точно. Никто, никакая тварь не станет пасти нас в «Мейсиз». Эй, а мне нравится. Это же супер, чувак. Отдел игрушек... Ага... Рядом с игрушечными поездами. Надо будет прикупить их как-нибудь. Было бы круто иметь полную комнату маленьких поездов... с мостами, домами, деревьями, грузовиками, ночным и дневным освещением, всю чертову *megillah*. Нет, просто ловить такси и сидеть там, на заднем сиденье, пока водитель с мучениями продирается через трафик и стонет и кроет матом всех этих засранцев, которым Дома не сидится: ты смотри, как щас вон тот меня подрезал; бля, эй, поезжай туда, где валялась, сучка, — он поворачивается к Гарри, _ сто пудов, какая-нибудь лесбиянка, нах, судя по тому, как она водит, — и он резко сворачивает на другую полосу. Раздаются крики, брань, гудки, и он высовывает руку в окно, демонстрируя всем вытянутый средний палец, и Продолжает лавировать в потоке, показывая палец всем любителям погудеть, одновременно радостно давя на свой, с воплями, — а что еще тебе подарили на Рождество, кроме нового гудка, хархархар, — а Гарри просто сидит на заднем сиденье и смеется; кейс лежит на его коленях, и он думает о том что было бы весело вот так вот взять и, вытряхнуть содержимое кейса на сиденье и посмотреть на высранный таксистом кирпич, однако он будет круче и,

кивнув таксисту, вручит деньги, когда они останутся у «Мэйсиз», скажет: сдачи не надо и махнет рукой, уходя прочь, в сторону универмага, он приехал рано, поэтому у него было время зайти в секцию женского белья, посмотреть, нет ли чего, что понравится Мэрион, однако Гарри ничего не покупает, потому что для него дело — прежде всего, нужно сосредоточиться на том, что делаешь, и тогда ты сможешь поймать и полицию, и весь мир. *Сосредоточиться.* Он прошел весь нижний этаж и поднялся на эскалаторе в отдел игрушек. Ему нравилось смотреть вниз, поднимаясь на эскалаторе. Витрина с поездами была так себе, хотя тут были выставлены и неплохие модели, но ровно в условленное время он встал рядом с витриной, где описывали круги и восьмерки игрушечные поезда, поставил кейс на пол, в паре дюймов от своей правой ноги, и так же, как в аэропорту, к нему подошел парень, и произошел обмен, и Гарри спокойно вышел из магазина, поймал такси до центра, потом прошел квартал, поймал другое такси и проехал еще немного, потом немного прошел, потом поймал еще одно такси, чтобы проехать в сторону центра, и прошел пешком несколько кварталов до «сортировочной» квартиры, где его ждал Тайрон.

Вот, держи, детка, последний фунт чистого, с которым мы замораживаемся. Да, к нему еще не прикасалась рука человека. Господи, Тай, ну ты и крендель. Что будешь делать, когда мы выйдем из игры, вот так вот сидеть и ржать целыми днями? Чиерт. Только не я. Мне будет чем заняться. Они аккуратно разбавили порошок и расфасовали его и слили своим людям, ответственным за уличную продажу. Они не связывались с теми, кто употреблял, с теми, кто не был крут. Тайрон взял большую часть, потому что он работал с черными толкачами, а Гарри взял остальное для белых. Когда ушел последний пакет с дерьмом, они отпраздновали. Гарри и Тайрон взяли своих подружек в город и как следует оттянулись, закончив гулянку в Центральном парке, раскатывая по дорожкам в каретах и глядя на восходящее солнце. На следующий день Гарри встретился со своим бизнес-консультантом, чтобы обсудить с ним приобретение очередной недвижимости, а после организовал для себя и Мэрион кругосветку. Думаю, надо держаться подальше от Африки, мне кажется, там сейчас не слишком клево. Может, кроме Северной Африки. МОЖНО начать с Алжира. Касабланки; ага, сыграй это еще разок, Сэм. Потом на восток. Посмотрим, что происходит в Каире и в других местах, а потом в старый добрый Стамбул. Старый добрый Стамбул — господи, с паспортом на фамилию Голдфарб? Может, мне стоит сменить имя на Смит или Турхан-бей, — и Гарри, засмеявшись, откинулся в кресле, почти не обращая внимания на музыку, льющуюся из раздолбанного радиоприемника Тайрона. Выпотрошив бычок, он вставил в фильтр затушенный ране косяк и, прикуривая, услышал звук ключа в замочной скважине. Тайрон Си Лав протанцевал в комнату со своей широчайшей ослепительной ухмылкой во все лицо и бросил маленький пакет на стол. Вот, оно детка, Броуди говорит, что это динамит, что нам надо разбодяжить это по крайней мере один к трем и что, если мы хотим улететь, нам надо быть очень аккуратными. Он что, не дал тебе даже попробовать? Даже разнюхаться, чтобы про верить? Не-а. Он никому не разрешает ширяться в своей квартире. Никогда. А откуда нам знать, что он нас не нагрел? Он никого не кидает, чувак. Именно поэтому он все еще жив и барыжит. Если он сказал, что это динамит, значит, это динамит. Я ему сказал, что мы не подсядем и не облажаем тему. Да, но откуда нам знать, какого качества товар и насколько его нужно бодяжить? А ты прав, а? Ну, немного попробовать никому не повредит. Точно. Только мы сделаем по чуть-чуть. Можно просто по нюхать. Эй, уж если я собрался закайфовать, значит, я закайфую. Я не собираюсь выбрасывать отличный кайф на ветер, разнюхиваясь. Гарри хохотнул, доставая шприцы.

Только давай аккуратнее. Эй, детка, я всегда аккуратен. Нет уж, шутки в сторону, Тай, я серьезно тебе говорю, нам нельзя облажаться. Это наш шанс стать крутыми понастоящему. Тебе же не хочется торговать маленькими чеками всю жизнь? Если мы все правильно сделаем, то быстро замутим фунт чистого, но, если мы забалдеем, тогда пиши пропало. Эй, малыш, я не шучу. Я тоже не желаю бегать по улице в рваных кроссовках и с сопливым носом до конца дней своих. клево, — Гарри протянул ему руку, — Тайрон хлопнул его по ладони, Гарри ответил тем же. Ладно, давай уже попробуем. Гарри отсыпал малое количество порошка в ложку, потом добавил еще немного. Достаточно. Нельзя заниматься делами, если у тебя палец в носу. Они поставились, и с первой волной прихода им стало понятно, что Броуди не врал, теперь они могли Спокойно смешать порошок с сахаром, и у них все равно будет качественный товар. Чирт, мы можем разбодяжить этот перец один к четырем, и нам никто не предъявит на улице за Кидалово. Да уж... это круто. Он сказал, что у него есть еще, так что нам надо побыстрее все продать и купить еще, дурик, потому что перец улетный. Знаешь что, чувак, если мы постараемся и нормально крутанемся, то уже завтра Сможем купить Два таких пакета. Круто! Хлопнув по рукам, они взялись за работу смешивая героин с молочным сахаром, боясь закурить, чтобы случайно не сдуть драгоценный порошок, или кашлянуть на него. Они понимали, что оба сильно под кайфом, и изо всех сил старались сфокусировать Внимание на работе, так что их движения были медленными и точными. Время от времени они останавливались, чтобы отойти и закурить сигарету, такую сладкую в этом состоянии. Закончив, они взяли по пятьдесят чеков каждый и вышли на улицу. Их не очень грело разгуливать с таким количеством героина по улицам, но у них не было выбора.

Им нужно было дать Понять людям, что у них есть то, что людям нужно, а у Тайрона не было дома телефона, поэтому единственным способом контакта с торчками был контакт непосредственный. Гарри позвонил Мэрио сказать что у них все прошло нормально и рассказать об их с Тайроном планах и она сказала, что они пока могут пользоваться ее телефоном. Уверена? Да. Только в разумных пределах. Не давать его каждому уличному торчку. Только ребятам типа Годжита, понимаешь? Тем, кого знаешь. И оставляй все у Тая. Ладно, малышка, мы так и сделаем. Это здорово облегчит нам работу, пока мы не снимем квартиру с телефоном. Я просто не хотел чтобы ты в этом участвовала, понимаешь? Понимаю, Гарри, и ценю твою заботу. Но все нормально. Здорово. Ладно, увидимся позже. Ой, Гарри! Да? Оставь и мне немного, ладно? Да конечно, не беспокойся. Только немного, понимаешь? Хорошо. Пока. Пока. Гарри повесил трубку и сказал Тайрону, что они могут пока использовать телефон Мэрион: мы могли принимать звонки, забивать стрелки и потом встречаться на улице. А пока мы можем оставить порох у тебя. Понял, детка. Ладно, встретимся тут попозже. Да, малыш. И они разбежались — Гарри в сторону, Тайрон в другую, согласно черно-белому плану. Все шло отлично. Почти сразу Тайрон наткнулся на Годжита и дал ему телефон Мэрион, тот закинул удочки, выясняя, не нужно ли чего кому, так что вскоре у Тайрона все ушло, и пришла пора пополнять запасы. Когда он вернулся на район, его уже с нетерпением поджидали местные торчки. По улицам уже пошел слух, что у него товар отличного качества и Тайрон ощутил, как его возбуждение нарастает, но он держался с достоинством, не выпуская наружу бушующий внутри азарт и, главное, борясь с желанием догнаться. Он был рад, что сделал укол перед выходом, это здорово помогало ему держать себя в руках, он приказал себе не расслабляться, сначала — бизнес, а потом уже укол. Он хорошо знал улицы, знал, как себя правильно вести и полагался на интуицию,

которая двадцать пять лет позволяла ему выживать в уличном мире между Бронксом и Гарлемом, он знал, что если ему удалось выжить здесь, то он без труда выживет где бы то ни было, детка, это тебе не хер собачий, дурик. И сегодня его интуиция была обострена до предела. Еще бы. Ведь он вынужден был пустить слух, что у него есть героин, но как только слух разошелся, значит, скоро найдутся люди, которые захотят его кинуть, этим людям перерезать тебе горло все равно что прикурить. Этим котам все похеру, друган. Это вконец опустившиеся грязные торчки, детка, поэтому Тайрон спрятал все, что у него было, по разным местам и проверял, не идет ли кто за ним, когда брал деньги и шел за товаром. Он был всегда на стреме и крайне внимателен, потому что верил — это его шанс, единственный шанс, и не думал, что в этой жизни ему представится новый. Двадцать пять лет был долгий срок в мире, которому он принадлежал, и он понимал, что шансы выбраться отсюда редко выпадали, если вообще выпадали, людям вроде него, и он не собирался упускать свой шанс. Он прекрасно знал, что, если он не будет осторожен, то потеряет не только шанс, друган, а и саму жизнь. Он сам не понимал, как получилось, что у него столько героина, он словно попал в сказку, однако это было реально, и он не собирался стоять и пукать. Он устал от постоянных неудач. уличная жизнь — для лохов. улицами заправляли неудачники. Он же был на пути вверх, прочь отсюда. И ему, в общем-то, было наплевать на какой-нибудь роскошный «эльдorado» с пятью кисками... чиерт, да мне одной вполне достаточно, чего Тайрону хотелось больше всего, это спокойствия. Это точно, детка, чтобы никаких проблем. проблемы — это то, что я видел в течение двадцати пяти лет. Все время кто-то кого-то достает. И не полиция, а братья. Все всегда чем-то недовольны. Это героин В твоей крови, старый, или бухло, и ты идешь и делаешь все, чтобы вмазаться или бухнуть. Чиерт, то дерьмо не для меня. Не-а, со мной не пройдет. Я не какой-то там жлоб па хер. Мне бы только наскрести на маленький магазинчик — все равно какой, хоть химчистка, хоть телеки, лишь бы хватало на жизнь мне и моей малышке, и чтоб без проблем. Маленькое собственное дельце где-нибудь в пригороде. на природе. Не знаю, может, в Куинсе или Стейтен Айленде. Просто домик и машина и никаких заморочек. Чиерт, мне даже сад не нужен, чувак, лишь бы спокойно все и без проблем, типа я люблю тебя — ты любишь меня... бля, тебе не обязательно любить меня, друг, можешь считать меня черным засранцем, только не устраивай мне проблем.

Гарри прошвырнулся по району, дав знать нескольким персонажам, что У него есть перец, потом остановился в маленькой кондитерской, попивая яичные коктейли и листая порножурнал. Часть героина он продал у магазинчика, а когда тот закрылся, он потусовал некоторое время со знакомыми ребятами, потом переместился в бар, потом в другой бар, стараясь не задерживаться в одном месте слишком долго. Его старый знакомый Берни сказал, Что хочет взять несколько чеков для своих ребят и что он вернется через час, поэтому Гарри вернулся обратно в квартиру и, забрав очередную порцию, быстро ее слил, перед тем как поехать к Мэрион. Позже ему Позвонил Тайрон рассказать, сколько он сегодня успел продать, И, когда они сложили получившуюся сумму, оказалось, у них достаточно капусты для еще одной партии. Похоже, их план потихоньку Склеивался. Чиерт, именно в тот Момент, когда куча торчков знает, что у нас хороший перец на продажу, у нас кончаются чеки. К завтрашнему вечеру все будет распродано. Да ладно. Как только мы Сольем столько, чтобы хватило на две таких партии, тогда и купим, да? Ты чертовски прав, друган. Я хочу купить этого дерьма столько, Сколько смогу. Клево. Позвони Мне, или я сам к тебе зайду. Пока, малыш, — Тайрон повесил трубку и потанцевал к себе домой. Это был

длинный день, малыш, и я уверен, что ему Хочется поскорее пристроить свою красивую маленькую задницу на постельку. Он чувствовал, как по его спине течет пот. Он провел на улицах Много времени, но последние часы были, пожалуй, худшими в его жизни. Сейчас улица сулила ему больше угрозы, чем обычно. Он часто болтался где-то с утра до вечера и не слишком обращал Внимания на прохожих, но сейчас все стало по-другому. Уж это точно, могу поспорить на твой сладкий жопец. Раньше ему нечего было терять, просто потому что у него ничего не было. Он был простым уличным черным котом, одним из тысяч, еще одним братом, который пытался прожить еще один день на улице этого скотского мира. Никто не боялся его, и он не боялся никого. Если ты знаешь улицу и держишься подальше от психов, алкоголиков с ножами и пистолетами, тогда остаётся только сама улица, однако, если у тебя есть что-то, что кому-то очень нужно, тогда, считай, у тебя гарантированные неприятности, дурик. Жди, что тебе придется бороться не только с асфальтом, да бетоном... Тебе придется иметь дело с теми психами, которых улица делает из лохов. Если чувак сам по себе, то все нормально. Да и сама улица не так уж страшна, как кажется. Однако если сложить эти два фактора вместе, ты получаешь этих самых больных на голову психопатов, и тогда держись, чувак, и смотри во все стороны сразу. Так вот, если у тебя есть что-то, что кому-то нужно, и это что-то — белое дерьмо, и ты С ним разгуливаешь по этим улицам, тогда у тебя *серьезные* неприятности. Чиерт. Это, конечно засада, чувак, но единственный способ бороться с улицей — это заставить ее работать на себя, тебе просто надо переиграть этих ублюдков, чувак.

Повесив трубку, Гарри обнял Мэрион за талию и закружил по комнате. У нас все получается, малышка, у нас в натуре все путем. Если так пойдет и дальше, то мы сможем купить этот фунт чистого, глазом моргнуть не успеешь, а потом за нами не угнаться. О, я так рада, Гарри, так рада, — она обняла и поцеловала его. Я не ожидала, что меня это будет беспокоить, но думала об этом всю ночь, Раньше я как-то не задумывалась об этом, но сейчас все вокруг кажется таким угрожающим. Хочешь я тебе скажу кое-что, конфетка? Я тоже пропотел от страха. Если меня сцапают с таким грузом, то закроют надолго. А тебе обязательно заниматься этим каждый вечер? Не-а. Лицо Мэрион выражало искреннюю заботу, и Гарри улыбнулся ей. Мы просто Хотели как можно быстрее все слить, чтобы завтра взять в Два раза больше, пока у нас есть возможность брать героин хорошего качества. Потом мы тормознемся на время и найдем местечко, чтобы отлежаться. Я надеюсь, милый. Прошлая ночь была самой тоскливой в Моей Жизни. Гарри снова обнял и поцеловал ее: не переживай, мы скоро уйдем с улиц. Мы сольем перец торчкам, сидящим на игле, а сами расслабимся _ так что давай все забудем, лады? Давай немножко раскумаримся и полежим-поболтаем о нашем заведении и о путешествии в Европу. ОНИ сделали себе по уколу, легли на диван и, слушая музыку, стали расписывать свое будущее, более детально продумывая план своей первой кофейни. Мэрион даже достала свой альбом и сделала несколько зарисовок по следам новых идей, и Вскоре у них В руках был готовый проект заведения, с цветочными горшками на стенах, маленькой сценой для выступлений и маленьким птичьим вольером в открытом дворике, увитом виноградной лозой, и стенами, приспособленными для развешивания живописных работ, Потом Мэрион стала рассказывать о своих идеях кофейни в Сан-Франциско, попутно иллюстрируя ИХ в альбоме и захлеб рассказывая, как ему понравится «Приют рыбака» и тамошние Мимы, и отличные рестораны, знаешь, их театр просто потрясающий и там всегда что-нибудь происходит — я имею в виду вообще искусство, музыку, не Хуже, чем в Нью-Йорке, — и она Поставила «Kinder-totenlieder» и

проиграл а пластинку несколько раз, пока они сидели на диване, рисуя, болтая, прижимаясь друг к другу, посмеиваясь, обнимаясь, и целуясь, и мечтая, и веря...

Приемная была переполнена. Сара здесь никого не знала, но все имели в облике что-то общее, даже эти молоденькие худышки. Она заполнила анкету и отдала ее обратно медсестре, и через несколько минут ее пригласили в один из кабинетов для осмотра. Медсестра ее взвесила, обмерила и спросила, как она себя чувствует. Прекрасно, именно поэтому я здесь, и они обе засмеялись. Медсестра измерила ее давление, поинтересовалась, как у нее обстоит со слухом и зрением, и Сара ответила, что у нее есть и то и другое, и медсестра снова рассмеялась, а потом вышла из кабинета. Через некоторое время в кабинет вошел доктор, который быстро ознакомился с подготовленной медсестрой картой, посмотрел на Сару и улыбнулся: вижу, вы слегка располнели. Слегка? у меня имеется пятьдесят фунтов, которыми я готова пожертвовать. Что ж, думаю мы могли бы вам помочь. Несколько секунд он слушал ее сердце, несколько раз стукнул пальцами по ее спине, потом снова вернулся к карте. Сестра выдаст вам таблетки с полным описанием. Она также назначит вам прием на следующей неделе. Тогда мы с вами и встретимся снова, — и он ушел. Сара взяла у медсестры пачку таблеток, и та ей объяснила, как их нужно принимать. Хорошо, только скажи мне, куколка, сколько с меня запросит доктор? Он сказал, чтобы я пришла на прием через неделю, а у меня вообще нет денег. О, не беспокойтесь, миссис Голдфарб, мы организуем это через вашу медицинскую страховку. Прекрасно. Мне стало намного легче. Значит, через неделю. Точно. До свидания, миссис Голдфарб. До свидания, куколка. Береги себя.

Сара сидела за кухонным столом. Перед ней лежали таблетки и инструкция по применению. Ну что ж, посмотрим, фиолетовую принимаем утром, красную в обед, оранжевую вечером, — и она повернулась с ухмылкой к холодильнику: ну что, господин Умник, вот тебе мое трехразовое питание. холодильник нахмурился, но слушал с любопытством, плюс еще зеленая на ночь. Вот так-то. Раз, два, три, четыре и лишние фунты исчезнут. Наверное, мне лучше выпить фиолетовую прямо сейчас, потому что уже подходит время для красненькой, и она с усмешкой гордо прошествовала к раковине — набрать стакан воды, и запить таблетку-завтрак Напевая, она открыла холодильник, достала мягкий сыр и закрыла дверцу с выражением превосходства. Затем она распаковала на столе пакет из магазина, вытащив из него большой луковый рулет и развернув кусок копченой рыбы. Смотри, Санта-Клаус, сейчас я разобью твое сердце. Скоро я смогу сэкономить кучу денег на продуктах. Она пожала плечами и высокомерно кивнула холодильнику, намазав сыр на рулет и выбирая самые аппетитные кусочки рыбы, — ммммммммм, — она причмокнула и повернула стул так, чтобы господин Снеговик мог полюбоваться, как она пирует.

Она сделала себе еще кофе. Она никогда не пила больше одной чашки кофе на завтрак, а все остальное время пила чай. Однако сегодня утром она выпила весь кофейник, шесть чашек. И теперь заварила второй кофейник, даже не задумываясь об этом, зная только, что чувствует себя отлично, бодро, полной сил. А потом она вдруг осознала, что уже время обеда, а ей совсем не хочется есть. вообще. Она выпила еще кофе. Время пришло, а есть не хочется, — она показала холодильнику язык, — даже селедку в сметане, спасибо большое. Просто волшебство. Нет ни малейшего желания. С самого утра я съела только одну таблетку и выпила чашку кофе и — она посмотрела на кофейник и свою чашку, поняв, что она выпила гораздо больше кофе, чем думала, и вспомнила, что заваривала второй кофейник, и он уже

почти пуст... Э-э, подумаешь, пожалала она плечами. Таблетка и один кофейник, и я уже почти *zophitic*, так чего жаловаться. Допив кофе, она налила себе еще чашку, — я смотрю на тебя — она подмигнула холодильнику, взяла красную таблетку и изящным движением бросила ее себе на язык, запила кофе и, радостно запрыгав в своем кресле, подумала о произошедшем в ее жизни чуде. Жаль, что она не знала об этом раньше. Она чувствовала себя такой молодой, полной такой энергии, что легко бы взобралась на вершину горы. Она подумала, может, ей стоит вымыть пол и стены, по крайней мере, на кухне, но решила пока отложить и пойти посидеть с соседками на солнышке, рассказать им, как ей хорошо. Ей не терпелось рассказать им о найденном ею источнике молодости, причем вовсе не в Фонтенбло.

Она вышла из дому и присоединилась к женщинам, поставив стул на почетное место, которое всегда держали для нее. На солнышке в ожидании грелась почти дюжина женщин, и когда Сара вышла на улицу, они тут же окружили ее с обычными вопросами о шоу: что, Где, когда — но она только улыбалась и отмахивалась королевским жестом. Посмотрев по сторонам в поисках почтальона, заряженная необузданной энергией, она не могла усидеть на месте, и когда женщина, давшая ей адрес доктора, вышла на улицу и присоединилась к ним, она обняла и расцеловала ее, сказав, что очень ей благодарна, что случившееся с ней — это самая чудесная вещь на свете и что Она сама не верит, но она вообще не думает о еде, и даже если Кто-то поставит перед ней большую тарелку куриной лапши, она не станет ее есть, и вообще, она так хорошо себя чувствует с тех Пор, как перестала думать о еде, теперь она чувствует себя свободной, как птица, и ей хочется порхать, напевая «O by Mir Bist Du Schon», и что это ей вообще ничего не стоило, все прошло через ее медицинскую страховку, и может быть, я пойду танцевать, тут она хотела при сесть и позагорать, но тут же подпрыгнула, будто невидимая сила подбросила ее в воздух, заставляя ее зайцем скакать вокруг товаров и крутить головой по сторонам, выискивая взглядом почтальона, который скоро принесет ей письмо от «Макдик Корп.», где будет написано, в каком шоу она будет участвовать и сколько времени осталось до того, как она наденет свое красное платье, и соседки качали головами и просили ее сесть, сесть и расслабиться, позагорать — хорошо, конечно, что ей так хорошо, но как бы ей от этого хорошо плохо не стало; и они смеялись и шутили, и Сара сидела, ходила, обнималась, целовала и крутила по сторонам головой, пока не пришел почтальон, и когда она направилась к нему со всей своей свитой, он покачал головой: Сегодня для вас ничего нет, — и прошел в подъезд с несколькими конвертами в руке, однако Сара не унывала, рассказывая всем о том, как прекрасно она себя чувствует и что скоро она станет Маленькой Красной Шапочкой.

С улицы Сара ушла последней. Ей не нужно было готовить ужин, поэтому и спешить было некуда. В первую очередь она включила телевизор, потом заварила еще один кофейник, показав нос холодильнику, который мрачно помалкивал, чуя запах поражения. Сара загрузила себя работой, оттирая, выскребая, отмывая, постоянно поглядывая на часы в ожидании ужина. А когда наконец стрелки часов сошлись в прямой линии, она радостно села за стол со своей оранжевой таблеткой. Она бросила ее в рот, запила кофе и вернулась к уборке, напевая и разговаривая с собой, с телевизором и намеренно игнорируя холодильник. Время от времени она вспоминала о том, что ей надо выпить воды и выпивала стакан, думая о похудении и *zophitic*. Постепенно ее энергия начала испаряться, и она осознала, что непрерывно скрипит зубами и двигает челюстью, хотя на это легко можно было не обращать внимание, если сесть в любимое кресло, или, по крайней мере, попытаться это сделать. Она

никак не могла усидеть на месте, вскакивая за тем или за этим, за еще одной чашкой кофе или стаканом воды, чувствуя легкий: зуд под кожей и смутное чувство дискомфорта в животе, однако не слишком сильное, чтобы на него обращать внимание. Ей уже было не так хорошо, как после обеда, однако все равно лучше, чем все последние годы.

Она чувствовала себя живой. Все эти неудобства того стоили. Ничтожная цена. Она думала о зеленой таблетке, и хотя программа, которую она смотрела, еще не закончилась, она вскочила из своего кресла, проглотила таблетку и села обратно. Она выпила еще несколько стаканов воды, решив, что завтра она не станет пить столько кофе. Ну его, этот кофе. Чай лучше. Она выпила еще воды, воображая, как жир в ее теле растворяется и вымывается прочь... прочь... прочь...

Тайрон купил вдвое больше порошка. Чем в первый раз, и к вечеру они с Гарри были готовы к серьёзному бизнесу. Они продолжали контролировать собственное потребление, ограничивая себя маленькими дозами, достаточными, чтобы гарантировать им душевное равновесие, но неспособными притупить их чувства. Им нужно было держаться спокойно, но круто. В течении дня им позвонили несколько раз, что они могли продать половину партии за раз, даже не разбавляя героин сахаром. Сделав себе несколько капель, Гарри позвонил Мэрион узнать, кто звонил и что происходит. Это становилось таким напрягом, что Мэрион предложила Гарри перевезти товар к ней, пока у Тайрона не появится телефон. Гарри не раздумывая принял её предложение, и они продолжили торговлю из её квартиры, пока несколько дней спустя в квартире Тайрона не был установлен телефон. Теперь все шло гораздо легче и быстрее. И они старались держать себя в руках, не превышая дозы, и качество покупаемого ими порошка было настолько хорошим, что они спокойно могли разбавлять его один к четырем, и все равно все оставались довольны. Торчки ждали их дерьма. Тогда они стали разбавлять героин один к пяти, и денег стало еще больше. Теперь счет пошёл на тысячи, И они арендовали депозитную ячейку, в которой прятали выручку. За день у них выходило более штукаря, и они решили, что пришло время расслабиться и прикупить приличной одежды, конечно, когда появится свободное время. Однако свободного времени у них практически не оставалось, они стали давать героин на продажу ребятам вроде Годжита, чтобы те сливали товар по ночам, а по утрам отдавали им половину выручки. Как-то внезапно, по крайней мере, им так казалось, мир перевернулся и окрасился в розовые тона. Теперь наполовину пустой стакан превратился в наполовину полный и наполняющийся все больше и больше.

Однажды вечером Мэрион и Гарри сидели на диване, слушая музыку под кайфом, как обычно, обсуждая планы открытия своей кофейни, когда Гарри вдруг откинулся на спинку дивана с задумчивым выражением на лице, кивнув через некоторое время, словно принял какое-то решение: да, именно так я и сделаю. Что сделаешь? Или я должна спросить, для кого? Для моей старушки. Я тут думал, что бы я мог для нее сделать, ну, типа, подарок какой-нибудь купить, только не мог придумать, что именно, понимаешь, непросто придумать что подарить такому человеку, как она. Ну, что, например, она могла бы хотеть? Все женщины обожают духи. Можно было бы подарить ей что-нибудь изящное в хрустальном флаконе. Не-э, это не покатит. Ты же знаешь мою старушку. Да, наверное, ты прав. хотя надеюсь, ты мой намек понял, — хохотнула она. Тебе я подарю что-нибудь такое позже, — он поцеловал ее в щеку и по гладил шею. Потом, я придумал идеальный подарок. В конце концов я спросил себя, па чем она у меня торчит? И тут же ответил: телевизор, верно?

Если кто и торчит на телекс, так это моя мамочка. И вот я подумал: наверное, надо купить ей новый ящик, а то старый был сильно побит и поцарапан после всех этих *schlep'*ов к старому Эйбу. Не говори это слово. Какое, *schlep*? Да. Это напоминает мне об отце и его словарном запасе. Гарри пожал плечами и засмеялся. Похоже, у вас те еще отношеница, а? Мэрион дернула плечом: я могу не замечать его. Так что там с телевизором? Думаю купить старушке новый. Думаю, я мог бы купить ей за штуку такой, что она в обморок упадет, когда увидит. Я имею в виду, ей точно башню снесет. У нее будет *plotz*, когда она его увидит! Гарри! Мэрион надула губки, и Гарри засмеялся, обняв ее: прости, но иногда я просто не могу сдержаться, тебя так легко подколоть. Короче, завтра я собираюсь купить ей огромный, супер-пупер цветной телек, который заставит ее забыть все те сотни раз, когда я носил в ломбард ее ящик. Мэрион склонила голову на плечо и посмотрела на Гарри, мягко улыбнувшись: ты очень любишь ее, да? Гарри пожал плечами: наверное. Точно не знаю. Просто мне хочется, чтобы она была счастлива. Понимаешь? Мэрион Кивнула. Ее взор заволокла задумчивость. Я хочу, чтобы она была довольна, и все такое... но иногда я завожусь и чуть не нападаю на нее, словно... я не знаю. Не то чтобы я хочу ее избить, просто когда я вижу, как она торчит в этой халупе, в которой просидела всю жизнь, в одном и том же старом халате, знаешь, да даже если и в другом, я не знаю, что мне делать. Когда я не дома, все нормально, типа я люблю ее и думаю о ней самое хорошее. Но когда я там, в ее квартире, что-то происходит, и я мигом чертовски раздражаюсь и начинаю орать на нее. О, это же так просто. Ты любишь ее и зависишь от нее, и ты не знаешь, как добиться независимости но-нормальному, просто выпорхнув из гнезда, так сказать, поэтому ты срываешь злобу на ней и отталкиваешь ее прежде, чем она догадается сама. Это классический случай, на самом деле. Может и так. Сам я насчет этого не заморачиваюсь. Я просто знаю, что она постоянно достает меня лекциями о том, что я должен «быть поосторожнее»: ты хороший мальчик, смотри, берегись... понимаешь? Она мне дышать не дает. Мэрион понимающе кивала. Гарри пожал плечами. Не знаю. Не важно. Теперь, когда у меня все тип-топ, я мог бы ухаживать за ней, заезжать к ней время от времени, и, может быть, теперь, когда она увидит, что у меня все нормально, она наконец отстанет от меня. Может, мы с тобой могли бы сходить с ней в ресторан, типа. На концерт там какой-нибудь. Что думаешь? С удовольствием, Гарри. Мне всегда нравилась твоя мама. Она всегда такая милая, прикольная и... какая-то настоящая. Неиспорченная. Она живет в Бронксе и любит Бронкс и живет свою жизнь в открытую. Не то что все эти уроды, смотрящие свысока на всех, кто не живет где-нибудь в НьюРошель или в пригороде Коннектикута или Вестчестере, и они мнят о себе слишком много, а когда говорят, то возникает ощущение, будто они прочищают горло, и еще они жрут сыр с бубликами, и каждый воскресный вечер идут в китайский ресторан. Они все такие отвратительные. Нет ничего хуже культурного варвара с претензиями. Эй, да ты прямо завелась, — хохотнул Гарри. Что ж, если начистоту, это меня дико раздражает. Шекспир сказал, типа, *будь верен сам себе — вот высшая награда*. Может, Полоний был болван, но в этой фразе кроется великая мудрость. Думаю, одна из главных проблем современных людей в том, что они не знают самих себя. Все носятся как сумасшедшие, пытаюсь найти себя, свою личность, или одолжить ее, только они сами об этом не знают. Они действительно верят, что они знают, кто они такие, но кто они такие? Просто куча *schlepper'*ов — Гарри позабавило, как она *выплюнула* это слово и с каким волнением говорила, — которые понятия не имеют, что такое на самом деле личность и самоидентификация, впрочем, на них можно было бы не обращать внимания, если бы они

постоянно не путались под ногами, однако они твердят, что им известно все и что, если ты не живешь, как они, значит, ты живешь неправильно, и тогда они пытаются завладеть твоим личным пространством... Точнее, пытаются про никнуть в твоё пространство и жить в нём, и либо изменить его, либо уничтожить, — Гарри аж заморгал, наблюдая, как в ней закипает ярость, — они просто не могут поверить, что ты знаешь, что ты делаешь, и что ты — личность со своим личным пространством, что ты счастлив и доволен этим. Понимаешь, это и есть проблема. Если бы они могли это понять, то они не чувствовали бы угрозы, а чувствуя угрозу, они хотят уничтожить тебя, пока ты не уничтожил их. Они просто не могут понять своими куриными мозгами, что мы счастливы там, где мы есть, и не хотим иметь ничего общего с ними. Мой мир — это мой мир, и с их миром я не хочу иметь ничего общего. Гарри некоторое время смотрел на нее. Я тебе вот что скажу, малышка, я рад, что все так, как есть. Я ни фига не хотел бы влезать в твоё пространство. А то может произойти взрыв. Я только и сказал *schlep*, и посмотри, что вышло. Представляешь, что будет, если я скажу *yenta*, и Гарри засмеялся, обняв Мэрион, и она вдруг расслабилась, поддавшись кайфу и обаянию Гарри, и собственной усталости, ее наморщенный лоб разгладился, и она тоже начала смеяться. Знаешь, малышка, что Конфуций сказал кому-то там перед знаменитой битвой при Ван Тоне? «Зададим им перца». И они снова рассмеялись. Гарри, это просто ужасно, — тут Мэрион вскочила, чтобы снова поставить «Kindertotenlieder», вернулась на диван и обняла Гарри, и так они сидели, расслабившись, слушая музыку, обсуждая планы на будущее, и героин продолжал путешествовать по их крови, нашептывая сладкие сны каждой клеточке их тел.

На следующий день Гарри не забыл, что он хотел купить матери новый телевизор, однако сама мысль о том, что ему придется тащиться куда-то в магазин, искать продавца, а потом все-таки заставить сукина сына показать тебе то, что хочешь ты, а не то, что он будет впаривать, казалась невероятно тоскливой... просто офигенно тоскливой. Бля! Если бы он мог просто позвонить в какой-нибудь магазин и попросить доставить телевизор к матери домой, тогда без проблем, но идти самому в магазин, разговаривать с людьми и все такое прочее... Некоторое время он думал над этим, пока его не осенило: все, что нужно, это догнаться, и тогда все будет в порядке. Да, небольшая доза, и он спокойно сможет ходить, по магазинам и общаться с этими хорьками-продавцами. Ему не хотелось начинать так рано, но черт побери, на то была уважительная причина. Это казалось правильным, учитывая, сколько раз он таскал материн телевизор в ломбард, так что он не видел проблемы в том, чтобы сделать для этого небольшую догонку. Ага, хахахахаха, отлично. Мне это нравится. Гарри предложил Мэрион присоединиться, она хотела выступить против столь ранней раскумарки, однако ничего не сказала, и они начали день с укола, на который ушло чуть больше порошка, чем днем раньше, после чего пошли по магазинам. Мэрион спросила, куда он намылился, Гарри сначала пожал плечами. Потом вдруг его приперло: «Мэйсиз»! Вот куда. Зачем в такую даль, тебе делать нечего? Мне там нравится. Я там много дел проворачивал. Особенно в отделе игрушек. Мэрион посмотрела на него как на придурка, потом пожала плечами. Думаю, поездка на такси меня не убьет. Когда они добрались до «Мэйсиз», Гарри настоял, чтобы водитель высадил их у седьмого входа. Таксист посмотрел на Гарри как на очередного психа: что ж, твои деньги, приятель. Зачем тебе понадобилось именно к седьмому, Гарри, ведь мы могли легко выйти здесь? Нет, мне нужен седьмой. Я так хочу. Мэрион выглядела озадаченной, и Гарри рассмеялся. Мэрион хотела идти сразу в отдел телевизоров, но Гарри настоял, чтобы они сначала зашли в игрушки посмотреть на

поезда. Когда они добрались до телевизоров, Гарри быстро осмотрелся, к ним тут же подошел продавец, задав свой традиционный вопрос, и Гарри, посмотрев на него, уверенно ответил: да. Мне нужна большая консоль. Тогда у нас есть для вас специальная модель, на которую как раз сегодня скидка. Изначальная цена была 1299 долларов. Сейчас она упала до 999.99. Это домашний развлекательный центр со встроенным эф-эм радио и... Нет, нет, ничего такого. Просто телевизор. Хорошо. Сейчас посмотрим. Пройдите сюда. Вот прекраснейшая модель. В ней есть... И это самая большая, какая у вас есть? Да. Гарантия на ремонт и детали — год, на замену трубки — пять, а также... Хорошо, я беру ее. Продавец улыбнулся, продолжая перечислять достоинства телевизора, выписывая чек и договор на пятилетнее обслуживание после истечения гарантийного срока. Гарри отсчитал сумму в столбцовых купюрах и спокойно дождался сдачи. Он так и сидел около стола, пока продавец ходил к кассе и проводил операцию, и улыбался про себя над тем, какой он спокойный и крутой, сидит здесь и совершает крупную покупку. Все как у людей. Он усмехнулся, когда продавец принес ему сдачу, лебезя, прямо как лакей. Гарри небрежно сунул сдачу в карман, и, уходя, кивнул и помахал продавцу рукой.

Позже, вечером, Гарри думал об этой покупке и краснел, все больше нервничая и потея подмышками. Он вспоминал, как продавец задавал ему вопросы, на которые Гарри не мог толком ответить, как он трясся и смущенно заикался, оправдываясь за то, что не мог купить предлагаемый развлекательный центр, и чем больше продавец втюхивал ему о том, как благодарна ему будет старенькая мама, если он купит ей этот центр, тем более виноватым чувствовал себя Гарри, пока, в конце концов, не понял, что будет идиотом. Если не купит этот замечательный центр, а если тот окажется слишком большим, то в квартире матери можно будет сделать небольшой ремонт. Гарри покачал головой и отмахнулся от этих мыслей, направляясь к Мэрион в ванную для очередного укола перед ещё одним рабочим вечером.

Визит к матери уже не казался ему отличной идеей, когда пришло время уходить, но небольшой укол унес все сомнения. Он влез в свои дорогие слаксы, надел свою спортивную рубашку и туфли. Гарри ещё раз посмотрел на себя в зеркало, спросив у Мэрион, как он выглядит. Отлично. Просто здорово. Ты выглядишь как сын, о котором мечтает каждая мать. Это уж точно — усмехнулся Гарри, ещё раз осмотрев себя в зеркале. Ладно, пожалуй, мне пора. Увидимся позже, детка. Мэрион поцеловала его: успокойся, все будет нормально. Твоя мать не такая барракуда как моя. Ладно, пока. Гарри вышел и остановился у будки сапожника рядом с метро, где его туфли были начищены до ослепительного блеска, дал парнишке пару долларов поймал такси.

Через пару недель на таблетках Сара привыкла к их побочным эффектам. Ей уже почти нравилось скрежетать зубами, и даже если ее раздражало, она могла смириться с небольшими неудобствами ради всяческих приятных ощущений и потери веса. Каждое утро и вечер она надевала свое красное платье — посмотреть, насколько оно сходитя на спине, и каждый раз оно сходилась все больше. Он сократила потребление кофе до одной чашки по утрам и все остальное время дня пила только чай. Иногда она чувствовала, что ее глаза вылезают из орбит, но на это можно было не обращать внимание. Она рассказала обо всем этом доктору, но доктор сказал, что это обычная реакция. у вас все отлично. Вы потеряли десять фунтов уже в первую неделю. Сара возликовала и быстро обо всем забыла. Десять

фунтов. Какой хороший доктор. Милый мальчик. Она приходила к нему каждую неделю, взвешивалась, получала новый запас таблеток, подписывала бумаги и шла домой. Чего еще можно было желать? Когда она выходила посидеть с соседками на солнышке, она вертелась перед ними, чтобы они могли оценить ее прекрасную фигуру, прежде чем сесть на свой стул. Однако долго она усидеть не могла. Периодически она вскакивала, чтобы размяться, пройтись, что-то сделать и при этом постоянно говорила. Ее язык работал так много, что тело тоже ощущало необходимость в активных действиях. И каждый день с почтальоном повторялось одно и то же: они все смотрели на него выжидающе, когда он шел по улице, улыбаясь, и каждый раз он отвечал, что сегодня для них ничего нет. Если что-то придет, я клянусь, что буду махать этим конвертом как ненормальный, понимаете, как ненормальный, — и он заходил в подъезд раскладывать ту почту, что у него имелась. Однако кое-что все же изменилось... ее холодильник больше с ней не разговаривал. Он даже не хмурился. Он так и стоял на своем месте, но полностью потерял личность. Поначалу она скучала по их перепалкам, но потом перестала об этом думать и просто быстро делала свои дела на кухне, а потом снова шла на улицу к своим товаркам.

Она как раз сидела на своем почетном месте, когда подъехала машина и из нее вышел Гарри. Он подтянул слаксы и посмотрел на роту сидящих у подъезда теток, ему очень хотелось бы обойти их с фланга, но он по опыту знал, что это нереально, поэтому собрал в кулак все свое усиленное героическое мужество и направился прямо туда, где сидела его мать. Пару секунд Сара смотрела на него, и ее быстро схватывающий под стимуляторами мозг сразу отметил основное: закрывающаяся дверь такси, «сдачу оставьте», новая одежда, расслабленное поведение, улыбка, выразительные, радужные глаза. Она подпрыгнула: мой Гарри! — и обняла его, едва не сбив с ног. Она поцеловала его, он ее, она была так рада, что целовала его снова и снова. Эй, полегче, мам, ты меня задушишь, — и он, сверкнув улыбкой, стал поправлять на себе одежду. Давай, давай, заходи в дом, Гарри. Я сварю кофе, и мы обо всем поговорим. Она взяла его за руку и повела к подъезду. Стул, мам, ты забыла свой стул, — и он вернулся и забрал стул, сложив его и поздоровавшись с соседками, которые знали его с самого рождения, даже раньше, еще с тех пор, когда он был только дымкой в отцовских глазах, и они сказали ему, что он отлично выглядит, что они рады, что у него все хорошо, и он кивал, а они его целовали и обнимали. Наконец он с трудом выбрался из их объятий. Сара немедленно поставила вариться кофе и носилась по кухне с чашками, и блюдами, и ложечками, и сахаром, и молоком, и салфетками. Ну, как ты, Гарри, ты так хорошо выглядишь. Она глянула, не закипает ли кофе, и спросила, хочет ли Гарри есть, может, пирожное или бутерброд, она все быстро при готовит, если он хочет, — правда, у меня ничего из еды дома нет, но у Ады наверняка что-нибудь найдется, может, кекс, — а Гарри смотрел на мать и слушал ее, думая, не перепутал ли он квартиры, но вот кофе сварился, и она поставила на стол две чашки, снова спросив, не голоден ли он. Нет, мам. Ничего не надо. Сядь. Да сядь ты, ради Бога. У меня от тебя голова кружится. Она поставила кофейник обратно на плиту и встала, улыбаясь, перед Гарри: ничего не замечаешь? Гарри моргнул, все еще чувствуя легкое головокружение от бурной деятельности, которую развила его мать. Не видишь разве, что я стала худее? Да, да, кажется, ты похудела. На двадцать пять фунтов. Представляешь? Двадцать пять фунтов. И это только начало. Отлично, ма. Я рад за тебя. Только сядь, ладно? Сара села. Гарри все еще пребывал в изумлении, ему казалось, что его голова парит метрах в пяти позади него. Прости, что я так долго не появлялся, мам, но я был занят, очень занят. Сара кивала головой и улыбалась, играя желваками: ты нашел себе

хорошую работу? У тебя все хорошо? Да, мам, все отлично. А что У тебя за работа? Ну, что-то вроде дистрибуции. Для большой импортной компании. О, я так счастлива за тебя, сынок, — и она вскочила, чтобы обнять и поцеловать его. Эй, ма, полегче, ты меня убьешь. Господи, да что с тобой? Ты что, качалась, что ли? Сара села, улыбаясь, ее челюсти крепко стиснуты: а на кого ты работаешь? Вообще-то, мы работаем вдвоем с другом. Так это твой собственный бизнес? О, Гарри, — И она снова подскочила, чтобы обнять его. Гарри с трудом заставил ее сесть: ма, ну пожалуйста, перестань. Твой собственный бизнес, о, Гарри, как только я тебя увидела, сразу поняла, что у тебя собственное дело. Я всегда знала, что ты добьешься своего. Да, мам, ты была права. Я добился своего, — и он усмехнулся. Ну, теперь ты наверняка встретишься с хорошей еврейской девушкой, и я стану бабушкой. Вообще-то я уже встретил — Сара радостно взвизгнула и запрыгала в своем кресле, Гарри выставил перед собой руки: господи Иисусе, мам, перестань офигевать, а? О, Гарри, ты даже представить не можешь, как же я счастлива. Я так за тебя рада. А когда свадьба? Свадьба? Эй, расслабься, а? Просто успокойся. Полно времени еще, чтобы думать о свадьбе. А она хорошая девушка? Кто ее родители? Что — да ты ее знаешь, мам. Мэрион. Мэрион Кляйнмайтц. Помнишь, ты — о, господин Кляйнмайтц. Я знаю. Конечно. Нью-Рошель. у него магазин белья в торговом центре. Да, он хорошо рубит в женских трусиках, — хохотнул Гарри, однако Сара не обратила на это внимания, продолжая улыбаться, представляя большую свадьбу с раввином, Гарри с Мэрион под пологом, вино, внуки... Она так обрадовалась, что снова вскочила, не в состоянии усидеть на месте, и долила кофе в чашки, после чего снова села в кресло. Прежде чем ты снова начнешь скакать и я все забуду, хочу сказать, что у меня для тебя подарок. Гарри, мне не нужны подарки, просто сделай меня бабушкой, она продолжала скалиться. Давай потом, а? Дай мне сказать, что я хотел, ладно? Сара кивнула, все еще скаля зубы в застывшей улыбке, скрежеща зубами и играя желваками. Господи, с тобой что-то не то сегодня. Слушай, я знаю... ну... Гарри почесал голову, потер шею подбирая слова и краснея от смущения, отчего он опустил голову и глотнул еще кофе, потом при курил сигарету и начал снова. Я хотел сказать, ну, — он пожал плечами, ну... я знаю, я был не самым лучшим сыном на свете... О, Гарри, ты такой хороший — Нет, нет! Пожалуйста, мам, дай мне закончить. Я никогда не смогу этого сделать, если ты и дальше будешь меня перебивать. Он глубоко вздохнул, мне жаль, что я был такой скотиной. Он остановился. Вдохнул. Выдохнул. Вдохнул. Сара скалилась. Зубы поскрипывали. Я хотел бы все исправить. Я понимаю, что я не могу изменить то, что было, но я хочу, чтобы ты знала, я люблю тебя и сожалею о том, что делал раньше, и очень хотел бы все исправить. Гарри, это просто... — Я сам не знаю, почему я так себя вел. На самом деле, я не хотел. Просто так получалось, вот и все. Не знаю. Это, конечно, розовые слюни, но я правда люблю тебя, мам, и хочу, чтобы ты была счастлива, и поэтому купил тебе новый телевизор. Его доставят сюда через пару дней. Из «Мэйсиз». Сара снова радостно завизжала, и Гарри жестом успокоил ее, подняв руки, и она снова села на место, скалясь в не сходящей с лица улыбке, играя желваками и скрипя зубами, прямо-таки излучая счастье. О, Гарри, ты такой замечательный мальчик. Твой отец был бы счастлив, увидев, сколько ты делаешь для своей бедной одинокой матери. Я заключил с ними пятилетний договор на обслуживание после истечения гарантии. Гарантия на год и на пять. Не знаю, что к чему. Короче, времени достаточно. Это лучший телевизор, который там был. Самый лучший.

Ты видишь это, Сеймур? Видишь, какой славный у нас сын? Он знает, как нелегко приходится его одинокой матери, никто к ней не приходит, даже... — Э, ма, прекрати,

ладно? Не надо взваливать на меня тяжкий груз вины, хорошо? Глаза Сары распахнулись еще Шире, и она прижала руки к груди: да я бы никогда не поступила так со своим сыном. Никогда. Клянусь, я хочу для своего дорогого сына только самого лучшего, я совсем не хочу, чтобы он чувствовал себя виноватым за... — Хорошо, хорошо, мам, давай успокоимся, ладно? Я просто хотел подарить тебе телевизор и сказать, что очень сожалею о прошлом и хочу, чтобы ты была счастлива, лады? И Гарри, перегнувшись через стол, поцеловал свою мать впервые за черт знает сколько времени. Он не думал и не планировал, просто все вышло как-то само собой, как естественный финал разговора. Сара светилась и сияла, моргая, когда ее сын целовал ее, а потом обхватила его руками и поцеловала в ответ, и он еще раз обнял и поцеловал ее, и странное чувство пронзило его тело, похожее на кайф, но другое. Он не мог его определить, но это было хорошее чувство. Он посмотрел на сияющее лицо матери, и это чувство усилилось, протекая через него с необъяснимой силой и энергией, и он почувствовал себя как-то... да, думаю, именно так... единым целым, что ли. На короткий момент Гарри почувствовал себя единым целым, будто каждая его клеточка была гармонично связана со всеми остальными... словно он был большим цельным существом. *Цельным существом*. Это чувство жило в нем кратчайшую секунду, когда он сидел и смотрел, моргая, на мать, пытаясь осмыслить собственные действия и ощущения, после чего просочилось чувство озадаченности и он понял, что пытается что-то осознать, совершенно не представляя, что именно И зачем. О, Гарри, я так горжусь тобой, сынок. Я всегда знала, что ты преуспеешь, И теперь это происходит Гарри слышал ее слова, но его разум был слишком занят вопросом *осознания* чего-то. Потом медленно до него начало доходить. Он стоял, склонившись над матерью, целуя ее, когда вдруг услышал знакомый звук... Да, именно его он и пытался опознать, этот звук. Что же, черт побери, это могло быть??? Мы с твоим отцом так много говорили о тебе, и о том, как мы хотели, чтобы ты был счастлив — точно! Вот он, этот звук Он уставился на мать сначала недоуменно, не зная, что это могло бы значить, И вдруг все части головоломки встали на свои места, и Гарри почувствовал, как на его лице появляется выражение недоверия, удивления и смущения. Звук, который он слышал, был зубовным скрежетом. Он знал, что это не он скрежещет зубами, потому что был под кайфом, а не под скоростями, так что этот звук могла издавать только его мать. Несколько секунд, показавшихся ему бесконечными, его разум боролся с правдой, что он и делал все это время, с того момента, когда он вышел из такси, однако теперь подозрение подкреплялось фактами, и он продолжал моргать, оперившись на стол: эй, ма, ты что, на амфетаминах? Что? Ты на амфетаминах? Он невольно повысил голос. Ты на таблетках для похудения, да? Ты принимаешь декседрин. Сара была смущена и сбита с толку. Ни с того ни с сего поведение и голос ее сына резко изменились — он снова кричал на нее, произнося слова, которые она не понимала. Она посмотрела на Гарри и покачала головой. Да что происходит, а? Как ты смогла так быстро похудеть? Я же говорила, я хожу к доктору. Да уж. И к какому, если не секрет? Какому? Доктору? К диетологу. Блин, так я и знал. Ты сидишь на спидах, понимаешь? Гарри, с тобой все в порядке? Сара пожала недоуменно плечами и моргнула: я просто хожу на прием к врачу. Я не знаю, что такое спиды... Она покачала головой и снова пожала плечами: да что с тобой, Гарри, мы спокойно сидели и разговаривали, и вдруг... Что он дает тебе, ма? А? Он дает тебе таблетки? Конечно, он дает мне таблетки. Он же доктор. Доктора выписывают таблетки. Какие именно таблетки? Какие? Фиолетовые, красные, оранжевые и зеленые. Нет, нет, я имею ввиду *что* за таблетки? Плечи Сары поднялись выше ушей, что за таблетки? Я ведь уже сказала. И они

такие круглые и... плоские. Гарри закатил глаза и покачал головой: я спрашиваю, что в этих таблетках? Гарри, я Сара Голдфарб, а не доктор Эйнштейн. Откуда мне знать, что там в них? Он дает мне таблетки, и я принимаю их и Худею, так чего тут знать-то? Ладно, ладно, — Гарри ерзал в своем кресле, потирая шею, — так значит, ты не знаешь, что там в них? Откуда ты про них узнала? От кого? От миссис Скарлинни, от кого еще? А она узнала от своей дочери. Гарри кивал головой, все сходится. Розы Карлинни. А в чем дело? Она такая милая девушка, и у нее отличная фигура. Принимая такое количество скоростей, эта сучка, естественно, сильно похудела. Ее так трясет, что на ней ни одного лишнего грамма не останется. Гарри, ты начинаешь меня пугать. Слушай, ма, а от этих таблеток тебе случайно не становится так, знаешь, хорошо-хорошо, ты, вроде, говоришь немного больше обычного, хотя с твоими *yentas* это не так-то и просто, да? Сара кусала губы и кивала: ну, пожалуй, есть немного. Гарри снова закатил глаза. Немного. Господи, да я отсюда слышу как ты зубами скрипишь. Но это все проходит по ночам. По ночам? Когда я принимаю зелененькую. Тогда я засыпаю через тридцать минут. Пуф — и все. Гарри по-прежнему качал головой и закатывал глаза: слушай, мам, слушай, мам, ты должна завязать с этой дрянью. Это все плохо. Кто сказал, что это плохо? Я двадцать пять фунтов скинула. Двадцать пять. Тоже мне, большая радость. Да, большая. Да ты что, хочешь наркоманкой стать, что ли? Что значит наркоманкой? у меня что, пена изо рта идет, что ли? Он хороший доктор. у него даже внуки есть. Я у него фото на столе видела. Гарри шлепнул себя по лбу: ма, я серьезно тебе говорю, эти таблетки очень опасны. Ты должна прекратить их принимать. Да тебя ломать будет, черт побери. Ерунда. Я уже почти влезаю в свое красное платье, — лицо Сары смягчилось, — в котором я была на твоей бармицве. Которое так нравилось твоему отцу. Я помню, как он смотрел на меня, когда я была в этом платье и золотых туфлях. Это был единственный раз, когда он видел меня в красном платье. И потом он заболел и умер, и ты остался без отца, мой бедненький бубала, но хвала Господу, он видел твою бармицву, и — Далось тебе это красное платье. На кой черт — Меня в нем покажут по телевизору. ой, ты же не знаешь. Меня покажут по ящику. Мне позвонили и прислали анкету, и скоро меня покажут по телевизору. Да ладно тебе, мам, кто над тобой так пошутил? Какие еще шутки-мутки? Говорю тебе, я прошла отбор. Мне еще не сказали, какое именно это будет шоу, но когда я буду готова, они мне скажут. Вот увидишь, ты ещё будешь гордиться своей матерью, когда увидишь ее по телевизору в красном платье и золотых туфлях. А ты уверена, что это не розыгрыш? Розыгрыш, шмозыгрыш. Да у меня есть их официальная анкета. Там печать и все такое. Гарри кивал головой: хорошо, хорошо. Пусть официально. Пусть тебя покажут по телевизору. Все соседки за меня так рады. И ты должен быть счастлив. Да я счастлив, мам, счастлив. Смотри, я улыбаюсь. Только какое отношение это имеет к тому, что ты принимаешь эти чертовы таблетки? Красное платье село, — ухмыльнулась Сара и хихикнула, — и оно мне слегка жмет, вот я и худею, а ты что думал? Но мам, эти таблетки очень вредны. Вредны? Это почему же? Я же их у доктора взяла. Да знаю я, мам, знаю. А откуда ты знаешь такие вещи? Почему ты считаешь, что знаешь о лекарствах больше, чем доктор? Гарри вздохнул: поверь, мама, я знаю. Только это не лекарства. Это просто таблетки для похудения. Просто таблетки для похудения. Таблетки. Да эти таблетки уже помогли мне скинуть двадцать пять фунтов, и это не конец. Но, мама, ты не должна принимать это дерьмо для того, чтобы похудеть. Сара была обижена и озадачена: да в чем дело, Гарри? Почему ты так, о мной разговариваешь? Я всего лишь хочу влезть в свое красное платье. Платье, которое я надевала на твою бармицву, Твой отец любил это платье, Гарри. Я снова

его надену. Я надену это платье, и меня покажут по телевизору. Ты будешь мной гордиться, Гарри. Но ма, почему тебе так хочется попасть в телевизор? Господи, да эти таблетки тебя прикончат еще до того, как ты сможешь надеть это платье. Почему? А есть ли у тебя знакомые, которых показывали по телевизору? Ну кого? Во всем нашем районе? Гарри почувствовал, что дрожит. Хотя бы кому такое предлагали? Знаешь, кому предложили, Гарри? Знаешь, кто был единственным человеком, которому предложили? Сара Голдфарб, вот кто. Единственный человек во всей округе, кому это предложили. Ты приехал на такси, — Гарри кивал головой: да, на такси, — ты видел, кто сидел на самом солнечном месте? Ты заметил, что твоя мать сидит на особенном месте, где лучше всего загорать? Гарри кивал головой и дрожал. Знаешь, с кем все любят поговорить? Знаешь, кто теперь не просто одинокая вдова, живущая в маленькой квартирке? Теперь я стала персоной, Гарри. Видишь, какие красивые у меня волосы. Гарри быстро заморгал и пробормотал что то вроде «охренеть» себе под нос. Ее волосы были покрашены в ярко-рыжий цвет, а он даже не заметил. Он уже ничего не понимал, но догадался, что ее волосы раньше были другого цвета, вот только он не мог вспомнить, какого именно. Угадай, сколько женщин собрались перекрасить волосы в рыжий цвет? Давай, угадай, попробуй. Мама, ну что еще за загадки? Шесть! Шесть женщин. Раньше, если я красила волосы в рыжий, разные люди, детишки, может, и сплетничали, но сейчас все знают, даже малыши, что меня покажут по телевизору, и им нравятся мои волосы, им нравлюсь я. Я всем нравлюсь. Скоро миллионы людей увидят и полюбят меня. И я им расскажу о тебе и о твоём отце. Я расскажу им, что твоему отцу очень нравилось это красное платье, и что он устроил большое гулянье на твою бармицву. Помнишь? Гарри кивнул, чувствуя себя вымотанным, словно побитым. Он не знал, что именно грызло его изнутри, но чувствовал, что это что-то, с чем он не сможет мириться, и он не мог не только совладать с этим чувством, но и даже просто постичь его. Он никогда не видел мать такой живой, такой вовлеченной в жизнь. Он видел такое радостное и возбужденное лицо только у старых торчков в миг, когда те узнают, что у барыги появилось отличное дерьмо, а у него как раз хватает денег замутить себе дозу. В глазах его матери горел огонь, когда она говорила о телевидении и своем красном платье, которое он даже не мог вспомнить. Наверное, он был тогда совсем маленький, но он ничего такого не помнил. В ее поведении было что-то настолько властное, что он был просто подавлен, и любое сопротивление, любая попытка переубедить ее казались невозможными. Он просто пассивно сидел и слушал свою мать, отчасти сконфуженный, отчасти счастливый оттого, что она счастлива. И кто знает, что я смогу выиграть? Новый холодильник?? А может, «роллс-ройс». Или Роберта Редфорда. Роберта Редфорда? А причем тут Роберт Редфорд? Гарри просто моргал и качал головой, изумленный, подчинившись той лавине. Сара смотрела на своего единственного сына с очень серьезным выражением лица, приклеенная улыбка и скрип зубов куда-то исчезли, на их место пришла смягчающая ее голос и взгляд мольба: дело не в призах, Гарри. Мне все равно, выиграю я или проиграю, или просто пожму руку ведущему, у меня есть теперь стимул подниматься по утрам с кровати. Стимул похудеть, чтобы стать здоровой. Стимул, чтобы влезть в красное платье. И просто улыбаться. Этот волшебный стимул делает каждый новый день сносным. Сара наклонилась ближе к своему сыну: что у меня есть, Гарри? Зачем мне вообще заправлять постель или посуду? Я, конечно, это делаю, но зачем это мне? Я одинока. Сеймур оставил меня, ты тоже — Гарри хотел было возразить, но его рот так и остался открытым в изумлении — У меня нет никого, о ком я могла бы заботиться. Ада вот волосы красит. Всем. Кому угодно. А что есть у меня? Я

одинок, Гарри. Я старая. Гарри был очень тронут и взволнован, голова его тряслась, глаза быстро моргали, руки сцеплены на коленях, голос дрожит: у тебя ведь есть друзья, так что... — Это не то. Каждому нужен человек, для кого хотелось бы *стараться*. Зачем мне ходить по магазинам, если мне даже готовить не для кого? Я покупаю луковицу, морковку, иногда цыпленка, — Сара пожала плечами, — не стану же я делать ростбиф для себя? Или что-нибудь... что-нибудь особенное? Нет, Гарри, мне нравится, как я себя сейчас ощущаю. Мне нравится думать о красном платье и телевидении... и о твоём отце и о тебе. Теперь, когда я загораю, я улыбаюсь. Я буду приезжать, мам. Теперь, когда я исправился и мой бизнес развивается, я буду приезжать почаще. Вместе с Мэрион, — Сара покачала головой и улыбнулась, — не, я серьёзно, мам. Клянусь. Мы приедем к тебе на ужин. Скоро. Сара качала головой и улыбалась своему единственному сыну, изо всех сил пытаясь поверить его словам. Хорошо, приезжайте вместе, я приготовлю твой любимый борщ и фаршированную рыбу. Здорово, мам. Я тебе позвоню заранее, ладно? Сара кивнула: хорошо. Я рада. Я рада, что у тебя хорошая девушка и хорошая работа. Я очень рада. Мы с отцом всегда хотели для тебя только лучшего. Я смотрю телевизор, и у всех фильмов всегда хороший конец.

Обязательно. Сара поднялась и обняла сына, крепче прижав его к себе, и слезы мягко ласкали ее щеки: я рада, Гарри, что у тебя кто-то есть, что вы вместе. Ты должен быть здоров и счастлив. И еще — чтобы у вас были дети. Много детей. Не заводите одного. Это плохо. Пусть у вас будет много малышей. Они подарят тебе счастье. Гарри изо всех сил сдерживался, обнимая мать, сдерживался, чтобы не вырваться и не убежать, цепляясь за нее с каким-то отчаянием, непонятно откуда взявшимся, что-то побуждало его стоять вот так, крепко обнявшись со своей матерью, долго-долго, словно это был невероятно важный момент в его жизни. Ему было жарко и неудобно, но он продолжал так стоять, словно против воли. В конце концов, когда ему стало казаться, что он вот-вот рассыплется на молекулы, его мать слегка отстранилась и посмотрела ему в лицо, улыбаясь: смотри, вот я и расплакалась. Я плачу от счастья. Гарри с трудом выдавил из себя подобие улыбки: я рад, что ты счастлива, мам. Я правда очень люблю тебя. И мне очень, жаль — Сара отмахнулась от его извинений, хватит, хватит — Нет, я правда очень сожалею. Но мне пора бежать, ма. А ты просто будь счастлива. Не беспокойся обо мне. Я привыкла к одиночеству. Несколько секунд они молча стояли и смотрели друг на друга, улыбаясь, Гарри подумал, что сейчас его лицо просто треснет, и пошевелился, чтобы взглянуть на свои часы мне надо идти, мам. У меня встреча в центре буквально вот-вот. Но я вернусь. Хорошо. Я все сделаю для тебя. У тебя остался ключ-то? Да, вот он, мам, и он показал ей связку ключей. Мне надо торопиться. Я уже опаздываю. До свидания, сынок, — Сара снова обняла и поцеловала его, и Гарри ушел. Сара стояла и несколько минут, долгих минут, смотрела на дверь, совсем не ощущая времени, затем налила себе еще чашку кофе, села за стол и погрузилась в печаль. Она вспоминала Гарри маленьким мальчиком с толстенькими ножками и щечками, которого она тепло одевала и укутывала в три одеяла, выводя его на улицу в холодную погоду, как он начал ходить, как ему нравилось кататься с горки и на качелях, и тут кофе снова разогрел ее накачанную препаратами кровь, и ее сердце забилось быстрее, и она снова заскрежетала зубами, сжимая челюсти, и ее снова охватило восторженное настроение, и она снова стала думать о красном платье и о том, как она похудела, и о телевидении — *zophiticzophitic* — и ее лицо снова растянуло широкая улыбка. Она решила допить оставшийся в кофейнике кофе и выйти на улицу, рассказать, как хорошо у ее Гарри идут дела, о его бизнесе и о невесте, и от том, что скоро она станет бабушкой. Это была счастливая концовка.

Гарри уехал от матери в замешательстве и изумлении. Он осознавал, что бы не просто смущен и расстроен. Ему и раньше было непросто находиться рядом с матерью, она, казалось, знала, на какие именно кнопки нужно давить, чтобы припереть его к стенке, однако на этот раз ситуация оказалась неожиданной и другой, и он понятия не имел, что именно это могло быть. В этот раз ему не хотелось срываться на нее, скорее, хотелось заползти в себя, как в раковину, и спрятаться там. Хотя, возможно, ему всегда хотелось именно этого. Он не знал. Черт! Все это было чертовски стремно. Рыжие волосы. Красное платье. Телевидение. Все это казалось бредом, однако в то же время закрадывалось чувство, что, мол, все к лучшему. Может, потому, что мать была счастлива. Он никогда об этом не задумывался. Просто ему всегда было тоскливо находиться с ней рядом. Однако сегодня она была абсолютно точно под кайфом. точно, на этих чертовых таблетках. Господи, да он понятия не имел, что ему в таком случае делать. Его старушка мать на стимуляторах, красит волосы в красный цвет!.. Гарри помотал головой, пытаясь отогнать хлынувшие в сознание мысли и образы, только усиливающие его замешательство и растерянность. Он не знал, что происходит с его матерью, однако знал точно, что нужно ему. Укол. Вот именно. Маленький укольчик, и все будет нормально.

Тайрону каким-то образом в течение многих недель удавалось доставать порошок высочайшего качества, который они могли разбавлять один к четырем, и все равно он оставался убойным. Их ячейка в банке постоянно пополнялась, и они вынюхивали, где можно купить фунт чистого героина. Им приходилось быть очень осторожными, чтобы их не кинули на деньги. Похоже, на улицах появились новые барыги, и они искали с ними контакт, потому что именно они продавали офигенный динамит. Пока что им не удалось выйти на Гарри и Тайрона, но они были близки цели, очень близки. А так все шло отлично. Они, "давали героин на продажу уличным дилерам и просто расслабленно ждали, когда те его продадут, так что бизнес крутился сам по себе. Спрос был постоянный. Определенно это был обширный рынок, и им просто надо было найти правильных людей. они поняли, что волноваться им не о чем, и стали влезать в свой товар чаще. Им не нужно было теперь искать себе дозу, ведь у них были связи, и это перестало быть трудной задачей. Они знали, что могут соскочить в любой момент. Если им, конечно этого захочется.

Прошло еще две недели, от телевизионщиков по прежнему было ни слуху ни духу, однако до сегодняшнего дня это Сару не беспокоило. Сегодня она проснулась и снова надела красное платье, и на этот раз молния на спине застегнулась полностью. Последние несколько дюймов, правда, пришлось попотеть, но тем не менее теперь оно застегивалось. Скоро она сможет носить его не задыхаясь. И вот тогда-то ее стало беспокоить молчание По-поводу названия шоу, в котором она должна была принять участие, и по поводу времени эфира. Если бы ей сообщили хотя бы название, то она могла посмотреть его по телевизору, чтобы подготовиться, рассказать подругам, а может, и пригласить их к себе посмотреть шоу вместе по этому прекрасному новому телевизору, который ей купил Гарри, ведь у него теперь так хорошо идут дела, у него собственный бизнес, и ей хотелось, чтобы он пришел вместе со своей невестой на ужин, и тогда она приготовит борщ и фаршированную рыбу, которую так любит Гарри, его отец тоже очень ее любил, всегда причмокивал губами и просил добавки... Сара вздохнула... Гарри вот позвонил недавно, поинтересовался, как она

себя чувствует и сказал, что скоро заедет, но так и не появился, потому что у него слишком много дел. Ну разве трудно было заехать? Хотя бы на полчаса? Ма, ну я же сказал, у меня тут дел по горло. Нужно ковать железо, пока горячо. Но я же твоя мать. Можно, наверное, выкроить время и заехать? Что же я такого сделала, Гарри, что ты не хочешь меня видеть? Господи, да о чем ты? Все нормально. Ты мог заехать ко мне со своей невестой, чтобы я обняла и поцеловала ее. Тебе надо завязывать с этими таблетками. Ты становишься еще невыносимее, чем раньше. Ты считаешь меня сумасшедшей? Я разве сказал, что ты сумасшедшая? Мама, расслабься и перестань играть со мной в эти дурацкие игры. Игры? Какие игры? Просто успокойся, ладно? Я позвонил, чтобы сказал, что я люблю тебя и что скоро к тебе заеду, а ты начинаешь на меня давить, а мне это на фиг не нужно, понятно? Понятно, понятно. Я не знаю, что именно тебе не нужно, но все равно понятно. Наверное, я тебе вообще не нужна, но все нормально. Гарри глубоко вздохнул и покачал головой, изо всех сил сжав трубку и благодаря Бога, за то, что он дал ему ума сделать укол, перед тем как позвонить ей. Слушай, мам, я не хочу тебя расстраивать, слышишь? Я люблю тебя и скоро к тебе приеду. Пока. До свидания, Гарри. Он повесил трубку, и она, пожав плечами, налила себе еще кофе, садясь за стол в ожидании нового эйфорического прихода от своих разгоняемых кофеином таблеток для похудения, и вскоре она снова скрежетала зубами и скалилась, и играла желваками, собираясь на улицу, к соседкам, погреться на солнышке. А если люди с телевидения так и не позвонят ей до понедельника, тогда она позвонит им сама.

Гарри и Мэрион делали по два укола в день, курили много травы и иногда догонялись дексом. Они по-прежнему разглядывали наброски кофейни, сделанные Мэрион, но уже с меньшим воодушевлением. Как-то так получалось, что у них для этого не находилось времени, хотя большую часть суток они просто валялись на диване ничего не делая и строя смутные планы на будущее, наслаждаясь ощущением того, что все и всегда будет хорошо, как сейчас. А когда Гарри оставит бизнес, настаивала Мэрион, они *не будут* жить в пригороде, и они *не станут* жить в доме с белым заборчиком и устраивать по воскресеньям барбекю, и они *не* — эй, подожди-ка секундочку, а что же нам тогда остается? Он схватил ее за грудь, и, обняв свободной рукой, поцеловал в шею, а она оттолкнула его и опустила плечи, чтобы прикрыть горло: не надо, перестань, щекотно. Ясно, значит и щекотать тебя мы тоже не будем. Что там еще? У нас не будет «кадиллака», И мы не будем ездить на Пасху к родственникам, кстати, мы сами не будем праздновать Пасху, и у нас даже не будет дома коробки с мацой. Гарри, закатывая глаза, считал очередное не, но у нас будет прекрасная квартира в западной части Вилледжа, и мы будем иногда выпивать в местном баре, и мы будем покупать продукты на Бликерстрит, и у нас всегда будет на кухне хороший сыр и все, что мы захотим. Гарри поднял бровь: *все*, что захотим? Не волнуйся, Гарри, у нас будет возможность иметь все, что мы захотим. Он улыбнулся и прижал ее к себе: все, что я хочу, у меня в руках, и, поцеловав ее, он погладил ее попку, — у тебя есть все, что я хочу. Мэрион обхватила руками его шею, о, Гарри, я люблю тебя. С тобой я начинаю чувствовать себя личностью, будто я это я, и я прекрасна. Ты и так прекрасна. Ты самая красивая женщина в мире. Ты моя мечта.

Как обычно, Сара начала свой день с фиолетовой таблетки и кофе, но по какой-то причине все вдруг стало не так, как раньше. То есть она по-прежнему худела, и ее красное платье застегивалось почти без усилий, но все же чего то не хватало, даже после кофе. Теперь она чувствовала себя не так, как в самом начале, когда стала принимать таблетки. Как будто из них что-то убрали. Может быть, там что-то перепутали и выдали ей другие? А

может, ей надо переходить на более сильные? Она позвонила доктору и поговорила с медсестрой, не один, а несколько раз спросив ее, точно ли та не перепутала таблетки. Нет, уверяю вас, миссис Голдфарб. Это те же самые таблетки. Но, может быть, вы дали мне какие-то другие, поменьше? Нет, эффективность У них одинаковая. И у фиолетовых, и у красных и так далее. Но кое-что изменилось. Вы просто привыкли к ним. Поначалу возможна сильная реакция на них, а потом, через некоторое время она постепенно сглаживается, и вам просто не хочется есть. Не о чем беспокоиться, миссис Голдфарб. Вы имеете в виду? Простите, у меня звонит другой телефон, мне нужно ответить. Сара несколько секунд смотрела на трубку. Раздались гудки. Может, она и права. Я не ем — *zophiticzophitic* — и платье застегивается. Она вздохнула: худейхудей. Она машинально заварила еще один кофейник, глядя на свою кружку с чаем, и выпила его, расхаживая по дому, перед тем, как надеть свитер и выйти на улицу к соседкам. Теперь по утрам и вечерам стало гораздо прохладнее, однако они все равно продолжали сидеть днем на солнышке. Она поставила свой стул на обычное место, посидела, потом встала, но на этот раз без своей обычной радости и энтузиазма. Садись, садись. Что ты все время вертишься юлой? Я сейчас сяду. Просто У меня сегодня какое-то прыгучее настроение. Сегодня прыгучее настроение? Как будто ты вчера сидела спокойно. Сара, ты уже несколько недель ведешь себя как девчонка, думая о Роберте Редфорде, засмеялись женщины. Тебе надо успокоиться. Скоро тебя покажут по телевизору, так что нечего твист выплясывать, и снова смешки. Жду не дожусь. Думаю, письмо придет сегодня, и тогда я смогу расслабиться, узнав название шоу и когда оно будет. Сара пожала плечами, — кто знает. Красное платье теперь застегивается, — Сара ходила маленькими кругами, потом вышла на тротуар, глядя налево и направо, но не концентрируясь на том, что видела, потом снова возвращалась к женщинам, ненадолго присаживалась, вскакивала, ходила расширяющимися кругами, — но мне еще надо поработать над прической. Завтра мы тебя пострижем, и будешь ты красивая, как Рита Хейворт. Сара встала в позу, рука на бедре, *zojlttic*, и женщины рассмеялись. Сара снова посмотрела по сторонам, сегодня должны принести. Я знаю, сегодня тот самый день. Она наблюдала за идущим по улице почтальоном, а он просто кивнул и зашел в подъезд. Сара последовала за ним, наблюдая, как он раскладывает почту по ящикам, и в упор разглядывая свой, опять пустой, пока он не ушел, а потом пошла к себе в квартиру. На автомате она сварила еще кофе, достала таблетку, которую принимала перед ужином, и села за стол смотреть телевизор, который ей подарил Гарри. Время от времени она поглядывала на часы. Когда было около трех, ей показалось, что подошло время ужинать. Она выпила оранжевую таблетку и запила ее кофе. Потом заварила еще один кофейник Села. Подумала. О телевидении. О шоу. О своем самочувствии. Что-то было не так. У нее болела челюсть. У нее во рту был какой-то странный привкус. Она не могла определить, какой именно. Как будто она жевала старые носки. Сухость. Мерзость. И еще живот. О, живот. Как будто там что-то двигалось. Словно там был голос, говоривший: берегись, БЕРЕГИСЬ!! Они тебя достанут. Она посмотрела через плечо. Никого. Ничего. БЕРЕГИСЬ!!! Кто достанет? Кого? Голо продолжил грохотать у нее в животе. Перед тем, как это началось, она выпила еще кофе и приняла таблетку и голос исчез, а теперь он там. Все время. И еще этот привкус во рту, как старый клейстер, раньше он исчезал или не беспокоил ее. А сейчас — ф-фу. И эта постоянная дрожь в руках и ногах. Как будто что-то ползает под кожей. Если бы она знала, какое именно шоу, тогда она бы мигом успокоилась. Вот что было нужно. Знать. Она допила кофе, пытаясь вернуть прежние ощущения в свое тело и голову... однако безуспешно.

Клейстер и старые носки во рту. Какая-то возня под кожей. Голос в животе. БЕРЕГИСЬ!! Она смотрела в телевизор, упиваясь сериалом, и вдруг: БЕРЕГИСЬ!!! Новая чашка, и он почувствовала себя еще хуже. Ее зубы, казалось, сейчас затрещат. Она позвонила в «Макдик Корп.» и спросила Лайла Рассела. Кого? Лайла Рассела. Простите, но его имени нет в списке сотрудников. А в чем дело? В телевидении. Каком телевидении? Не знаю. Но хочу узнать. Одну минуту. Оператор принимала другой звонок, и Сара внимательно слушала тишину. Какое вы говорите шоу? Я не знаю, куколка. Он позвонил мне и сказал, что я буду в шоу, и — Минуточку. Сейчас я соединю вас с дирекцией программ. Сара подождала, и наконец голос спросил: могу я вам чем-нибудь помочь? Мне нужен Лайл Рассел. Лайл Рассел? Я не уверен, что у нас есть сотрудник с таким именем. Вы уверены, что звоните по правильному номеру? Меня оператор соединил. А в связи с чем? Он должен был утвердить меня в шоу. Шоу? Каком шоу? — БЕРЕГИСЬ! — Сара почувствовала, как у нее по бокам течет холодный пот. Я не знаю. Вообще-то он мне должен был сказать об этом. Боюсь, я не понимаю, — в голосе слышалось явное раздражение, — если вы не можете мне сказать — Он позвонил мне и сказал, что я буду одной из участниц, и присылать мне бумаги. Я послала их обратно около месяца назад, и все еще не получила никакого ответа — А, понятно. Подождите секунду. Я соединю вас с нужным отделом. Она щелкала кнопками снова и снова и кликала, да сколько можно, а та все щелкала, пока Сара, приникнув к трубке, вытирала пот с лица: чем могу вам помочь? Переведите, пожалуйста, меня в отдел отбора участников. Минуточку. И снова Сара слушала звуки переключаемых телефонов, закатывая глаза, ее беспокойство и потливость все усиливаются, а ее рот, казалось, накрепко склеен старым клейстером. Чем могу вам помочь? Сара не могла вымолвить ни слова. Алло? Пот жег ей глаза, и когда она, наконец, разлепила губы, волна ужаса пробежала по ее телу. Она спросила Лайла Рассела, дрожа в ожидании ответа. Кого? Сара вжалась в кресло. Ей казалось, что она вот-вот провалится сквозь него. Ей показалось, что она умирает, и ...БЕРЕГИСЬ! — она раскачивалась из стороны в сторону глядя по сторонам, когда повторила имя. А вы уверены, что набрали правильный номер? Меня перенаправили к вам. Агония была невыносимой. Если бы только она могла сделать себе еще чашечку кофе. Усилием воли она разлепила губы и повторила свою историю голосу на другом конце провода, и — Да-да. Наконец-то! Наконец-то! Взаимопонимание. Сара едва не растаяла от облегчения. Наверное, это был один из наших работников. У нас их так много, вы знаете. Чем могу помочь? Я хотела узнать, какое это будет шоу и когда я могла бы — Могу ли я узнать ваше имя и адрес? Сара медленно и четко продиктовала свои имя и адрес, *shiksa* на другом конце провода плохо понимала по-английски. В конце концов ее данные были записаны. Я все проверю, миссис Голдфарб, и мы с вами свяжемся. Спасибо за звонок. Пип. Сара еще какое-то время говорила в плачущую трубку, когда щелчок разъединения уплыл, смешавшись со звуками работающего телевизора. Она смотрела на телефон, пот на вкус был почти как слезы. Они со мной свяжутся, они — БЕРЕГИСЬ!!!

Тайрон засмеялся: слава Господу, никто меня не грузит этими материнскими комплексами, друган. Вы, бледные, слишком сильно паритесь по этому поводу. Да уж, это не шутки. Я не знаю, в чем фигня, но я пытаюсь исправить отношения с матерью, но... Гарри пожал плечами: она постоянно грузит меня этим еврейско-материнским дерьмом. Чиерт, да евреи тут не при чем, вы, бледные, все такие. Вы, что, ребята, не врубаетесь, да? Матери норовят прочно поселиться у тебя в башке. Но они не бьют себя в грудь, не-а. Они вместо этого лупят тебя по жопе. Знаешь, мне иногда кажется, что без матерей было бы лучше.

Может, Фрейд был прав. Не знаю, чувак. Моя мать умерла, когда мне было восемь лет, но я помню, она была крутой теткой. У нее нас было семеро, чувак, и она была типа этих негритянских мамаш, которых показывают по телеку, такая большая и все время поет и улыбается. У нее была вот такая здоровенная грудь, и, когда она меня обнимала, я чувствовал себя как у Христа за пазухой, и там так здорово пахло. Семь детей, чувак, и она никогда никого не шлепнула. Она просто любила нас... и все любили ее. И она постоянно пела, как заведенная. И днем и ночью она пела эти госпелы, так что мы верили, что небеса буквально за углом. Знаешь, она пела, и я чувствовал себя офигенно, как под героином. Лтпрри засмеялся. Типичная Махалия Джексон, да? О, она была что-то с чем-то, братуха. Да, наверное в моем доме было круто, когда я был пацаном. Моя мама была жива и все казалось суперским. Типа, поездки всякие и все такое, и постоянное веселье. Потом мама умерла и... Тайрон пожал плечами... А что с твоим отцом? Бля, да он свалил еще задолго до того. Наверное, он еще жив, занимается своими делами. Когда мама умерла, нас всех раскидали по разным людям. Я переехал к моей тетке в Гарлем, и мы там жили какое-то время. Она сестра твоей матери? Да, но она была вообще другая. Но хорошая. Она не пела и частенько лупила нас по задницам, но она всегда заботилась о том, чтобы каждый из нас получил по сахарной сиське, когда приходил из школы. Сахарная сиська? Это что еще за хрень? Что это? Ты хочешь сказать, ты не знаешь, что такое сахарная сиська? Я знаю, что такое сладкая киска, чувак, но сахарная сиська меня просто выставляет. Они расхохотались, и Тайрон покачал головой: сахарная сиська — это масло с сахаром в сырном конусе, и ты сосешь его как сиську. А, так вот значит как это называется. Да уж, ты абсолютно необразованный сукин сын... Она была хорошей женщиной, моя тетя... Только мать была другая, совсем другая. Глаза Гарри были закрыты, и он, откинувшись назад, вспоминал, как его мать в детстве всегда заслоняла его от холодного зимнего ветра. И какой теплой она была, когда он возвращался домой, как она согревала ладонями его замерзшие уши и щеки, и как его всегда дожидалась горячая тарелка супа... Да, думаю моя старушка тоже была по-своему классной. Наверное стремно вот так вот быть совсем одному. Гарри Голдфарб и Тайрон Си Лав сидели, расслабившись, в своих креслах, прикрыв глаза и ощущая теплоту воспоминаний и путешествующего в их крови героя, готовясь к еще одной рабочей ночи.

Тайрон обожал шелковые рубашки. Черт, ему ужасно нравилось мягкое ощущение гладкости, прямо как задница его подружки, а она потрясающая киска, брат, ну, я имею в виду, очень приятная на ощупь. У него в шкафу висела пара дюжин таких рубашек разных фасонов и цветов, практически всех цветов радуги. Ему нравилось гладить свои рубашки так же, как гладить Элис, и частенько он стоял перед шкафом, трогая свои красивые шелковые рубашки. Черт, он обожал даже этот шкаф-купе с двумя огромными дверями и зеркалами. Иногда он мог просто стоять и открывать и закрывать дверцы просто так, ради прикола. Ты что делаешь, милый? Почему бы тебе не вернуться в постельку? Блин, да у нас куча времени для этого, детка, я нашел себе отличную игрушку, которая мне очень нравится. Помню, когда я был маленьким, я посмотрел киношку, и там у чувака был такой огромный шкаф, типа этого, с раздвижными зеркальными дверями, и вся эта хреновина была забита костюмами, а за ними был секретный ход. Это было круто. А зачем ему был нужен секретный ход? Не помню. Помню только шкаф. Тайрон закрыл дверцы шкафа, посмотрел в зеркало, увидел позади свою красотку и улыбнулся ей. Когда Тайрон пришел смотреть эту квартиру, он просто влюбился в шкафы в спальне, и тут же принял решение снять ее. Двери шкафа были шириной десять футов и полностью зеркальные. Это было первое, что показал ему

посредник. Сами шкафы были примерно двенадцать футов в высоту. Оба. Друг напротив друга. Ставишь кровать между ними, и получается отличное шоу, детка, и он засмеялся и ткнул Тайрона в зеркале пальцем, хахахаха. Тайрон стоял посреди комнаты, голый, и гладил живот, да сэр, меня зовут Тайрон Си Лав, и я такой, какой есть, и Элис захихикала, когда он прыгнул, дурачась, в кровать. Нс делай так больше, Тайрон, ты меня пугаешь до смерти. О, моя маленькая мамочка, я не хочу твоей смерти, он стал мягко массировать ее плечи и шею, я вообще не хочу никого пугать, особенно самую красивую лисичку, которая проживает на этой планете, и Элис начала постанывать, когда он целовал ее шею, потом прижалась к нему, когда он начал целовать ее горло, затем грудь, поглаживая ее бедра, и она схватила его голову, и целовала его, целовала его, целовала и прижималась к нему и стонала и Вздыхала, когда Тайрон Си Лав делал ей так хорошо, а когда он кончил, упав на спину, она вся подрагивала еще секунду и, ооооооо, потом перевернулась на бок и целовала и обнимала его, пока они не успокоились, мирно лежа в объятьях друг друга: Тайрон на боку, Элис, его девочка, тоже на боку, тепло дыша в его плечо, — оба чувствовали умиротворение, которого никогда прежде не испытывали, даже с помощью героина. Иногда Тайрон приоткрывал глаза, чтобы удостовериться в реальности происходящего, что он действительно лежит в этой постели, в этой комнате, с этой девочкой, а потом он вздыхал тихонько, чувствуя ее тепло и гладкую кожу, и умиление разливалось у него внутри. Он слегка повернул голову в сторону и поцеловал свою Элис в лоб, погладив ее по голове: ты и вправду здесь, — и она прижалась к нему еще сильнее, и он чувствовал ее дыхание на своей руке, и каким-то образом знал, что ее жизнь теперь стала частью его жизни, и ему хотелось быть с нею и заботиться о ней. Ему хотелось держать ее в своих руках, такую прелестную, и защищать ее, и все у них будет клево, и они будут смеяться и отрываться, и у них никогда не будет напрягов.

Медовый месяц кончился. Динамит кончился. Броуди сказал, что не знает, что именно случилось, по, возможно, это имеет отношение к тем парням, которых нашли в мусорных ящиках. Ты имеешь в виду тех бедняг с перерезанными глотками и приколотыми записками «очистим наш город от грязи»? Ага, Броуди покачал головой и они оба засмеялись. Чиерт, детка, на самом деле нет ничего смешного, что они обосрали такую мазу с этим динамитом. Броуди продолжал кивать, точно, братишка, только я-то слышал совсем другое, мол, они не на тех людей наехали. Они по-наглому стырили пару килограммов у братьев Джефферсонов и хотели скоренько скинуть его на улицах. И Джефферсоны их спалили? Броуди усмехнулся: ну а кто еще мог это сделать? Никто не наезжает на братьев Джефферсонов безнаказанно, детка. Тайрон почесал голову, ну а это дерьмо как? Как раньше? Этот героин нельзя разбавлять больше чем один к двум, если хочешь делать нормальные чеки. Тайрон просто пожал плечами, забрал порошок и отвез его к себе на квартиру, где его дожидался Гарри. Прежде чем начать расфасовку, они, как обычно, насыпали немного героина в ложку и сделали себе по дозе. Прогнав весь героин до последней капли, они посмотрели друг на друга в ожидании прихода. Однако прихода не было. Был какой-то намек на приход, но ничего близкого к нормальному кайфу. Чиерт, этот пидор не шутил, говоря, что дерьмо не динамит. Это точно. Нам надо бы сварить еще. Меня с этого вообще не торкнуло. На этот раз они насыпали в ложку порошка как следует и снова поставились. На этот раз дела пошли

получше, хотя и не намного. Они снова посмотрели друг на друга и пожали плечами. Зато сколько денег мы сэкономим на молочном сахаре, — засмеялся Гарри, и Тайрон хихикнул. У нас По-любому все нормально получается. Деньги будут.

После того как они поставились, у них осталось гораздо меньше на продажу. Разве что отбить вложенные деньги, однако это их не волновало, ведь у них была заначка, и скоро они смогут снова зашибить динамиту, разобраться с мелочевкой и купить фунт чистого.

Теперь Сара легко влезала в свое красное платье, однако она до сих пор не знала, в каком именно шоу будет участвовать. Она звонила на студию два раза в неделю, но постоянно получала один и тот же ответ: мы занимаемся вашей анкетой, вам дадут знать. И сейчас, когда она снова позвонила и оставила сообщение, секретарша с улыбкой кивнула на телефон: это снова она, да? Девушка кивнула и крепко сжала губы, чтобы не рассмеяться. Повесив трубку, Сара всегда подолгу смотрела на телефон, потом шла на кухню сварить еще кофе. Она экономила деньги на еде, но тратила почти все на кофе. А кофе сегодня стоит столько, что ого-го. Несколько раз она пыталась снова переключиться на чай, но почему-то каждый раз ощущала в животе какое-то тоскливое чувство, дикую нервозность, которая уходила только после того, как она выпивала кофе. И хотя кофе теперь тоже не полностью удовлетворял ее, но все же в большей степени, чем чай. Она постоянно чувствовала какое-то беспокойство, что само по себе было неприятно, но еще хуже, что она не понимала его причины. Что-то было не так, но она не знала, что именно.

Все время она чувствовала себя так, словно вот-вот должно произойти что-то очень плохое. А иногда ей просто хотелось плакать. И не как раньше, когда она вспоминала Сеймура или Гарри, ее мальчика, чувствуя полное одиночество. Теперь она могла просто сидеть и смотреть телевизор и внезапно начать плакать — БЕРЕГИСЬ! — ее сердце переворачивалось, застревая в горле, — а она не знала почему. Когда она снова звонила на телевидение, ей очень хотелось расплакаться. Ей хотелось сказать этой девушке, насколько важно для нее участие в шоу, но в голове у нее все спуталось. Если бы она хотя бы сказала ей названия шоу, для которых они набирали людей, она бы немного успокоилась, однако девушка сказала, что это конфиденциальная информация, и, прикрыв трубку ладонью, захихикала, подмигнув сидевшей за соседним столом подруге. Сара попыталась посмотреть как можно больше различных шоу «вопрос-ответ», но не могла долго усидеть на месте, чтобы втянуться происходящее на экране, и представить себя там, в телевизоре, на подиуме. Пару раз ей удалось представить себя встающей и идущей в центр из дальнего угла студии, но, казалось, вся ее энергия уходила на то, чтобы удержать в голове красное платье и золотые туфли, так что остальной образ бледнел и расплывался практически немедленно, и все заканчивалось тем, что она просто сидела в своем кресле и смотрела вперед с отсутствующим видом. В шоу ее не было. Она пыталась высидеть всю передачу целиком, но не могла. Она вставала и наливала себе еще кофе или стояла над плитой, заваривая еще один кофейник, думая о том, что если она будет принимать еще больше таблеток, то ей станет лучше. Она начала принимать фиолетовые, красные и оранжевые таблетки за один раз по утрам, и на какое-то время ей полегчало. Она быстро убирала квартиру и была готова выйти на улицу позагорать, однако уже к обеду ее снова начинало крутить и — БЕРЕГИСЬ! — ей казалось, что ее вот-вот собьет машина, вылетев на тротуар с проезжей части; или что-то упадет с крыши ей на голову, или... она не знала точно, что это будет, но наверняка что-то ужасное. Она не могла спокойно сидеть. Она вскакивала, и женщины начинали подшучивать

над ней: Сара — Муравьи-в-штанах, — и она ходила, представляя себя стройной и *zophitic*, и с трудом заставляла себя сидеть на месте, подсакивая в кресле, когда время от времени Ада подкрашивала ей волосы, и той приходилось силой усаживать ее на место: если ты хочешь нормальный рыжий цвет, то сиди спокойно. Она худела, она худела. Красное платье сидело отлично. Никаких усилий. Она теряла вес. Она должна быть счастлива. Красное платье сидит как влитое, волосы у нее как у Риты Хейворт, золотые туфли сияют, и ее покажут по телевизору — мечта, мечта — она должна быть счастлива!!!

Жизнь-малина для Гарри и Тайрона закончилась, и их словно обдало осенним холодом... Броуди больше не может продавать нам неразбавленный товар. Чего?! Вот так вот. Он может продать нам вес, но товар будет разбодяженным. Черт, чувак... че за дела? Тайрон пожал плечами и почесал голову: Броуди говорит, что кое-кто пытается растянуть товар. Растянуть? Тайрон продолжал кивать: и если уж Броуди не может достать не бодяжный товар, значит, никто не сможет. Гарри смотрел на лежавший на столе пакет. Тогда мы сможем только брать для себя. Тогда почему бы нам просто не завязать??? Несколько секунд они смотрели друг на друга, смысл вопроса медленно проникал в сознание. Гарри пожал плечами: да, наверное, лучше всего так и сделать. Но думаю, мы могли бы ноставиться сейчас и остыть к завтрашнему дню. Да уж, расфасовывать это дерьмо не поставленным просто тоска. Гарри хохотнул. Похоже, в конце концов у нас останется до хрена сахара. Все нормально, детка, как-нибудь мы все же прикупим фунт чистого, и тогда нам этот сахар понадобится.

Мэрион и Элис были за то, чтобы бросить, и спать все ложились с мрачным настроением. Они проснулись к обеду, покурили травы и попили кофе, чувствуя себя отлично оттого, что без раздумий согласились бросить, посмотрели телевизор, поговорили о еде, не чувствуя в ней потребности, подумали и поговорили о разном, о том, что нужно сделать, и строя планы насчет того, как это сделать, потом снова посмотрели телевизор, попили еще кофе, снова курнули, постоянно вытирая текущие глаза и носы, и к трем часам дня решили, что они напрасно волновались, и что если они захотят бросить, то определенно смогут это сделать, так что глупо паниковать и думать, что миру пришел конец только из-за того, что они не смогли достать неразбавленного героина прямо сейчас, а потому можно снова доставать закопченную ложку. После укола их носы и глаза высохли, и во время обеда они слушали музыку.

Однако и через неделю им не удалось купить героин лучшего качества, а потому они снова попытались соскочить, только на этот раз ложка появилась еще до того, как они оделись. В этот раз они проснулись рано, чувствуя гуляющую в животах панику, жжение в глазах и вытирая текущие носы, но волшебный порошок мгновенно исцелил все их недуги. Не то чтобы они не могли бросить, просто время было неподходящим. Им столько всего надо было сделать, а они так херово себя чувствовали. Когда у них все наладится, тогда они запросто смогут бросить, а сейчас им нужна небольшая раскумарка, чтобы быть в тонусе.

Наконец Сара составила свое утреннее расписание, благодаря которому у нее появилась возможность сделать несколько очень важных вещей. Она за один раз выпивала фиолетовую, красную и оранжевую таблетки, запивая их кофе, потом снова мерила красное платье и золотые туфли, крутилась перед зеркалом, выглядя *zophitic* и пыталась не думать о том, как она будет себя чувствовать в обед. Она садилась в свое кресло, не снимая платья, и смотрела

телепередачи, не переключая каналы и до конца. Она видела ведущего, публику, призы, слышала смех, аплодисменты, потом заставляла себя — прилагая немного усилий встать и пройти по сцене к ведущему, который жду! ее с широкой улыбкой на лице, однако она не могла контролировать себя слишком долго и снова оказывалась в комнате. Она ходила по квартире, глядя на старую-старую мебель, ощущая отсутствие света и жизни, потом снова пыталась вернуться в телевизор, но без особого успеха, в конце концов исчезая где-то, сама не зная где, возможно, где-то внутри телевизора или под кроватью. Все это ставило Сару в тупик. Она искала по всей квартире, но нигде не могла найти Маленькую Красную Шапочку. В следующий раз она более внимательно следила за ее действиями и спросила, куда и зачем она идет, но та в ответ лишь пожала плечами, вздернув голову, и смерила ее наглым а кто ты вообще такая? — взглядом, прошествовала своим путем и снова исчезла. Несколько дней подряд она выходила прямо из экрана и разгуливая по квартире. Она не спрыгивала на пол, а как бы выходила из телевизора, сразу же оказываясь на полу, и очень явно и шумно игнорировала Сару, разгуливая вокруг, глядя в пол, иногда недовольно поглядывая на Сару и презрительно при этом фыркая, и продолжала расхаживать по квартире и разглядывать все подряд, везде находя недостатки и кидая на Сару злобные взгляды. В конце концов расстроенная Сара решила дать ей отпор и так же пристально, не отводя глаз, посмотрела на нее, да кто ты такая, чтобы мне указывать? Кем ты себя возомнила? Сара вздернула нос, а когда опустила глаза, та исчезла. Это повторялось каждый день, до тех пор, пока в одно прекрасное утро из телевизора вместе с ней не вышел ведущий. Маленькая Красная Шапочка водила его по квартире, показывая ему то и это, и оба они неодобрительно качали головами, смотрели на Сару и снова качали головами, продолжали инспекцию, потом снова возвращались к Саре, снова качали головами и снова шли смотреть что-нибудь в другом месте, бросали на нее презрительные взгляды и качали головами. Это продолжалось целых три утра подряд, и каждый раз, когда они брезгливо осматривали ее запущенную квартиру, Саре становилось не по себе: а чего вы ждали? Вы что, думаете, вы в полном одиночестве жили бы по-другому? Это старое здание. Здесь десять лет ремонта не было, а может, и больше. Я старая. Одинокая. А ты постарайся. Я пытаюсь, пытаюсь, — и Сара почувствовала резь в животе и подступившую к горлу тошноту, — пожалуйста... не надо. Я все объясню. Однако они не стали ее слушать и, вернувшись обратно в телевизор, помахали аудитории, позвав всех за собой, после чего сотни людей вышли из телевизора, последовав за ними во мрак ее маленькой квартирки, и вся съемочная группа с камерами и прочей аппаратурой вышла, потянув за собой по полу толстые кабели, и Сара увидела себя, сидящую в кресле и смотрящую телевизор, окруженную безжизненным мраком квартиры, которая, казалось, уменьшалась на глазах. Она видела себя на экране, чувствуя происходящее вокруг, и внезапно ощутила себя сокрушенной, но не надвигающимися стенами, а стыдом и отчаянием. Она не знала, что именно они ищут и находят, но знала, что ЭТО что-то очень, очень постыдное. Ей надо было найти это до их появления. Но что это было? Она же убирала квартиру на днях. Или нет? Она не была уверена. Она переключила канал, но картинка на экране не менялась. Она попыталась снова и снова, но картинка оставалась той же. Миллионы людей смотрели, как она стоит перед телевизором и переключает каналы, пытаясь изменить картинку, чувствуя, как что-то вползает к ней внутрь. Все знали о ее позоре. Все. Миллионы. Миллионы людей знали о ней все, а она не знала! Слезы выступили на ее глазах и покатались вниз по щекам. А ведь она даже не знала почему. Она знала только то, что они тали, и ее переполняли стыд и отчаяние. А сейчас она видела маленькую

чертовку в красном и ведущего, водящих людей по ее маленькой грязной квартирке, она могла видеть все происходящее на экране, и они смотрели на нее с отвращением. Сара прижалась к телевизору, пытаясь заслонить собой экран, и очень медленно, мучительно медленно стала садиться, пока не оказалась на коленях, прислонившись к телевизору и низко опустив голову. Слезы оставляли пятна на красном платье, в котором она была на бармице Гарри, она плотно свернулась в калачик, и тогда люди на экране стали презрительно смотреть на нее сверху, и она обхватила себя руками, и, когда огромная волна прокатилась от живота к горлу, она почувствовала, что захлебывается слезами, о, пожалуйста, умоляю вас... позовите меня в телевизор... пожалуйста... пожалуйста...

Броуди спекся. Склеил ласты. Тайрон так и не узнал точно, что именно произошло — он опросил полдюжины человек и получил полдюжины ответов, однако было неважно, как именно это произошло, главное, что он был мертв, мертвее не бывает. Его нашли в аллее зарезанным, или застреленным, или сброшенным с крыши, или забитым до смерти. Его карманы были выпотрошены, и потому не оставалось сомнений в том, что его «выставили». Наверняка он вышел из квартиры не пустой: либо с героином на продажу, либо с деньгами на его покупку. Некоторое время Тайрон выслушивал разные версии, но потом ушел. Весь путь до своей квартиры он гнобил себя за то, что не обеспечил себе отходных путей для подобных форсмажоров. Они ленились искать что-то, потому что у Броуди можно было брать героин сумасшедшего качества, лучше которого им все равно было не найти. А когда этот товар у него кончился, они решили подождать, уверенные, что товар снова появится и что если в городе есть что-то стоящее, то Броуди обязательно об этом пронюхает. А теперь они влипли... Подстава полная. Боже мой, чувак, нуты и исполнил, конечно. Взял и позволил себя грохнуть, оставив нас пустыми и на кумарах. Поверить не могу. После стольких лет. Что ж, детка, кажется, нам придется почесать задницу. Нельзя же вот так просто сидеть. Точно. Ну, бля, и подстава. Дерьмо! Просто шандец! Везет же мне! Эй, мужик, остынь. Какой смысл сидеть и сопли распускать. Да, точно, ты прав, чувак. Просто я в бешенстве. Мы, типа, не то чтобы должны на цыпочках пробежаться по минному полю, старый, но надо по-тихому вытаскивать свои маленькие задницы и что-то делать. Гарри усмехнулся: ага, точно, ты пойдешь впереди автобуса, а я сзади. Да-ааа, мне всегда нравилось делать дела в черно-белом стиле. Чиерт, мы все равно прорвемся, детка. Просто надо успокоиться, что-то обязательно прорвется.

Саре нужно было идти в магазин. Вообще-то надо было собраться еще четыре дня назад, но она просто не могла заставить себя пошевелиться. не могла заставить себя выйти на улицу. Ей не нравился солнечный цвет. Если, конечно, на улице было солнце. А вдруг там облачно? Здесь, в квартире, почти ночь. А может, и хуже. Ночью включаешь свет и вроде как полегче. А сейчас все серое. Серое. Надо пойти в магазин. Давно пора. Если бы Ада зашла. Может, тогда? А может, ей позвонить? Ада отвела бы ее. Но она бы спросила, почему она не может сходить сама. И что ей ответить? Она не знала. Это же просто магазин. Да. просто магазин. Но она не могла. Она знала, что это все неправильно. даже плохо. Она чувствовала, что это нехорошо. Как можно — БЕРЕГИСЬ! — нетнетнетнет аххххч — Как она может сказать ей? Сказать *что*? Что сказать??? Нет, она должна пойти. Уже давно пора. Ни

туалетной бумаги. Ни сахара. Все кончилось. Она должна выйти на улицу. Просто встать и пройтись по квартире. И все. Встать и выйти через дверь. Маленькая Красная Шапочка. Ма — БЕРЕГИСЬ! — Ничего. нигде. ничего. Она должна. Холодильник меняет форму. Ближе Огромная пасть. Еще ближе. Она встала. Ее записная книжка. Где? Где? Нашла. Схватила обеими руками. Пошла к двери. Холодильник пошел за ней. Еще ближе. Без формы. Одна большая пасть. ее золотые туфли застучали по кухонному полу. Красное платье помялось. Она дернула ручку двери. Холодильник подобрался еще ближе. Телевизор увеличился в размерах. Экран становится все больше и больше. Она снова подергала ручку. Из экрана вышли люди. Дверь открылась. Она захлопнула ее за собой. Закачалась на высоких каблуках. Каблуки цокали по плитке. Ветер был прохладным. Небо было серым. На солнышке никто не грелся. Она пошатываясь прошла вниз по улице, хватаясь за стену. Остановилась на углу. Машины. Машины. МАШИНЫ!!! Грузовики. Автобусы. Люди. шум. Скорость. Гвалт головокружение. Она в отчаянии прильнула к столбу светофора. и не могла пошевелиться. Включился зеленый. Она словно прилипла к столбу светофора. Костяшки пальцев побелели. Зеленый сменялся желтым. Желтый красным. Снова зеленый. Снова и снова. Многократно. Люди шли мимо. Некоторые смотрели. Пожимали плечами. Шли дальше. Сара не шевелилась. Она смотрела по сторонам. Направо, налево. Подождала зеленого света. Можно переходить. Она прижалась лицом к столбу. Держись. Держись. Шум смазался в однообразный гул. Вспышки света пронизывали ее закрытые веки. Она держалась. Столб был холодным. Она слышала, как внутри столба что-то щелкало. Она держалась... Что это с тобой такое? На нее смотрели Ада и Рея. Ты чего это в столб вцепилась? Сара медленно повернула голову. Посмотрела на них. Сара, ты что-то неважно выглядишь. Сара просто смотрела на них. Женщины посмотрели друг на друга, а затем, подхватив Сару под руки, помогли ей добраться до квартиры Ады. Сара дрожала, они налили ей чаю. Она молча сидела, сжимая руками кружку тупо уставившись перед собой и время от времени наклоняя голову, чтобы сделать глоток. А мы-то думали, что ты Сара Никого-не-боюсь. Ада и Рея хихикнули, и Сара начала оживать: ох, если бы, если бы. А может, ты какую-нибудь заразу подхватила? Может, тебе сходить к врачу? Он выпишет тебе против-какое-нибудь лекарство. У меня прием только через два дня. Да ты что по расписанию болеешь, что ли? Думаешь, он скажет тебе, мол, держите себя в руках и через пару дней можете болеть сколько захотите? Они засмеялись, а Сара почти нахмурилась. Она не планировала идти к доктору. Несколько секунд она обдумывала этот вариант, потом загнала эту мысль в дальний угол и присоединилась к смеху, попивая чай, пока не опустела кружка.

В приемной, как всегда, было полно народу. Сара сидела молча, а Ада и Рея болтали. Когда она оказалась в кабинете у доктора, то сказала, что не очень хорошо себя чувствует. А в чем, собственно, проблема? Вы худеете как положено, улыбнулся он ей. с весом все нормально. Со мной — нет. Из телевизора выходят люди, и — БЕРЕГИСЬ! — и Сара стала озираться по сторонам, посмотрела под кресло, на доктора, за его стул. На лице врача застыла натянутая улыбка. что-то не так? Все как-то странно. Все смешалось. Что-то... — Не стоит беспокоиться. Он написал что-то на листке бумаги, отдайте это медсестре и приходите через неделю. До свидания. Она осталась одна, с бумажкой в руке. Несколько секунд она ее разглядывала, а потом заставила выйти себя из кабинета. Отдала бумажку девушке. Он сказал, чтобы я пришла через неделю, а у меня прием через два дня. О, все в порядке. Мы перенесем ваш прием на неделю. Давайте посмотрим. Так как насчет трех часов дня? Сара кивнула. Хорошо. А мои таблетки? Я дам вам запас на неделю. Сара и все ее

тело вздохнули с облегчением. Хорошо. Спасибо. Давайте посмотрим, что у нас там. Ясно. Девушка достала бутылку и высыпала из нее горсть капсул, потом отсчитала двадцать одну и пересыпала их в маленькую бутылочку, после чего наклеила на нее ярлычок. Принимайте по одной капсуле три раза в день, как здесь написано. А что это? О, это поможет вам успокоиться. Сара посмотрела на бутылочку.

Как это называется? Валиум. Валлеум? Звучит как болезнь. Девушка засмеялась. Увидимся через неделю. Одну примите сразу же, как доберетесь домой. Сара кивнула и вышла из кабинета. Они все вернулись обратно к Аде домой, выпили по чашке чая с рулетом из чернослива. Сара так и не смогла съесть свою порцию. Может быть, завтра. А сейчас... Она пожала плечами, отхлебнув чая. И так она сидела с Реей и Адой, ожидая, когда таблетка начнет действовать, при этом не зная, какого ждать эффекта. Однако она почему-то была уверена, что вскоре ей полегчает.

Когда она вернулась домой, холодильник и телевизор находились на своих местах и вели себя прилично. Она включила телевизор, поставила бутылочку с таблетками на стол рядом с другими и вдруг, проходя мимо зеркала, обратила на себя внимание. На ней было красное платье! Оно было измятым. На нем были какие-то пятна. Она заморгала, глядя на свое отражение. Она припоминала, что мерила платье каждое утро, но до сегодняшнего дня ни разу не выходила в нем на улицу. Только однажды, когда шла на бармицву ее Гарри. Она встряхнула головой, пытаясь собраться с мыслями, но потом пожала плечами, улыбнулась и пошла переодеваться, прежде чем вернуться в кухню, где приняла одну из новых таблеток и села в свое кресло. Ей было спокойно. Хорошо. Веки ее отяжелели. Но не слишком. Просто расслабились. Кресло казалось мягче. Она в нем утопала. И шоу были ненавязчивыми. И люди в шоу были приятными. Она пила чай. Протянув руку, она пошарила по столу рядом с креслом, но ничего там не нашла. Вообще ничего. Тут она поняла, что пальцы ее хватают пустоту, и она посмотрела на них, на пальцы, хмыкнула и снова стала смотреть шоу-неважно, какое именно. Главное, что оно было приятным. Они все казались приятными... Пока оставались по ту сторону экрана.

Тайрон, как мог, пытался сохранять невозмутимость, но единственным способом узнать, где можно достать хороший кайф, было добраться туда, где он был, а когда ты туда попадаешь, становится стремно. Все, включая его брата, хотели заполучить его деньги, обещая вернуться с отличным дерьмом, обещая достать тонну динамита или забить стрелу... У всех были варианты. Тайрон улыбнулся, усмехнулся, и предложил чувакам поехать в Джерси, поискать лохов там. Несколько часов он ходил крутым перцем, стараясь держаться подальше от подъездов, аллей и темных переулков, в конце концов наткнулся на парня, которого знал, и купил у него пару грамм. Два переодетых фараона тормознули его, когда он пытался поймать такси на улице. Обыскав его, они нащупали пакетики, но не стали вытаскивать их наружу. Вместо этого они вытащили его деньги и пересчитали: ага, двадцатка. Большие деньги, с такими не ходят по ночам, — засмеялись они. Тайрон молчал. У него оставалась еще сотня долларов, однако он решил не говорить о них. Легавые запихнули его в машину, и один из них сел сзади вместе с ним. Тайрон знал, что нужно делать, и сделал это быстро и незаметно, насколько было возможно. Вытащив пакетики из кармана, он закинул их под сиденье. Когда его привезли в участок и спросили, готов ли он, Тайрон кивнул. Когда они зашли внутрь, Тайрон спросил, каким будет штраф, и они улыбнулись: увидишь. Тайрон кивнул и стал ждать долгого и нудного процесса

оформления. Обезьянник был переполнен наркоманами и алкашами. Когда ему разрешили позвонить, он набрал номер Гарри, но того все еще не было, поэтому он рассказал Мэрион о том, что случилось и где он находится, попросив, чтобы Гарри внес за него залог. Еще он попросил ее позвонить Элис, и тут его отогнали от телефона. Чуть позже в камеру забросили старого торчка, которому на вид было все сто четыре года. Торчок устроился с комфортом, словно он здесь родился и вырос. На его шее отчетливо виднелись следы уколов, которые он прикрывал галстуком. Галстук был дешевым и старым и выглядел дерьмово. Думаю, дадут полгода на Рикерс-айленд. Он стрельнул сигарету у молодого парнишки, сидящего рядом, и кивнул ему, прикуривая. Бля, да я Рикерс знаю вдоль и поперек. Я там столько раз был. Я там столько раз был, что свое дело наладил. Все засмеялись, а Тайрон сидел и слушал вместе с остальными истории старикана о Реймонд-стрит, о старой тюрьме Томбс, о Рикерс и обо всех тюрьмах штата, особенно о Данаморе, в которой просто как в Сибири, на хер. Уж я-то побывал во многих дырах, но это просто жопа мира. Еще хуже, чем сраная кандалная параша в Джорджии. Я, бля, и там три месяца проторчал. Еще пару часов он трепался о том, как сиживал в Форт-Уорте и Кей-Уай, а вот в Лексингтон, бля, только раз заезжал. Вышел и уже возвращался назад в Яблоко с одним мужиком, а ему, пидору, приспичило в сраный Кливленд, с родственниками повидаться. Мы замутили парегорика, сварили и уже охлаждали, а тут фараоны вдруг начали в двери ломиться и нас обратно в тюрьму законопатили на два с поло виной и на пять за одни следы на руках. Это ли не блядство? Этот козел начал че-то бычить — у него с понятиями не очень — и получил пятеру, а мне два с полтиной дали. С тех пор я в Огайо ни ногой. На хер. Сидящие в камере покатывались со смеху, и Тайрон вместе с ними. И знаете что, в этом сраном Огайо у них смертная казнь за наркоту, а здесь я познакомился с молодым парнишкой — господи, он просто супервор. Он с завязанными глазами тебя обчистит, а ты его даже не увидишь. Теперь смеялись уже все. Кружок ребят подвинулся ближе к старику. Между ними возникло что-то вроде чувства товарищества, когда они слушали пожилого человека со свалывшимися волосами, серой кожей и редкими обломанными коричневыми зубами, рассказывающего о золотых деньках своего прошлого, когда можно было уторчаться за три доллара. Бля, у них такой офигенный кайф был, что ты начинал балдеть, пока он еще был в ложе, хахаха, а когда вмазывался, у тебя аж очко сжималось. О том, чтобы посрать, не было и речи. Ты просто забывал, как это делается. В конце концов ты начинал думать, что очко придумано, чтобы ноги мыть. В камере раздался громкий хохот, вся их негативная энергия и страх уходили в этот смех. До войны эти пидоры немцы присылали кайф такой чистоты — думаешь, ты знаешь, что такое чистый кайф? — и фунт такого героина можно было замутить практически даром, да только у нас и того не было, — и снова взрыв смеха. Наверное, эти пидоры думали, что если они подсадят всю страну, то смогут выиграть войну. Только всем тогда было насрать. Героина было завались, а во всех лекарствах полно опиума. Лаудум. Офигенная тема. Особенно когда кумарит. Просто заглатываешь бутылек парегорика, быстро запиваешь его яйцом и заедаешь хлебом, чтобы удержать его внутри. В те дни можно было практически легально иметь траву. Она тогда росла на пустырях, а пустырей тогда было много, не то что сейчас. Куча эти сраных пустырей по всему, бля, городу — и мало кто знал, что там растет-то. Представляете, что было бы, если бы у вас под носом был целый пустырь травы? Да вы бы друг другу глотки перегрызли. Все смеялись и хотели продолжения. Тогда их периодически поджигали, но перед этим они должны были предупредить жителей — какой-то был закон о пожарной безопасности, я точно не знаю. Короче, они писали объявления на бумаге — в натуре, прям

вот так писали объявления, мол, такой-то пустырь будут жечь такого-то числа, представляете, даже время проставляли. Я помню одно, я тогда был молодым щенком — у меня тогда и привычки-то не было, я еще не подсел по-настоящему, — они собирались поджечь пустырь по соседству. Ну и за ночь до этого ребята надербанили сколько смогли, а на следующий день, когда они сжигали траву-мураву, почти весь район собрался в нескольких ярдах от пустыря, со стороны ветра, и все дышат, дышат. То еще зрелище... Сечете, сотни ребят стоят на улице и, типа, делают какие-то дыхательные упражнения и ржут, пожарники смотрят на нас, как на психов, а мы стоим и балдеем. Сокамерники катались по полу, рев от смеха стоял такой, что охранник подошел к камере посмотреть, в чем дело. Тайрон словно впал в транс, слушая старого торчка, сидевшего посреди камеры, словно гуру, и изливавшего на них свою мудрость и сказания о славных делах. Да уж, знал я везунчиков. Парней, которые... вот был у нас в Данаморе один, так он был что-то с чем-то. Мы его звали Максин-Дырка, он трахал все, что двигалось. Все, куда мог впихнуть свой хер. Он в этой сраной Сибири просидел столько, что и забыл, как вообще бабы выглядят, но вы ж знаете, в тюрьме всегда можно найти хорошую жопу, чтобы поиграться. Короче, Максин-Дырка выходит из тюрьмы и снимает какую-то блядь у Нидл-парка, по-моему, ее звали Гортензия, короче, они поладили — ей, кажись, где-то полтинник был, потому что Дырке тогда под шестьдесят стукнуло, хотя стояло у него будь здоров — короче, пишет он нам, что имеет телку. Ну и естественно, ему никто не верит. Он столько мужиков перетрахал, что забыл, как телке вставлять надо, ну и народ по всей тюрьме давай ставки делать, мол, он в натуре трахает именно телку или нет. Нашли мужика, который откидывался, и тот встретился с Дыркой. Потом написал нам, мол, действительно, тот нашел себе какую-то старую блядь, и даже фотку прислал Дырки и подружки, та с задраной юбкой и мохнаткой наружу. И знаете что? Эта старая блядь ради Дырки даже на панель выходила. Серьезно. Раз-два в месяц она снимала мужиков — из ночлежек Бикфорда — и приносила деньги Дырке, мол, это тебе, детка. Все хохотали и хлопали друг друга по спине: ну ты даешь, мужик. С тобой обоссаться можно со смеху. Да уж, я много чего повидал. Видел, как многие приходили и уходили. Много серьезных торчков накрылось. А я вот здесь. Они все гниют в земле. В этом деле трудно уцелеть. Я видел, как многие отличные ребята получали либо пулю, либо «горячий» втык. Он стрельнул еще одну сигарету. Я вам скажу, как можно уберечься. Я вам скажу, почему я жив, а другие ребята нет. Конечно, мне тоже доставалось упаси боже, но причина, по которой я жив, в том, что я никогда не связывался с блядами. Они как раковая опухоль, нах, как поцелуй смерти. Эй, папаша, ты чего? Что плохого в хорошей киске, хе-хе-хе? А, кореша? Я тебе вот что скажу — вообще обычно я за советы бабло беру, но сейчас скажу бесплатно. Дыра, она как зыбучий песок — попал, и не вылезешь, засосет. И чем больше ты дергаешься, тем глубже тебя засасывает, пока не потонешь. Бля, а старик-то прав. Я согласен с тобой, мужик. На хер всех сучек, чувак. Они тебе весь мозг протрахают. Точно. Уж лучше я на кайф деньги пущу, чем на блядь какую-нибудь. На лице старика появилось серьезное выражение отцовской озабоченности: вот я и говорю, в этом мире и без того все непросто, но у вас все получится. Уж я-то знаю, потому что у меня все чики-поки. Помните, я рассказывал про парнишку, который был настоящим вором? Он мог бы нормально подняться, как я, но он облажался. Связался с какой-то малолеткой, понимаешь. Я ему все уши прожужжал, чтобы он от нее избавился, но он только ржал, мол, шлюшка высший класс. Она покупала ему классные шмотки и кайф. И он обленился, когда это стало для него работой. Теперь ему надо было контролировать ее,

чтобы она приносила все деньги домой и не раздавала бесплатных образцов, понимаете? Понимаем, отец, — ржач — ему ж надо защищать свои вложения. А она начала трахаться еще с каким-то одним мужиком — нет такой бляди, которая не блядует, пацаны, уж вы-то мне поверьте — и ему пришлось идти разбираться, да? Ну и че происходит? Он получает три пули в башку. Вот так вот. Просто жуть. Он был отличным вором. И на хера ему понадобилась эта телка? Я тебе вот что скажу, малыш — ё, даже старик Дырка спалился с этой кошелкой Гортензией. Чи-ерт, только не говори, что у него кто-то увел старуху. Хахаха, не-э. Старая овца спалила барыгу и сказала, что во всем виноват Дырка, и его сбили тачкой. Говорят, он от Бикфор-да долетел аж до Нидл-парка, ха-ха-ха-ха. Я тебе точно говорю, пацан, уж если ты хочешь торчать и не спалиться, держись подальше от шлюх, и тогда не спалишься по-крупному. По мелочи ты всегда можешь загреметь — слышь, ты по-любому будешь гостить здесь вот время от времени. Такова жизнь. Но за время отсидки ты приходишь в себя, соскакиваешь, а потом держишься как можно дольше, вмазываясь иногда по чуть-чуть. Только держись мелких краж. Не лезь в крупняк. Это единственный способ. Так можно долго прожить. В результате ты срубашь почти то же самое, только не попадаешь на долгие сроки. Я получал серьезные сроки, но это из-за мусоров. Они меня подставили, потому что я не хотел сдавать своего барыгу. Но я им, сукам, не крыса — Тайрон хохотал со всеми, отклоняясь все дальше назад, пока не уперся спиной в стену, глядя на остальных ребят, слушавших старика, молодых ребят его возраста, тянувшихся к рассказчику, ловивших каждое слово, а парни постарше кивали головами и хлопали себя по коленкам, гогоча вместе с остальными. У него что-то вертелось в голове, он только никак не мог распознать что. Что-то было общее между ним и остальными ребятами, сидевшими в камере. Постепенно до него начало доходить, что именно он чувствовал. Да, между ними было что-то общее. Однако он быстро похоронил это чувство, потому что знал, что он и, например, этот гном — небо и земля, впрочем, это относится и ко всем остальным. Он почувствовал, как защекотало в желудке и стало ломить в затылке. Он посмотрел на старика. Смотрел долго. И понял, что старикан выглядит как *крыса*, в натуре, дружбан. Именно. Как самая сраная в мире крыса. Его кожа была серой, на руках, ногах и шее виднелись дорожки от укусов, и он еще сидит тут и треплется о чем-то перед очередной отсидкой. Бля, да чтобы я вот так же... Ни хера, чувак. Я не собираюсь жениться, нах. Ни-ни. Вы не поймаете Тайрона на воровстве стейков из магазина. Нет уж, бля, когда я отсюда выйду, то буду заниматься бизнесом, а не заморачиваться по мелочам. Мы будем работать грамотно. Все поправится, мы купим офигенный чистяк и вернемся к серьезным деньгам, как раньше, нам останется только сидеть и считать их, и мы с Элис заживем как короли. Он посмотрел на старика в углу, который стрельнул у кого-то очередную сигарету, и на окруживших его молодых ребят. Нет уж, я сидеть не собираюсь. Ни дня. Мне и так неплохо живется. И вообще, у меня нет зависимости. Во всяком случае, я не в таком дерьме, как этот урод. Я могу соскочить, когда захочу, и, когда придет время, я сделаю героину ручкой, и - ЛАВ! ЛАВ, ТАЙРОН СИ, 735 собирай свое барахло и на выход. Охранник открыл дверь, и Тайрон проследовал за ним по коридору в другую комнату. Охранник вручил какой-то листок другому охраннику за стойкой, и процесс выхода на свободу начался. Когда он получил все свои вещи и расписался, его отпустили. За дверью его ждал Гарри. Ну и как? Бля... пошли отсюда, чувак. Гарри засмеялся: понимаю. Они поймали такси и поехали к Тайрону. Я приехал сюда сразу же, как узнал. Ценю, братишка. Они хлопнули по рукам. У тебя дома че-нибудь осталось? Ага. Я давненько не ставился. Как сам? Ничего особенного. Но кайф неплохой. Я смог

достать только в чеках, но на вечер пойдет. Я могу запросто замутить вес, но пока только в чеках. Поправиться хватит. Тайрон пожал плечами: лучше, чем ничего. Пока так, дотех пор, пока снова не войдем в бизнес. Что с тобой стряслось-то? Чиерт, — Тайрон усмехнулся и покачал головой, — меня приняли два гондона из наркоотдела. И он рассказал всю историю, посмеиваясь, за пару минут, что они ехали до дома. Такси остановилось. Тайрон поблагодарил Гарри, и, обменявшись рукопожатиями, они разошлись. Он по-прежнему ощущал душевную близость с Гарри, это чувство охватило его, когда, выйдя из тюрьмы, он увидел верного друга, и все нарастало, пока они ехали в такси. Это было теплое и хорошее чувство. Он никогда не будет таким, как тот старик. У него отличные друзья. Они с Гарри — настоящие кореша. Очень близкие. По-настоящему. Он представлял, как Гарри спешил к нему в тюрьму, однако его мысли возвращались к старику. Каждый раз, когда он пытался вернуть приятное чувство, возникшее у него на выходе из обезьянника при виде Гарри, его сознание упорно подсовывало вместо него образ старикана. Да пошел ты, старикашка сраный. Я тебе, бля, не торчок какой-то. Ты безнадежный нарик, которому давно пора подохнуть в дерьме. А я нормальный чувак, которому нравится просто хорошо проводить время и денежку поднимать понемножку, чтобы взять чистого героина и начать реальный бизнес... Да, с моей лисичкой, брат. Эллис бросилась ему на шею, едва он переступил порог: малыш мой, я так боялась, что они тебя там всю ночь продержат; и Тайрон обнимал и целовал ее, они радовались и смеялись, а потом Тайрон пошел в ванную: мне нужно поправиться, малышка... отбить этот мерзкий тюремный привкус, который остался в моем маленьком симпатичном ротике...

По какой-то причине Гарри было не по себе всю дорогу домой. Он не мог понять, откуда это ощущение. Словно к нему возвращалась память, которую он безуспешно ворошил, и чем старательнее, тем быстрее воспоминания ускользали обратно в темноту. Он попытался направить свои мысли на забравших у них кайф и деньги полицейских, однако, как и Тайрону, другая часть его разума зациклилась на образе старика, и сколько Гарри ни тряс головой, пытаясь прогнать этот образ и снова сконцентрироваться на кинувших их мусорах, у него ничего не получалось, и он снова видел перед собой сидящего на полу старика и продолжал отворачиваться от него и кривить лицо: как можно так опуститься? Да будь я хоть наполовину таким, я бы убил себя. Тьфу! Он почувствовал отвращение. Вернувшись к Мэрион, он рассказал ей об аресте и о старикане, и она улыбнулась. Ну что ж, надо сказать, что в таких местах встреча с представителями высшего сословия маловероятна. Лицо Гарри разгладилось, и он тоже засмеялся. Мэрион помогла ему избавиться от воспоминаний о старикашке, просто кивнув и махнув рукой. Это настолько по Фрейду, что вызывает жалость. Я имею в виду насчет женщин. Ясно, что он так и не смог преодолеть свой эдипов комплекс, отчего и стал наркоманом. Таким образом, он может утверждать, что женщины ему не интересны, не признавая тот факт, что он их боится. Скорее всего, он импотент. Могу поспорить на что угодно — он импотент, и именно поэтому боится женщин. И поэтому стал наркоманом. Все это настолько на поверхности, что его просто жалко.

Гарри засмеялся. Он не знал почему, но ему стало легче от слов Мэрион. Может, это было вызвано тем, как она говорила и жестикулировала, но, как бы то ни было, образ старикашки сменило облегчение. Он продолжал улыбаться и слушать Мэрион, глядя на нее. Но больше всего меня взбесили, я серьезно, эти козлы полицейские. Типичные фашистские

свиньи. Такие же ублюдки, как и те, что расстреливали студентов Кентского университета или пытали людей в Корее и Южной Африке. С уродским сознанием, которое породило систему концлагерей. Однако, если кто-то заденет обожравшийся средний класс — о-оооо, это меня просто бесит. Мы смотрим новости и видим, как людям проламывают головы дубинками, а мои родители утверждают, что ничего подобного не было или же это были дегенераты-хиппи-коммунисты. Это у них фетиш. Все — коммунисты. Если ты заговорил о правах человека и свободе, то ты сразу же становишься «комми». Они хотят говорить только о священных правах акционеров и о том, что полиция защищает нашу частную собственность... Она сделала глубокий вдох, закрыла глаза на секунду, а потом посмотрела на Гарри: знаешь, если бы я им рассказала о том, что с вами случилось, они бы сказали, что этого не может быть и что я сама это выдумала. Она покачала головой: меня просто убивает, насколько слепыми становятся люди, столкнувшись с правдой. Вот она, прямо перед ними, и они не видят ее. Потрясающе. Да уж, странно. Не знаю, как это у них получается. Гарри поднялся: ладно, давай раскумарим-ся этим новым дерьмом, а потом я пойду работать.

Миновали праздники Рош-Хашана и Йом Кипур. Сара чувствовала — это будет хороший год. Она полностью соблюдала традиции Йом Кипур впервые за Бог знает сколько времени. Она даже чай не пила. Только воду. И таблетки. Она решила, что к таблеткам это не относится. Они же не еда. И еще, она получила их у доктора, так что они относились к лекарствам. Однако она постилась и каялась. Она думала о Гарри, и чувство печали захлестывало ее. Она молилась за него. Снова. Бог знает сколько раз. Она молилась, чтобы увидеть его. После Нового года прошло несколько недель. Теперь она звонила в «Макдик Корп.» пару раз в неделю, иногда по утрам, после того как принимала фиолетовую, красную и оранжевую таблетки, запив их кофе, и говорила, что они обязаны найти ее карточку и сказать ей, в каком именно шоу она будет участвовать. Она больше не могла ждать: вы уверены, что не потеряли ее, а может, ей нужно приехать к ним и помочь найти ее? А девушка, с которой она разговаривала, просто девчонка, ужасно раздражалась и хотела накричать на нее, однако сдерживалась и твердым голосом говорила Саре, что им не нужна помощь и что она должна прекратить звонить, в конце концов, и потом вешала трубку и молилась, чтобы Сара больше им не звонила; однако вечером, приняв транквилизатор, Сара снова набирала их номер и была так обаятельна и говорила девушке: ты такая милая, куколка, у меня к тебе огромная просьба, посмотри, пожалуйста, в каком шоу я участвую, мне очень не хочется тебя беспокоить, но меня столько людей спрашивает, а ты мне как дочка, это все равно что оказать услугу своей матери, и я обещаю, что больше не буду тебя дергать, ты такая славная, — и девушка смеялась, качала головой и вешала трубку, а Сара возвращалась в свое кресло перед телевизором.

Зима пришла рано. Казалось, стояли хорошие осенние деньки, когда воздух свеж и чист, небо голубое, а облака пушистые, на солнышке тепло, а в тени прохладно. Идеальное время года. И в вдруг все становится серым, промозглым, дождливым, холодным и солнце разом теряет тепло. Время от времени Мэрион пыталась рисовать, но, казалось, только ее рука участвовала в процессе, а все остальное не имело к этому никакого отношения. Временами они пытались воскресить позабытый энтузиазм по поводу их собственной кофейни, других

планов, однако большую часть времени они под кайфом смотрели телевизор или слушали музыку. Иногда они ходили в кино, но из-за плохой погоды потеряли интерес и к нему. В конце концов Гарри стал выходить из дома только для того, чтобы купить еще героина, причем это становилось все труднее. Каждый раз они обнаруживали, что их очередной барыга вышел из дела по какой-нибудь причине. Словно боги разгневались на них. Они уже оставили идею купить фунт чистого, хотя иногда говорили об этом. Теперь они покупали по четвертинкам, но даже это было нелегко. Они покупали все, что могли найти, и все употребляли сами, теперь у них не хватало товара, чтобы отработать затрачиваемые деньги. Когда-то им казалось, что у них куча денег, но теперь не осталось почти ничего. Гарри и Тайрон частенько обсуждали сложившуюся ситуацию и оставшуюся сумму, пытаясь докопаться до причин исчезновения героина с улиц, анализируя различные слухи. Кто-то говорил, что идет война черных с итальянцами, другие утверждали: да это все треп, на хер, я слышал от одного чувака о задержанном грузе в пятьдесят кило — Да че ты гонишь? Они конфисковали сто фунтов чистого перца, об этом целый день тряндят по телеку и в газетах пишут. Блин, если мусора хлопнули такое количество кайфа, нам всем туго придется. Точно, чувачок, они ударили по рукам и продолжили обсуждение. Однако в конце концов становилось ясно, что, в общем-то, какая разница? Была проблема, вот, собственно, и все. Вот почему не раскумаришься, так что им оставалось только ждать, пока случится хоть какое-то улучшение, и что однажды героин хлынет на улицу, и они снова поднимутся туда, где были совсем недавно. Они знали, что рано или поздно героин будет везде, как это было раньше. Уж слишком большие деньги крутятся в этом бизнесе. Иногда Гарри обсуждал ситуацию с Мэрион, но результаты не отличались от результатов их разговоров с Тайроном. Ну и еще они укрепляли свои отношения. Пока им было что обсуждать и чем делиться, они оставались близкими, а это было важно. И каждый раз, когда они чувствовали, как по коже начинают бегать мурашки, а желудок завязывается в узел от страха, они делали по уколу, и все их волнения и тревоги смывались теплой волной прихода. Иногда они ставились просто ради того, чтобы поставиться. Это было частью ведения общего хозяйства. Сам процесс приготовления укола позволил им почувствовать себя частью чего-то. Это было то, чего они Ждали с радостью и нетерпением. Весь ритуал был символом их жизни и потребностей. Аккуратно открыть пакетик, насыпать порошок в ложку, залить его водой. Периодически заменять «воротнички» — прокладки из бумаги, не позволяющей игле болтаться, — при этом Гарри использовал для «воротничка» картон от спичечного коробка, а Мэрион отрезала полоску от долларовой купюры. Наблюдать за раствором, нагревающимся и растворяющимся в ложке, помешивать его иглой с намотанной на нее ватой, вбирать раствор в шприц, искать хорошую вену, хотя обычно укол делался в сделанную ранее ранку, чувствовать возбуждение, когда игла проникает в вену и контроль попадает в шприц, сбрасывать с руки жгут, загонять раствор в вену и ожидать первую теплую волну в теле, которая начиналась в животе, а после этого прокачать кровью шприц, выдернуть его и положить в стакан воды. Они вытирали капли крови со своих рук и откидывались на спинку дивана, чувствуя некое единство, и неуязвимость, и безопасность, и много чего еще, но в основном единство.

Однако героина на улицах становилось все меньше. Каждый день возникало все больше трудностей при покупке, и им постоянно звонили люди, которые тоже хотели замутить. Иногда им удавалось купить достаточно, чтобы осталось и на продажу, но в основном они

употребляли все сами. Однажды ночью они вообще не смогли купить. Они поверили обещаниям двух чуваков, сказавших, что товар скоро будет, однако им так ничего и не принесли. В конце концов они просто уснули, выпив по несколько таблеток снотворного, но во сне сильно дрожали. Они уже давно не ложились спать, зная, что у них ничего нет на утро. Они не представляли, что такое может случиться. Даже со всеми засадами, которые возникали в последнее время, у них всегда было достаточно для себя, но сейчас в доме не было ничего, кроме ваток. Сначала они хотели использовать их, с невероятным усилием воли, при помощи снотворного и травы решили оставить на утро. Их сон был беспокойным. Они потели и чувствовали этот запах. Их желудки и затылки словно были связаны болью и работали в унисон, вызывая приступы сильной тошноты, грозившей перерасти во рвоту, при этом с каждым вдохом паника усиливалась. Эта паника росла до тех пор, пока полностью не поглотила их тела, распухнув в груди и угрожая перекрыть им кислород, и они хватили ртами воздух, сидя на кровати и вглядываясь в темноту, не понимая, что их разбудило.

Они пытались закрыть глаза и снова уснуть, но не чувствовали разницы между сном и бодрствованием. Как звери, попавшие в ловушку, они вертелись и стонали, и в конце концов Мэрион вскочила, не выдержав, задыхаясь, и Гарри включил свет: все в порядке? Мэрион кивнула: наверное, кошмар приснился. Гарри обнял ее: может, нам стоит заварить ватки? Ты думаешь? А почему нет? Это тебе поможет. Да, наверное. Пойду, сделаю. Хорошо. Гарри пошел в ванную, а Мэрион вылезла из постели, чтобы быть с ним рядом, когда он будет делить ватки, при этом оба считали использование последних запасов намного раньше запланированного срока оправданным, чувствуя, как груз ответственности сваливается с их плеч, потому что кто-то другой предложил это сделать. Раньше они оставляли ватки ради забавы, но теперь они были жизненно необходимы. После того как они вкололи полученный из ваток раствор, который в комбинации со снотворными дал определенный эффект, сняв их с ломок, они снова уснули на несколько часов, и на этот раз они спали как убитые. Когда они проснулись, уже всюду сияло солнце. Перво-наперво они доделали оставшиеся ватки, которых оставалось совсем чуть-чуть. Гарри сел на телефон, но ничего не изменилось. Они посидели, тупо выкурили несколько косяков и попытались посмотреть телевизор. Несмотря на щелчки радиатора, показывающие, что в нем есть пар, в комнате было холодно, что их удивило, хотя они не слишком обратили на это внимание, поскольку их мысли были заняты только одним — ожиданием.

Около двенадцати позвонил Тайрон — поинтересоваться, что новенького. Ничего, дружище. Пусто. А мне тут чувачок один позвонил из центра, сказал что у него все нормально, так что я поехал. Здорово! Сколько у тебя уйдет времени? Фиг знает. Зависит от пробок. Может, час. А может, и меньше. Круто. Я пока тут побуду на тот случай, если проклюнется что то из моих. Увидимся, малыш. Гарри повесил трубку со вздохом явного облегчения. В комнате вдруг стало теплее, напряг исчез. Они сидели и болтали, курили, смотрели телевизор с истеричной, нарочитой беззаботностью. Каждый старался держать себя в руках и смотреть на часы исподтишка, однако оба лихорадочно подгоняли идущую по ТВ программу, чувствуя тошноту от нетерпения. Когда зазвонил телефон, Гарри стоило огромных усилий не рвануть к телефону, а, подойдя вразвалочку, с беззаботным видом взять трубку. Мэрион тоже старалась напустить на себя вид полного равнодушия. Она не отрывала глаз от экрана, все время наблюдая за Гарри уголком глаза. Ее пронзил приступ паники,

когда она увидела выражение лица Гарри: нет, чувак, пока пусто. Позвони попозже.

Она тихо вздохнула — по крайней мере, это не Тайрон с обломными новостями. Гарри сел на диван: куча народу ищет перец. Мэрион кивнула, желая сказать что-нибудь, но слова не шли, и она промолчала, глядя в телевизор, не понимая, что там происходит на экране, но радуясь, что можно хоть как-то убивать время. Гарри подвинулся на другой конец дивана, чтобы быть ближе к телефону, и, когда тот зазвонил, он просто наклонился и взял трубку. Оба чувствовали, что в комнате повисла напряженная тишина, словно все движение в комнате внезапно застыло. Теперь Мэрион уже не скрываясь смотрела на его лицо, которое осветилось широкой улыбкой: давай, увидимся. Гарри встал. Тай вернулся, по-моему, все нормально. Мэрион встала, стараясь чтобы ее голос звучал спокойно, однако не до конца справившись с распирающим волнением: я, пожалуй, поеду с тобой. Мне нужен свежий воздух. В комнату внезапно вернулась жизнь, и они улыбались друг другу надевая пальто, чувствуя, как что-то тяжелое и неприятное уплывает от них, позволяя им снова улыбаться и говорить. Они не могли поверить в то, что творилось с ними буквально минуту назад, и пытались забыть об этом, поддерживая бессмысленный разговор по дороге к Тайрону. У каждого в голове ясно и отчетливо звучал громкий голос, сообщавший им, что они подсели, причем подсели серьезно, но они пытались не обращать на него внимания, однако голос упорствовал, скорее даже не голос, а чувство, проникающее в каждую клетку, — как незадолго до этого героин, к которому у них сформировалась зависимость, но они старались бороться с этим чувством с помощью другого голоса, говорившего: подумаешь фигня какая, можно в любой момент остановиться, если захотеть. Скоро они поправятся, а пока можно смотреть из такси на мерзнущих, борющихся с холодным ветром людей, пытаюсь отвлечься от неприятных мыслей, думая о том, что уже скоро они почувствуют прекрасную теплую волну прихода. Добравшись до Тайрона, они старались держаться бодрячком, улыбались, пытались шутить, снимая пальто, и сознательно избегали упоминаний о героине, однако ощутили волну радости, увидев, что Элис еле разлепляла глаза, а Тайрон ходил такой гордый, но вскоре мерзкое ощущение в глотке убило в них желание слушать лапшу насчет погоды, и они, не выдержав, попросили у него по дозе. Тайрон достал пару пакетиков, и ребята, взяв у него его шприцы, закрылись в ванной, чтобы поправиться. После укола страхи их кошмары предыдущей ночи, внутренняя борьба с ними поездка к Тайрону растворились и забылись, словно никогда не существовали, и все четверо слушали, слушали музыку, трепались и догонялись, пребывая в теплом комфорте товарищества.

На этот раз все было действительно херово. Теперь у них не было ни желания, ни даже мыслей о бизнесе. Не осталось ничего, кроме бесконечных усилий найти достаточно героина для себя. Иногда им удавалось найти только на одну поправку — и снова целый день искать дозу на вечер и на утро.

На улицах стало особенно неспокойно. Все улицы в районе прочесывали наркоманы в поисках хоть чего-нибудь, невзирая на снег и дождь. Повсюду можно было видеть болезненные лица с текущими носами и людей, трясущихся от холода и ломок. Холод проникал до самого костного мозга, когда на несколько секунд отступал лихорадочный жар. Растянувшиеся на мили заброшенные здания, из-за которых город выглядел как после бомбежки, придававшие лицам их обитателей жалкое и измученное выражение, давали приют множеству наркоманов. Торчки сидели внутри и жгли маленькие костерки, пытаясь согреться и протянуть еще немного, пока не смогут достать очередную дозу и прожить еще день только для того, чтобы начать по новой. Когда кто-то доставал дозу, ему еще нужно было без приключений добраться до дома или какого-нибудь безопасного места, где можно спокойно поправиться без угрозы нарваться на кого-то, кто бы мог отобрать героин или даже убить за него, или убить самому, если не хотелось расстаться с чем-то на тот момент более ценным, чем жизнь, потому что без этого его жизнь снова станет адом, причем намного худшим, чем смерть. Иногда смерть казалась скорее вознаграждением, чем угрозой, потому что мучительная смерть на ломках была самым страшным, что могло случиться. В общем, город становился все более агрессивным с каждым прошедшим днем, каждым шагом, каждым вздохом. Время от времени из окон выпадали тела, и, прежде чем вновь просачивалась сквозь одежду, чьи-нибудь руки уже обшаривали карманы на предмет чего-нибудь, что могло бы помочь прожить еще один день. Таксисты старались избегать определенных районов и имели при себе оружие. Доставки отменились. Некоторые службы не работали. Такие районы словно находились на осадном положении, окруженные врагом, решившим морить жителей голодом, пока те не сдадутся, только в этом случае враг находился внутри кольца блокады. И не только внутри границ городов, районов, заброшенных зданий, обсосанных подъездов, но в каждом сознании, игле, и, главное, — в каждой душе. Враг пожирал их волю, поэтому они не могли сопротивляться, их тела не просто жаждали, но нуждались в отраве, которая ввергла их в это жалкое состояние; сознание было заражено и искалечено врагом, которым о. ни были одержимы, а одержимость и физические мучения растлевали душу до тех пор, пока поступки человека не становились подобны метанию раненого животного, метанию жалкого существа, которым они никогда бы не хотели быть. После участвовавших случаев наглых ограблений полиция усилила патрулирование улиц. Мужчин и женщин расстреливали, если они разбивали витрины магазинов и пытались убежать с телевизорами в руках. При падении телевизоры взрывались, тела скользили по льду, оставляя за собой кровавые следы, и замирали без движения, остывая на холодной земле до приезда труповозки. На каждый грамм выброшенного для уличной продажи героина находились сотни рук страждущих и больных, готовых бить, резать, нажимать на курок, лишь бы получить дозу. А если даже удавалось кинуть кого-нибудь и уйти без проблем, это вовсе не значило, что тебе удастся отправить кайф гулять по венам. Не исключено, что тебя ударят по голове трубой в минуту, когда ты варишь раствор в ложке, полностью сконцентрировавшись на процессе и боясь пролить хоть каплю.

Постепенно Гарри и Тайрон слились с клоакой, в которой им приходилось вариться ежедневно. Это была постепенная прогрессия, как у большинства болезней, и всеподавляющая потребность в наркотике заставляла их закрывать глаза на многое, кое-что приукрашивать, а остальное принимать как часть жизни. Но с каждым днем правду

становилось все труднее не замечать, хотя зависимость привычно и надежно искажала правду до приемлемых форм. Их болезнь сделала возможной веру в любую ложь, которая была им удобна, лишь бы и дальше можно было этой болезни потворствовать, доходило до того что они убеждали себя, что не больны вовсе. Они взбирались по старым крошащимся лестницам к разрушенные квартиры, где укрывались разрушенные люди, где штукатурка отваливалась от стен, обнажая огромные дыры в стенах с поломанными перекрытиями, а под ногами шныряли гигантские крысы, они пропитаны отчаянием, так же как обитатели этих мест, постоянно что-нибудь вынюхивая и ощупывая людей, валявшихся в отключке. Теперь Гарри и Тайрон всюду ходили вместе, невзирая на черно-белую схему, потому что быть одному повышало шансы нарваться на ограбление, а то и убийство. Все торчки выглядели и воняли как хорьки, тот острый помоечный запах ни с чем не спутаешь, он проникает сквозь одежду и пропитанный холодом воздух. Поначалу Тайрон и Гарри держались у края этих зон опустошения, наблюдая костры В заброшенных зданиях со стороны, но со временем им пришлось проникать все глубже и глубже в опасную территорию. Поначалу их вылазки были робкими и неглубокими, теперь же они стали более осторожными, но и более уверенными, появилась необходимость оказаться там, где происходило движение, до того, как все закончится и останется ничья земля, усеянная пустыми пакетиками, разбитыми бутылками, бесчувственными телами и одним-двумя трупами. Если у них появлялся малейший шанс поправиться, они автоматически его использовали, в угоду болезни, и хотя какая-то часть все еще пыталась сопротивляться, но она была такой маленькой и находилась так глубоко, что воспринималась как старый сон из прошлой жизни. Теперь их жизнью распоряжалась безумная и жадная потребность, она отдавала приказы, которым они подчинялись.

Каждый день им приходилось тяжелее предыдущего, и они были на грани отчаяния. Много раз их кидали на сотню там, на пару в другом месте, но таковы были законы этого подмира, и им оставалось лишь поднять еще денег и продолжать свои поиски и движения, пока им доставалось то, что нужно. Много раз им удавалось лишь достать пару доз, поправиться и продолжать поиски героина для Мэрион и Элис, но за частую у девушек между уколами проходило очень много времени. Поправившись, Тайрон и Гарри договаривались пойти домой, даже если им удастся взять только пару доз для их подруг, однако каждый раз, когда они доставали пару чеков, они тут же проставлялись сами, зная, что для них всех будет лучше, если они останутся там, где происходили некие события, и продолжат поиски, чтобы их подруги могли раскумариться по-человечески. Они уверяли самих себя, что лучше уж вообще ничего, чем мало, и кто знает, что может произойти, пока их не будет. И когда они возвращались домой, ложь их звучала весьма убедительно, потому что они сами в нее верили.

Иногда они вспоминали о старике, но старались тут же загнать эти воспоминания как можно дальше, уверяя себя, что с ними ничего подобного случиться не может и они предпримут что-нибудь до того, как это про изойдет. И каждый раз, когда они видели торчков, продающих за укол чьи-нибудь часы или очки или набирающих воду для укола из унитаза, они думали, что до такого они никогда не опустятся. Одно слово подсесть, но такое дерьмо — удел животных. Однако постепенно многие вещи стали приниматься как-то очень легко. Недавно они шли с другими торчками на замут к одному барыге, и вдруг из подъезда выскочил какой-то чувак, приставил барыге пистолет к голове и снес ему полбашки, забрал

героин и свалил, бормоча себе под нос что-то насчет гондона, который пытался его кинуть. Торчки посмотрели на барыгу, из головы которого толчками выходила кровь, и разошлись. Замерзшее тело было найдено через восемь часов.

Перед тем как отправиться к Аде, Сара приняла еще таблетку валиума. Они сидели пили чай, болтали и смотрели телевизор. Может, теперь, когда праздники закончились, они все-таки скажут тебе, в каком шоу ты должна выступить? На подходе очередные праздники. Потом снова. Так всегда. Сейчас мы между праздниками. Может, когда я позвоню им еще раз, они все же найдут мою карточку. А может, они уже нашли ее и ждут, когда я им позвоню. Ада пожала плечами: возможно, кто их знает. Только тебе все равно надо поесть. И сиди спокойно, мне надо подкрасить корни. Мне не нравится, что ты такая худая. Зато красное платье сидит идеально. Идеально, идеально. Только вот ты далеко не в идеальной форме. Тебе нужно есть. Э, ты говоришь прямо как мой холодильник. Ада посмотрела на нее широко раскрытыми глазами, на миг позабыв про телевизор: *как холодильник?* А как говорят холодильники? Помимо того, что они грохочут, и гудят, и иногда останавливаются, как мой? Сара пожала плечами: да пошли они. Сара, с тобой все в порядке? Конечно, а в чем дело? В чем дело? Дело в том, что ты плохо выглядишь. Ты выглядишь усталой и... — Я почти *zophitic*. Тебе надо увидеть меня в золотых туфлях и красном платье. Сара, с тобой что-то не так. Я рада, что ты влезаешь в свое платье, но я обеспокоена. Глаза у тебя совсем нездоровые, золотко. Давай я приготовлю тебе что-нибудь поесть... суп, например. Я сварила свежий, прошу тебя. Сара покачала головой и отмахнулась. Нет, нет, нет. Не сейчас. Позже. Сара поднялась. Мне надо пойти позвонить. Я чувствую, они нашли мою карточку. Ада выглядела грустной и обеспокоенной: ты говорила это уже сто раз. Я знаю, знаю, но сегодня все по-другому... Я это чувствую... Чувствую...

Гарри и Тайрон провели много долгих часов, бродя по улицам и переулкам, борясь с сильнейшим пронизывающим ветром с дождем и снегом. Если они останавливались хотя бы ненадолго, им было очень трудно заставить себя идти дальше. Их ноги онемели и, казалось, примерзали к земле, и боль поднималась от ступней к коленям. Они старались поворачиваться спинами к ветру, но как бы они ни вертелись, ветер постоянно дул им в лицо. Они закутывались в свои куртки, но им все равно было настолько холодно, что они уже не могли говорить друг с другом, и просто иногда кивали. Из их глаз и носов текло, на лицах застыл тонкий слой льда. Они посматривали в сторону отсветов костров в заброшенных зданиях, и им хотелось пойти туда и немного погреться, но они прекрасно знали, что стоит им приблизиться, как их тут же обчистят до нитки, так что приходилось терпеть боль и холод, пока наконец им не удалось достать двенадцать доз, после *чего* они быстро ушли из района. Забежав в общественный туалет у станции подземки, они закрылись в кабинке и начали жечь бумагу, чтобы хоть немного согреться, потом набрали воды из ржавого туалетного бачка, поставились, и просто стояли там, прислонившись к стенам, чувствуя, как тепло прихода разламывает лед в их крови и костях, потом, стерев испарину с лиц, улыбнулись друг другу и хлопнули по рукам: офигительный перец, мужик. Да, детка,

это что-то. Они вышли из туалета и стали неторопливо спускаться в метро, ощущая тепло и спокойствие.

По улицам пошли слухи, что через пару дней в городе появится хороший героин. Все покивали, сказали ага и разошлись по своим делам, собираясь пережить еще один день. Однако разговоры о том, что Харлан Джефферсон хочет слить перед Рождеством пару килограммов, потому что он хороший христианин и баптист и не хотел бы, чтобы кому-то было плохо в эти дни, не прекращались. И люди действительно поверили в это, потому, что хотели верить, и потому, что это было очень похоже на Харлана. В воздухе витало легкое напряжение и ожидание. А потом стали говорить о том, что цена будет вдвое выше обычной и продавать будут чуть ли не оптом, и тогда поверили все. Через подземку, автобус и Гудзонские «трубы» пришла молва, что завтра вечером, в десять, на большом пустыре в районе заброшенных зданий будет продаваться кайф, но брать можно будет не меньше чем полвеса, на пятьсот баксов. Да, блин, пять сотен за полвеса — просто чума, но делать-то нечего, а? За просто так тебя никто ставить не собирается. Уличные торчки засуетились, пытаясь найти денег на замут, но пять сотен для многих была непомерная сумма. Ежедневные мутки, мелкие кражи, помощь за деньги другим торчкам, чтобы замутить пару чеков и то было проблемой, но пять сотен??? Бля, да где ж их достать-то? Однако гонки продолжались. Если они не смогут достать денег, чтобы купить свои пять грамм, то, может, получится хотя бы купить несколько доз у тех, кто возьмет на пятьсот, хотя цены на чеки тоже подскочат, это уж как пить дать, братан.

Гарри и Тайрону отчаянно хотелось купить все десять, но у них было только семьсот долларов на двоих.

Они думали о том, что можно украсть и продать, но ничего, что могло бы помочь им достать несколько сотен, в голову не приходило. И Гарри вспомнил про психиатра Мэрион. Арнольд, что ли? Ага. Да я не видела его уже несколько месяцев. Ну и что? Он же до сих пор звонит, не так ли? Да, но я не знаю... Слушай, скажи ему, что мы вернем деньги на следующий день. Ровно столько у нас уйдет на то, чтобы отбить все обратно. Мэрион нахмурилась, она выглядела расстроенной и обеспокоенной. В голосе Гарри зазвучало отчаяние. Слушай, если мы возьмем сейчас, то мы все быстро скинем и снова будем в деле. Скорее всего, новости означают, что паника закончилась и в городе снова будет перец, и, значит, нам не придется больше шакалить на улицах. Если бы ты только знала, милая, как мне это надоело. Знаю, Гарри, знаю. Мне самой это не нравится. Тогда в чем проблема? Не знаю, я — Слушай, предложи ему поучаствовать в деле за пять сотен. Да зачем это ему? У него полно денег. В глазах Мэрион появилось умоляющее выражение: мне бы очень хотелось достать деньги как-то по-другому. Да мне наплевать, каким образом мы их достанем. Если у тебя есть другие соображения, давай, делись, а вот у меня нет никаких идей, а деньги пипец как нужны. Достать деньги не проблема, Гарри, — Тогда в чем фигня-то? Мэрион умоляюще посмотрела ему в глаза: просто я знаю, чего мне будет стоить достать их. То, что она имела в виду, было ясно как день, но нужда заставила Гарри закрыть глаза на очевидное, не позволяя правде проникнуть в его сознание и как-то повлиять на неизбежное решение. Он просто пожал плечами: ты с ним справишься, не переживай. Мэрион смотрела на него долгие секунды, надеясь, что что-нибудь поможет внезапно изменить его слова и ситуацию в целом

в лучшую сторону, что с потолка появится *deus ex machina*, и дилемма немедленно разрешится. Или ты берешь деньги у психа, или у нас не будет перца. Всё просто. Желание Мэрион сбылось. Дилемма разрешилась. Она кивнула и позвонила в офис Арнольда.

По ее просьбе они встретились в маленьком тихом ресторане, с дымчатым, интимным освещением. Она приехала туда на пятнадцать минут позже назначенного времени, чтобы ей точно не пришлось сидеть и ждать его, чувствуя себя слишком заметной. Ее макияж скрывал цвет лица, но измученный взгляд спрятать было невозможно даже при таком слабом освещении. Ты в порядке? С тобой что-то случилось? Нет, нет, просто у меня грипп, кажется, уже целую вечность продолжается. Никак не могу от него избавиться. Вроде проходит на несколько дней, а потом снова возвращается. У тебя, наверное, был стресс? Знаешь, эмоциональное напряжение может усиливать вирусные инфекции. Мэрион почувствовала, как внутри нее все сжалось, и она, изо всех сил стараясь контролировать свои мышцы, вымученно улыбнулась: нет, с чего ты взял. Просто было много дел. Много работала последнее время. Что ж, отлично, я рад, что у тебя продуктивный период. Мэрион старалась, чтобы с ее лица не сходила улыбка, пока она ковыряла вилкой еду и пила вино. Арнольд несколько раз указал ей на отсутствие аппетита и выразил удивление, что она совсем не рада вину: это же одно из твоих любимых. Я знаю, — кивнула она, вымученно улыбаясь. Потом, протянув руку, коснулась его руки: это все чертов грипп, или как его там, отбил мне аппетит. Он улыбнулся и накрыл ее руку своей: знаешь, по правде говоря, я был очень удивлен, когда ты позвонила. У тебя что-то случилось? Мэрион невероятным усилием воли сдержала порыв ткнуть ему в лицо горячей свечой, но вместо этого улыбнулась еще шире: нет, а почему ты спросил? Обычно дело именно в этом, когда вдруг звонит человек, который не проявлялся долгое время и несколько месяцев подряд отклонял приглашения поужинать или пообедать вместе. Мэрион глотнула вина, налила себе еще: нет, все нормально, просто мне нужна небольшая услуга. Он откинулся на стуле и понимающе улыбнулся. Внутри Мэрион все кричало: ты, козел самодовольный, — но вместо этого она слегка наклонила голову и взглянула на него, полуприкрыв глаза: мне нужно занять у тебя триста долларов. Могу я спросить зачем? Это личное, Мэрион постаралась, чтобы в ее улыбке было как можно больше теплоты, но не особо беспокоясь о том, что он о ней думал. Лишь бы только не отказал ей. Он пристально посмотрел на нее, потом пожал плечами. Конечно, ерунда. Мэрион с облегчением вздохнула. Однако мне придется дать тебе эти деньги наличными, понимаешь? Она кивнула: меня устроит, — и улыбнулась ему на этот раз с искренней теплотой; и к ней вдруг вернулся аппетит, и она стала наслаждаться вкусом вина, испытывая чувство благодарности к Гарри за то, что он смог достать героин отличного качества и что ей не пришлось пройти через это без кайфа. Она постоянно напоминала себе, что этот ужин с Арнольдом ничем не отличается от тех, что были у них прежде. Все как всегда. Скажи, а это имеет какое-нибудь отношение к парню, с которым ты живешь? Мэрион едва справилась с жаркой волной страха, продолжая улыбаться: нет. Он улыбнулся и, наклонившись к ней, погладил ее по руке. Неважно. Мне просто было любопытно. Какой он? Мэрион позволила своему телу расслабиться, чтобы наркотик свободно циркулировал в ее организме и согревал ее изнутри, наполняя чувством удовлетворенности. Он хороший. Просто чудесный. Мэрион допила вино, Арнольд подождал, пока официант снова наполнит бокал, и снова наклонился к ней. Он очень красивый и чувствительный... и поэтичный. Ты говоришь так, словно влюблена в него. Лицо Мэрион смягчилось еще больше: так и есть. А

он в тебя? Ну да. И я нужна ему. Арнольд кивнул, и они улыбнулись друг другу. Я помогаю ему стремиться вверх. У нас большие планы.

После ужина они поехали в маленькую квартирку Арнольда, которую он снимал в городе. Мэрион сидела среди давно знакомой ей обстановки и пыталась расслабиться и прогнать прочь чувство опасности, однако ей хотелось заорать каждый раз, когда Арнольд начинал говорить. Тем не менее она продолжала смотреть на него и улыбалась, пытаясь вспомнить, как она вела себя и что говорила в прошлые свои визиты сюда, к нему, но ничего не приходило на ум, кроме желания закричать ему в лицо. Она продолжала ерзать в кресле, пытаясь усесться поудобнее, найдя знакомое положение, вспоминая, смотрела ли она на полку с книгами или на картину, висящую над диваном. И как она держала сигарету? При этом сигарета внезапно стала казаться слишком большой и неудобной, и когда Мэрион стряхнула пепел, постучав по ней пальцем, она безуспешно пыталась вспомнить, как делала это раньше. Она вдруг села прямо, вытянула шею, ноги, одернула юбку на коленях, поморгала глазами и почувствовала, что краснеет, подумав, не оценивает ли Арнольд ее поведение. Она хотела снова ощутить знакомое чувство комфорта, но у нее ничего не вышло. Все было каким-то странным. Она пыталась прогнать или, по крайней мере, заглушить это неприятное ощущение, говоря себе, что ничего не изменилось, что все так же, как в прошлый раз, но у нее опять ничего не вышло. Она слышала голос Арнольда поверх музыки и чувствовала, как разглаживаются ее лицевые мышцы, слышала свой голос, отвечающий на его вопросы, однако каким-то странным образом она словно смотрела на все со стороны, никоим образом не участвуя в происходящем. Она словно ждала чего-то, возможно, звонка Гарри, который скажет ей, что он нашел деньги и она может поехать домой: у меня есть кайф, — но Гарри не мог знать этого номера, как и того, что она здесь. Он думал, что они на каком-нибудь концерте или что-то вроде того. Он понятия не имел, что она здесь и ждет, когда они с Арнольдом пойдут в постель. Он не знал. Если бы он знал, то он бы не — Она отчаянно пыталась придумать концовку этому предложению, однако внутренний голос издевался над ней, и правда проникала сквозь каждый дюйм ее существа... она знала, и Гарри тоже знал. Они любили друг друга, но они оба знали, что она должна будет переспать с Арнольдом...

Мэрион села на край кровати спиной к Арнольду, отчаянно пытаясь сориентироваться. Ее ощущение отчужденности только усилилось — все как всегда, все как всегда — и она, моргая, стала озираясь по сторонам, голос Арнольда гулом отзывался у нее в голове. Она посмотрела вниз, зная, что сейчас ей придется скинуть одежду на пол. Свет от лампы на прикроватной тумбочке был таким слабым, что она едва видела стену перед собой, но он раздражал ее, и она попросила Арнольда выключить свет совсем. Он нахмурился: почему ты хочешь, чтобы я его выключил? Раньше ты никогда не просила. Она проглотила крик, едва не расплакавшись. Она старалась, чтобы ее голос звучал нормально, как обычно, но не смогла скрыть раздражения: я так хочу. Пожалуйста, Арнольд. Пожав плечами, он выключил свет. Она почти расслабилась в наступившей темноте, быстро разделась и, скрестив руки на груди, скользнула под одеяло — все как всегда, все как всегда, — и простыни показались ей липкими.

При квартирном освещении Арнольд отметил нездоровую бледность ее кожи под слоем

макияжа и ее общую изможденность. Он много раз бывал с ней в постели за последние пару лет, так что разницу в ее облике и поведении он заметил сразу. Однако более всего, даже при слабом освещении, в глаза бросались отметины от уколов на руках. Мэрион специально надела на встречу платье с длинными рукавами, но все же ей пришлось его снять. Арнольду хотелось сразу спросить ее о них, но внезапно передумал, притворившись, будто ничего не заметил. Он повернулся к ней и начал целовать ее, и она отвечала на поцелуи так тепло, как могла, постоянно напоминая себе, что ничего не изменилось, все как всегда. Все как всегда. Она и прежде спала с ним, и все было так же. Разницы не было. Она двигалась и стонала вроде бы так же, как раньше, однако все казалось непонятным и не соответствовало ее воспоминаниям, и она попыталась думать о Гарри, но от этого стало только хуже, и она даже застыла на секунду, до тех пор, пока образ не исчез из ее сознания, и сжала Арнольда еще сильнее, надеясь, что делает все так же, как раньше, но как бы она ни старалась напоминать себе о прошлом, ощущение грязи не проходило, и она снова и снова говорила себе: *все как всегда. Все как всегда.* Однако убедить себя у нее не получалось, и все, что она могла сделать, это убедить Арнольда, и она повторяла снова и снова: *все как всегда*, — и хотя от этого ощущение грязи не исчезло, это помогло ей сделать то, что должно было быть сделано, и она просто периодически напоминала себе, что Гарри очень нужны деньги и что она делала это для него, а не ради денег, *и все как всегда, все как всегда, все как всегда...*

Мэрион подобрала с пола одежду и пошла в ванную одеваться. Приняв душ, одевшись и поправив прическу и макияж, она вернулась в спальню. Свет был включен, но это ее не беспокоило. Арнольд сидел на краю кровати и курил. Она улыбнулась ему, надеясь, что это именно та улыбка, к которой он привык, при этом думая лишь о том, как бы побыстрее добраться до дома. А деньги имеют отношение к следам на твоих руках? Что? К следам уколов. Для этого тебе нужны деньги? Так? Она передернула плечами, о чем ты? Ее глаза гневно сверкнули. Арнольд профессионально улыбнулся. Не расстраивайся. Думаю, я могу помочь тебе слезть с иглы. У меня нет проблем, Арнольд. Все нормально. Он посмотрел на нее. На его лице было написано недоумение. Ты не мог бы дать мне деньги, Арнольд? Уже поздно, и мне нужно домой. Он смотрел на нее еще пару секунд: я очень хочу, чтобы ты ответила на мой вопрос. Ты действительно... Что это за следы у тебя на руках? Ради Бога, Арнольд, тебе всегда надо ходить вокруг да около? Ты что, не можешь просто спросить, употребляю ли я наркотики? Разве не это ты хотел спросить? Он кивнул. Да. Хорошо, если тебе от этого станет легче — да, употребляю. Он с обиженным видом покачал головой: но как такое могло случиться? Это невозможно. Нет ничего невозможного, Арнольд, помнишь? Но ты такая молодая, умная, талантливая. Ты же не такая, как эти... люди, которые шатаются по улицам и грабят старушек, чтобы достать денег на дозу. Ты образованная и нежная, и ты проходишь курс терапии — в постели доктора — несколько секунд они смотрели друг на друга, и с каждой секундой Арнольд чувствовал все большее смятение и боль. Но почему? Почему? Мэрион посмотрела ему в лицо, потом вздохнула. Из ее тела словно выкачали весь воздух. Потому что я чувствую себя цельной... самодостаточной. Боль и смятение в глазах Арнольда сменил злой блеск. Пожалуйста, Арнольд, дай мне деньги. Мне действительно пора домой. Он встал, вышел в другую комнату и вернулся с деньгами: думаю, это все равно что подарить их тебе, — Я все верну через пару дней. Не стоит. В конце концов, ты их заработала. Он ушел в ванную и закрыл за собой дверь. Мэрион посмотрела ему вслед и вышла из квартиры. Спускаясь по лестнице, она чувствовала, как в ней поднимаются злость

и отвращение, глаза наполнились слезами, и когда она вышла из подъезда, порыв ледяного ветра шокировал ее. Она остановилась, прислонившись к стене дома Арнольда, и ее тошнило, тошнило, тошнило...

Внутренности Гарри бунтовали. Первые полчаса после ухода Мэрион он просто сидел, вставленный героином, и смотрел телевизор. Он говорил себе, что через пару часов она вернется и все будет отлично, но потом что-то внутри него вдруг стало постепенно сжиматься, а потом раздулось так, что стало трудно дышать и хотелось блевать. Вообще-то он был даже не против физического дискомфорта. Это позволило бы ему отвлечься от мрачных мыслей, которые быстро нагромождались и превращались в образы и слова. Именно в те образы и слова, которые он не хотел бы видеть или слышать. Через час он уже не мог спокойно сидеть на месте. За пять минут он десять раз посмотрел на часы, удивляясь, что прошло так мало времени, и снова переводил взгляд на экран, и тут же снова думая о времени, сомневаясь, что запомнил время правильно, когда последний раз смотрел на часы, и снова смотрел на них, чувствуя злое разочарование из-за того, что времени действительно прошло очень мало, и снова смотрел на экран... Эта бодяга повторялась снова и снова, пока он не вставал переключить канал, раздражаясь еще больше из-за того, что очередная туфта оказывалось еще хуже предыдущей, — таким макаром он пробежал все каналы по нескольку раз, прежде чем решил наконец остановиться на старом фильме. Развалившись на диване, Гарри старался заставить себя не смотреть на часы. Выкурив полкосяка, чтобы успокоить разбушевавшийся желудок, он откинулся назад и как бы неосознанным движением прикрыл часы правой рукой, стараясь сосредоточиться на происходящем на экране, однако это было нереально. Образы и слова, рождаемые его воображением, все глубже проникали в сознание, поэтому он направил все свое внимание на физический дискомфорт, а когда ему показалось, что его сейчас стошнит, он достал пакет с конфетами «Малло-мар» и начал жевать их, глядя в телевизор, стараясь гнать подальше образы, которые, казалось, вот-вот прогрызут дыру в его черепе, вспыхивая в его воображении, а он продолжал распахивать их по углам сознания, но его тошнило все сильнее, и вскоре ему стало по-настоящему хреново от этой бесполезной борьбы, но он продолжал бороться сколько мог, в конце концов он не выдержал и снова посмотрел на часы, а они остановились, и ему страшно захотелось сорвать их с руки и вышвырнуть на хер в окно, хотя он тут же понял, что это, в общем-то, неплохо, потому что наверняка уже намного позже, чем он думал, поэтому он набрал номер справочной, послушал записанный на пленку голос, который раз за разом повторял точное время, и часы были абсолютно точны, и сколько бы он ни ждал, ни слушал, эти сраные стрелки не двигались, хоть ты тресни, и волна горькой печали накрыла его, и он почувствовал рвущиеся наружу слезы. Повесив трубку, он сел на диван и уставился в экран телевизора, по-прежнему словно придавленный стрелками часов, — неважно, пусть они шли медленно, но время было неумолимо, и прошло уже много часов с тех пор, как она ушла, и теперь слова и образы не просто смутно плавали, мягко толкаясь внутри его сознания, но вспыхивали внезапно и резко: Мэрион лежала в постели с каким-то жирным мудаком, который жестко ее трахал, и Гарри стонал, отворачиваясь и дергаясь, проклиная чертов телевизор, переключая каналы в надежде найти что-нибудь, что можно было бы смотреть, повторяя снова и снова, что они всего лишь пошли поужинать и

что нельзя вот так просто одолжить денег и свалить, нужно сидеть, есть, пить вино, и трепаться, и улыбаться, и сосать его — да что это, бля, за передача, на хер? И он снова крутил диск телефона, не в состоянии более отмахнуться от образа накачанного парня, сующего в нее свой член. Он напрягал все свое воображение, пытаясь «одеть» их и запихнуть в интерьеры ресторана, где они должны были сидеть и пить кофе, однако ему не удавалось удержать этот образ и минуты, а если и удавалось, то он слышал тоненький голосок на заднем плане: *херня, херня, херня*, — и он снова крепко зажмурился, трясая головой, но это не помогало, лишь усиливало свет над кроватью, где они трахались, но даже если ему удавалось «усадить» их за столик, Мэрион все равно лезла рукой под скатерть... Гарри пошел в ванную, где поставил один из чеков, который оставлял на завтра, но какого хера, чувак, мне нужно прямо сейчас, да и вообще, предыдущий чек был слишком разбавленным и дерьмо так себе, а мне-то уж точно не хочется бегать больным по улицам и искать кайф, ага, вот что я сделаю, я поставлюсь да пойду гляну, что там происходит на улице, вдруг что-нибудь происходит, и я смогу замутить чего-нибудь попримечательнее, не могу же я сидеть здесь всю ночь и смотреть этот блядский телек, свихнуться можно, — и его внезапно стошнило конфетами, и он смотрел как загипнотизированный за полетом блевотины из его рта к унитазу, за тем, как красиво смешались коричневый шоколад, белый зефир и зеленая желчь, расплескавшись по краям унитаза, он с улыбкой смотрел на маленький океан, раскинувшийся внизу, усеянный островками и горами с белыми шапками снега, потом хохотнул и смыл все это великолепие, плеснул холодной водой себе в лицо, промокнул его полотенцем, и, почувствовав себя немного лучше, сел на край ванны, наслаждаясь ощущением вновь появившейся уверенности, которое прокатилось волной через все его тело, чувством умиротворенности, снизошедшим на него, стирая образы и слова, потом встал и пошел в гостиную, где докурив остатки косяка, сел на диван и снова воткнулся в телевизор, доедая конфеты и чувствуя себя спокойно и расслабленно, а потом снова посмотрел на часы и понял, что реально прошли века, и эти мерзкие картинки вернулись обратно, он пытался вытеснить тоненький голос из головы, но тот лишь издевался над ним, продолжая нашептывать гадости и глумливо хихикать, и вскоре в «ресторане» исчезли стены, и он никак не мог вернуть их на место, как ни старался, и тогда он просто перестал пытаться это сделать, и вскоре перед ним развернулось действие: этот хрен кувыркался с Мэрион в постели, трахая ее во все дыры, — и в животе у Гарри становилось все холоднее и гаже, будто он сделал харакири и сквозь дыру задувал ледяной ветер, но в то же время его кишки наполнялись копошащимися червями и крысами, и злые горькие слезы наполнили его глаза, а его голова словно находилась под водой и ужасная тошнота росла и поднималась внутри него, когда он смотрел воображаемые картинки, но теперь он сам их подгонял, давая им энергию, энергию, пришедшую откуда-то из глубин его сознания, выжимая его еще больше, и боль усилилась, а тошнота все продолжала подниматься, хотя он почему-то знал, что его не стошнит, он бессознательно положил руку на пах, и, согнув ноги в коленях, оказался в позе эмбриона, продолжая глушить тошноту сигаретами, и чем дольше он смотрел на шоу на своем внутреннем «экране», тем сильнее увеличивалось в размерах его сердце, грозя взломать ему ребра и вылезти наружу, перекрывая его горло, отчего Гарри приходилось силком проталкивать каждый поток воздуха внутрь, и, не выдержав, он снова вскочил с дивана и переключил долбаный канал, снова пройдясь по всем кнопкам, потом сел на диван, и, раскрыв глаза как можно шире, перестал сопротивляться образам, но тошнота не прошла, и он полностью капитулировал перед пустой, мертвой, тошной тварью

внутри, и вся его боль, и страх, и страдание окружили его тонкой вуалью отчаяния, которое принесло почти облегчение после того, как он прекратил сопротивление, и ему оставалось только сидеть и смотреть в экран телевизора, почти интересуясь происходящим, пытаясь поверить в их ложь, чтобы потом суметь поверить и в ту, что внутри него.

Мысль пойти на улицу и посмотреть, что там происходит, пришла к Гарри во время рекламы, но он никак не мог возбудить в себе энтузиазм. Каждый раз он играл с этой проскальзывающей в голове мыслью, но все равно продолжал смотреть по телевизору кино. Наконец Мэрион вернулась домой, бледная от пудры и пронизывающего уличного ветра. Холодно, поежилась она, выскальзывая из пальто. Не могла поймать такси целую вечность. Да уж, сучья погодка. Она долго и тщательно разглаживала пальто, вешая его в шкаф, чувствуя неловкость, потом на пару секунд закрыла глаза, стараясь усилием воли избавиться от напряжения в животе и блеска в глазах, прежде чем повернуться лицом к Гарри. В общем, деньги я достала, — она старалась, чтобы ее голос звучал как можно более естественно и беззаботно, — вот, держи. Она отдала деньги Гарри. Отлично. Теперь мы в дамках. Он постарался расслабиться и не просто игнорировать, но полностью отрицать тот факт, что в комнате появилось почти физическое ощущение неловкости. Мэрион откинулась на спинку дивана, скрестила ноги и склонила голову набок, улыбаясь и стараясь говорить как можно более беззаботным голосом: а что это за фильм, милый? Гарри пожал плечами: не знаю, только что включил. Мэрион кивнула и уставилась в экран, — держись, держись, держись, — хотя она отлично понимала, что вот так вот сидеть и делать вид, что ничего особенного не произошло, что все нормально, что ничего не изменилось, не только бесполезно, но и бессмысленно. Это было просто абсурдно, и она невольно дернула плечом, когда это слово эхом отозвалось в ее голове, к тому же она была слишком умна, чтобы попасть в ловушку собственных иллюзий. Она прекрасно понимала, что не станет говорить об этом с Гарри, что это только все усугубит, сделает намного хуже, однако она не могла отрицать произошедшего сама перед собой. Она глубоко вздохнула, придя и приняв этот вывод. Что случилось, то случилось. Она просто примет это и позволит своим мыслям переключиться из ее сознания куда-нибудь подальше, не посвящая в них Гарри... Она снова невольно пожала плечами. Да и вряд ли он ее об этом спросит. Она вздохнула, улыбнулась смотревшему на нее Гарри, погладила его по шее: я люблю тебя, Гарри. Он поцеловал ее: я тоже тебя люблю. Она снова улыбнулась ему, и тогда он переключил свое внимание на происходящее на экране, и она тоже какое-то время смотрела на экран, стараясь не обращать внимания на сжавшиеся в тугий узел внутренности, потом поднялась с дивана: я, пожалуй, пойду поставлюсь. Ты со мной? Нет, я недавно догнал, так что на этот раз без меня. Она автоматически улыбнулась еще раз и пошла в ванную, стараясь убедить себя в том, что ей только показалось, что Гарри ведет себя странно. Уколовшись, она немного посидела, позволив своим противоречиям раствориться в приятной теплой волне прихода, почувствовав, как на ее лице появляется нормальная, настоящая улыбка, после чего встала и вернулась в комнату. Она обняла Гарри и погладила его шею, потом поцеловала в ухо и начала поглаживать по груди, и он постепенно стал отвечать на ее ласки. Они словно отчаянно пытались удержать друг друга, целуясь, глядя, обнимаясь. На заднем плане что-то бубнил телевизор. Потом они решили перебраться в спальню, где Гарри стал обнимать ее с нарастающей силой, а она прильнула к нему и целовала его, покусывая, пока он целовал ее тело в попытках разбудить страсть, которая сама найдет выход, но чего-то не хватало, что-то

обламывало, и, несмотря на все их старания, они никак не могли сделать так, чтобы физические действия стали чем-то большим, чем просто действия, и чем больше они старались, тем глубже уходили каждый в свою скорлупку стыда, до тех пор, пока они не приняли обоюдное молчаливое соглашение прекратить бестолковую возню и не зависли где-то между сном и расслабленным бодрствованием.

Теперь Сара постоянно носила красное платье. И золотые туфли. Ада по-прежнему поддерживала ее волосы в форме, а если она высказывала предположение, что, мол, странное дело с этим шоу, Сара отмахивалась от нее, всем своим видом доказывая абсурдность ее слов. Иногда к ней в гости заходили другие соседки, принося с собой пирожные или пончики, но у Сары никогда не возникало желания поесть. Она до сих пор мечтала быть *zophitic*. Да у тебя уже кожа на руках висит как старая тряпка, а ты все не ешь и думаешь про *zophitic*. Будь *zophitic* сколько тебе влезет, только все равно нужно мясо на костях нарастить. Однако Сара все равно отказывалась от еды, бесконечно пила кофе и болтала о своем появлении на телевидении. Телевизор не выключался, и Сара внимательно отсматривала все игры-угадайки, чтобы можно было участвовать в любой из них без подготовки. Потом подруги расходились по домам, а она продолжала сидеть и смотреть телевизор, кивая головой и улыбаясь, представляя, как она стоит там, у микрофона, с полным достоинством и отвечает на вопросы с такой легкостью, словно они взяты из детской книжки, и зрители аплодировали, и она получала все призы, а потом произносила краткое заявление о том, что она не станет брать призы себе, а отдаст их нуждающимся, и снова гром аплодисментов, переходящих в овацию, и фотографии в газетах и в шестичасовых новостях, и даже в полуночных, она улыбается, а люди на улицах скандируют: МЫ ЛЮБИМ САРУ, МЫ ЛЮБИМ САРУ, МЫ ЛЮБИМ САРУ, — она вздохнула с улыбкой и обхватила себя за плечи. Однако каждый день по утрам она стала чувствовать себя странно. Она задергивала тюль и занавески, время от времени подходила к окнам, чтобы посмотреть, чуть отодвинув занавеску, не наблюдает ли кто за ней, пытаясь обозреть как можно большую территорию и при этом не выдать своего присутствия «шпионам», а потом снова возвращалась в свое кресло и краем глаза наблюдала за холодильником, который стоял на своем месте молча, напуганный. Иногда она вдруг вскакивала и на цыпочках медленно шла к входной двери, прижималась к ней ухом, и долгое время слушала, задерживая дыхание, чтобы *они* не слышали ее, потом нагибалась к замочной скважине и подглядывала, но *они* всегда успевали исчезнуть из поля зрения прежде, чем она их засекала. Она снова принимала несколько таблеток валиума, садилась в кресло и смотрела все сериалы подряд, хватаясь время от времени за грудь, если какая-нибудь мать беспокоилась о своем сыне, говоря женщине на экране, что понимает ее и знает, каково это — скучать по сыну. Мой единственный ребенок, мой мальчик, а у меня даже его телефона нет. Но он сильно занят, знаете ли. У него свой бизнес. Он профессионал, мой Гарри, и скоро он сделает меня бабушкой, — и Сара успокаивала женщину, говоря, что все будет хорошо, а потом

принимала еще несколько таблеток, и веки ее тяжелели, и неясная печаль саваном окутывала ее, и слезы прокладывали дорожки на ее щеках, когда приходило время вечерних и ночных передач, и даже собственное появление в одиннадцатичасовых новостях не могло утешить ее, и она смотрела на экран сквозь пелену слез, сумбурно молясь о том, чтобы ей наконец пришел ответ с телевидения, и она узнала название и время выхода передачи, и чтобы Гарри приехал к ней в гости со своей невестой, и они бы вместе попили чай, и она бы рассказала им, в каком шоу ее покажут, и надела бы красное платье, — о, Сеймур, ты помнишь красное платье? Бар-мицва Гарри? Что-то не так, Сеймур? Ты тоже придешь на шоу, и мы выиграем все призы и отдадим их бедным людям, им будет так приятно, и у Гарри родится наш внучек, и она будет зорко следить за машинами... Да, с машинами надо всегда быть начеку: когда они так вот медленно ездят по улицам и мужчина смотрит по сторонам, жди беды; и я буду сидеть с моим маленьким внучком, а ее научу правильно готовить фаршированную рыбу, которая так нравится Гарри и... почему ты не разговариваешь со мной, Сеймур? Почему просто стоишь и смотришь на меня? Пойдем уже спать, пойдем, пойдем... и Сара Голдфарб пошла спать, держа Сеймура, Гарри и внука за руки, и телевизор плавал в ее переполненном слезами сознании, и слезы текли из ее глаз, отчего подушка, на которую она преклонила голову, промокла насквозь...

А потом пробуждение утром, включается телевизор, ставится кофе, принимаются фиолетовая, красная и оранжевая таблетки, запиваются кофе, раздвигаются занавески, и делается очередной звонок в «Макдик Корп.», она ждет на телефоне, покачивая головой в попытках припомнить, что именно было сказано, потом сидит и слушает тишину в трубке и буханье сердца, такое громкое и сильное, что, кажется, оно вот-вот выскочит из груди, и пульс барабаном стучит в ушах, и она сидит в кресле, ухватившись за ручки, пульсирующая кровь грозит перекрыть ей дыхание, и вдруг, постепенно, внезапно до нее доходит, что кто-то в «Мак-дик Корп.» хочет не допустить ее появления на телевидении и что, возможно, они порвали и выбросили ее карточку и никто теперь не знает, что она должна участвовать в шоу, — она слышала, что такое бывает, она много раз видела по телевизору, как люди делают подобные вещи, чтобы, например, лишиться кого-нибудь наследства, кто его знает, — так она пойдет и выяснит, кто виноват, и ей заведут новую карточку, и вот она уже надевает чулки и толстые шерстяные носки Сеймура, с трудом впихивает ноги в золотые туфли, надевает пару свитеров на красное платье, сверху теплое пальто, оборачивает шарфом шею и голову и выходит на улицу, решительно и без колебаний, невзирая на холод и снежную кашу под ногами, идет к подземке, не слыша ни людей, ни машин, склонив голову, сопротивляясь порывам ветра с мокрым снегом, бормоча себе под нос, засматриваясь на рекламу, узнавая продукты, рекламируемые по телевизору, и вспоминая передачи, откуда она про них узнала, рассказывая людям о том, что скоро ее можно будет увидеть по телевизору и что она будет помогать бедным, а ее Гарри будет с ней, а люди продолжали читать свои газеты или смотреть в окно, игнорируя ее, словно ее не существует, а когда она вышла из вагона, одна пара переглянулась, пожав плечами, следя краем глаза, как она идет по платформе, продолжая бормотать, потом вверх по лестнице на улицу, крепко стягивая под подбородком концы шарфа, похожая на бабушку из русских фильмов, поскальзываясь на обледенелом тротуаре в своих золотых туфлях, однако упорно продираясь сквозь ветер и снег к цели, к зданию на Мэдисон-авеню, и вот она поднимается на лифте, не обращая внимания на изумленные взгляды, к приемной «Макдик Корп.», где спрашивает секретаря, почему ее не

соединяют с Лайлом Расселом, и пульт перед женщиной жужжит и мигает лампочками, однако та смотрит, не в силах пошевелиться, на изможденное лицо Сары с прилипшими мокрыми прядями рыжих волос, с черными кругами под глазами, толстые шерстяные носки вылезают из золотых туфель, Сара трясется, говорит что-то бессвязное, постоянно повторяя свое имя, и вскоре секретарша узнает это имя и просит ее присесть на минутку, и звонит в несколько программных отделов, объясняя им, кто пришел и что происходит, и вскоре уже несколько человек пытаются успокоить Сару и убедить ее пойти домой, а она говорит, что не пойдет домой до тех пор, пока ей не скажут, в каком шоу она будет участвовать, вода течет по ее лицу, и вся ее одежда, даже ее красное платье, измялись, промокли, бабушкин шарф съехал набок, и Сара Голдфарб выглядит как жалкий мокрый мешок, полный страдания и отчаяния, она медленно садится в кресло, и ее слезы смешиваются с тающими снежинками и капают на подол ее красного платья, в котором она была на бар-мицве Гарри, кто-тодалей чашку горячего бульона: вот, выпейте немного, чтобы согреться, — и придерживал чашку, пока она пила, и две другие девушки провели ее в маленький кабинет и попытались успокоить ее, кто-то вызвал врача, скорая уже выехала, и Сара сидела в кресле, мокрая и помятая, всхлипывая и рассказывая, что она отдаст все призы бедным: мне не нужны призы, они могут осчастливить других людей, я просто хочу участвовать в шоу, я так долго ждала и хочу быть с Гарри и моим внуком, — а они пытались объяснить, что отобрали только несколько человек, и потом, пытаясь успокоить ее, говорили, что нужно время, что, может быть, уже скоро, но ее всхлипывания не стихали, чашка с бульоном периодически подносилась к ее губам, она отхлебывала, а потом появились два санитары, посмотрели на нее секунду-другую и заговорили мягко, успокаивающе: можете ли вы идти, — а она им сказала, что много раз ходила по сцене в телевизоре и что им надо посмотреть шестичасовые новости, где покажут Гарри, а когда санитар спросил ее имя, ему сказали, что это Сара Голдфарб, а Сара сказала, что она и Маленькая Красная Шапочка сейчас покажут, как надо красиво идти к ведущему, и снова упала в кресло и всхлипывала, всхлипывала, и потом постепенно слегка успокоилась и попросила их позвонить Сеймуру — он отведет ее в салон красоты, и санитары помогли ей подняться и медленно повели к лифту, потом вниз, к машине скорой помощи, которая двинулась сквозь снег и пробки к Бельвью.

К счастью, Сара не осознавала происходящего, не видела коридоров с людьми, комнат, криков, плача, стонов, мольбы, жалоб. Они не проникали через ее барабанные перепонки, а ее глаза не замечали избитые, окровавленные, больные тела. Ее болезнь изолировала ее в кокон боли. Когда все необходимые бумаги были заполнены и доктор быстро осмотрел ее, прочитав отчет санитаров, ее посадили в коляску и повезли к психиатру по другим коридорам, и снова она сидела и ждала своей очереди, и примерно через час ожидания она попала в кабинет, доктор быстро осмотрел ее, глянул ее бумаги, спросил ее имя, и она снова начала плакать и рассказывать ему о Гарри и телешоу, что он подарил ей новый телевизор и что она будет помогать бедным, а доктор кивал и быстро что-то писал: параноидная шизофрения, тщательное психиатрическое лечение с обязательным применением электрошока. Он вызвал санитаров, и Сару увезли на коляске в другую очередь. Через несколько часов Сару наконец отвезли к кровати в коридоре закрытого блока. По коридору расхаживали, шаркая ногами, другие пациенты. Их лица были лишены всякого выражения из-за лошадиных доз транквилизаторов, другие были в смиренных рубашках, третьи были привязаны к кроватям и вопили, плакали или умоляли. Сара лежала на спине, глядя в

потолок, периодически всхлипывая, ее собственное страдание защищало ее от страданий остальных. Неожиданно перед ее кроватью возник молодой врач-ординатор. С усталым видом, зевая, он прочитал предварительный диагноз, прикрепленный в ногах ее кровати. Прочитав комментарии врачей и их имена, он нахмурился. Он посмотрел на нее и заговорил с ней ласково, успокаивающе, одновременно осматривая ее. Иногда Сара ему отвечала, и он улыбался ей, дружески похлопывая по руке. Он прослушал ее грудь, потом попросил ее привстать и послушал ее спину, потом попросил ее поднять руки и согнуть пальцы, а увидев свисающую с предплечий кожу и темные круги под глазами, спросил, не было ли у нее недавно сердечного приступа. Нет, но оно бьется очень сильно. Да, я заметил, ответил он, продолжая одобряюще улыбаться. Ты, мамочка, выглядишь так, словно сбросила много килограммов за короткое время. Она улыбнулась: да, я таки влезла в красное платье для телевидения. Он потрепал ее по руке, называя мамашей, постоянно улыбаясь и мягко и ненавязчиво задавая вопросы, и в конце концов она рассказала ему о лишнем весе, о докторе, о таблетках и много, много раз упоминала Сеймура, Гарри и телешоу. Ладно, мамаша, все будет хорошо, — снова одобряющее похлопывание по руке, — мы вас быстроотремонтируем. Хотите чаю? Он ухмыльнулся, когда она улыбнулась и кивнула: ты хороший мальчик, Гарри.

Доктор дал необходимые указания дежурной сестре — перевести Сару Голдфарб из психиатрии в терапию — и вручил ей карточку пациентки. Она улыбнулась: что, снова Рейнолдс? А кто еще? Он самый большой козел от медицины, который когда-либо существовал. Сестра засмеялась. Послушать его, так каждому необходимо лечение электрошоком. Параноидальная шизофрения... Все беды этой женщины от таблеток, которые она принимает.

Тайрон Си Лав сидел на краю кровати, потирая голову и пытаясь понять, что происходит. Он слышал, как ветер сотрясает окна, — пипец какая холодина, — а ему скоро снова надо на улицу. Чиерт! Кажется, еще недавно было лето и они тусовались в морге, кайфовали, а теперь сраная зима, и дни и ночи будто наезжают друг на друга, и каждый день тянется тысячу лет, и будто не было никакого лета и больше никогда не будет. Что-то где-то не задалось. Еще недавно у них все шло нормально, они приносили домой кучу денег каждый день, а теперь им приходится собирать по центу, чтобы как-то протянуть еще один день без ломки. Чиерт! Блядские улицы, братка, это уж точно. Он повернулся и посмотрел на свернувшуюся калачиком Элис. Из-под одеяла виднелась только ее макушка, девушка казалась такой довольной и умиротворенной, но скоро она проснется и захочет укол. Бля, эта сучка бессонницей не страдает, это уж точно. А если не спит, то залипает. Он улыбнулся: но она все равно отличная баба, прирожденная шлюшка. Он продолжал чесать голову и слушать ветер за окном. Дорогое барахло, легкие деньги, а теперь не могу даже на укол наскрести. Чиерт, откуда же на них это свалилось? Все было так здорово, мы с Элис просто лежали в этой кроватке, и окно было открыто, и занавески развевались от бриза, и мы трепались о всякой ерунде, а теперь чертов ветер того и гляди снесет на хер весь дом. Блин, кажется, кроме неприятностей ничего в жизни не осталось. Не понимаю я этого. Просто не понимаю. Хорошо, что есть деньги на сегодняшний замут. Если, конечно, этот за-

мут вообще состоится. Кто знает, может, какие-нибудь чу-вачки решили собрать в кучу народец с деньгами и ограбить их? Понятия не имею, что там вообще будет, друг, на улицах становится очень опасно, нах, каждый день все хуже и хуже. Большая рыба кушает маленькую... Бля, если ты маленькая рыбка, считай, у тебя большие проблемы, брат... серьезные проблемы. Ничего, кроме неприятностей. Мы должны держаться и не сдаваться. Хотя бы для того, чтобы замутить сегодня без проблем. Нам нельзя оставаться там, на холоде, и крутить своими красивыми задницами, черт, ненавижу эти заморочки. Он встал и пошел в ванную, оперся на стену одной рукой, встал над унитазом, держа в другой руке свой прибор, и, обозрев его со всех сторон, стряхнул с него последние капли. Черт, скоро мне снова надо вылезать на этот блядский холод. Надо бы потрахаться перед выходом. Он присел на кровать рядом с Элис, слегка стянул вниз одеяло, погладил ей шею, перевернул на спину и поцеловал взсос, одновременно лаская рукой ее груди: давай, женщина, просыпайся. Если мне захочется мертвую киску, я и в морг могу пойти. Элис, моргая, недоуменно смотрела на него: тебе чего? Чиерт, а как ты думаешь? И он перебрался через нее на свою половину кровати и притянул ее к себе. Я хочу немного той сладкой штучки, которая у тебя там, женщина, — и он погладил ее живот и ниже, целуя ее в шею, и Элис захихикала, пытаясь проморгаться, я ведь еще даже не проснулась и не поправилась. Чиерт, твой папочка сделает тебе укольчик, женщина, — и Тайрон Си Лав собрал любовного жара сколько смог в своих костях, мышцах и мозгах, чтобы оградить себя от холода и самого страшного, что могло произойти этой ночью.

Это была самая странная ночь и самое странное зрелище, которое когда-либо наблюдалось в районе. Капитан местного полицейского участка был заранее поставлен в известность о том, какой именно район будет взят в кольцо, чтобы в его границах был обеспечен полный контроль и порядок. словно ты пробирался по полю битвы в разгар сражения, и внезапно, повернув за угол, вдруг обнаружил себя в демилитаризованной зоне. Улицы были пусты. В заброшенных зданиях не горели костры. Не было видно даже одинокого бомжа, укрытого матрасом. Зона запустения тянулась на пять кварталов в радиусе от точки «икс». В этой зоне даже не было полицейских машин — они патрулировали границы. Проникнуть туда можно было, только пройдя через один из спецпостов, где ребята с автоматами-«томпсонами» и рациями обыскивали каждого, прежде чем пропустить внутрь. Все оружие оставалось за пределами зоны. Когда чувакам говорили, чтобы они сдали оружие, те кричали и матерились. Че за херню ты несешь? Ты хочешь, чтобы я вошел туда с пятью сотнями, купил героину и меня бы тут же кинули, на хер? Бля, да ты просто мозги просрал, мужик. Тогда, считай, ты потерял свой кайф, гондон, ствол «томпсона» направляется парню в лицо, и тот разворачивается и уходит, матерясь и плюясь во все стороны, а через некоторое время возвращается уже чистый. Я все заныкал, вашу мать. Они тщательно обыскиали его и кивнули, пропуская внутрь. Если меня там кинут, я с твоей жопы не слезу. Ага, подай на меня в суд. Парень продолжал материться себе под нос, но все же пристроился к очереди, растянувшейся на кварталы, хотя на часах было только 8:30, а барыга должен был приехать к десяти.

Гарри и Тайрон решили, что будет умно разделить деньги пополам и приклеить скотчем по чуть-чуть по всему телу, пока они будут осматриваться, оставив в карманах по несколько долларов на случай, если их попытаются ограбить. В зону они вписались без проблем и

продолжали зорко следить за обстановкой, идя к пункту раздачи. Через каждые пол квартала стояли машины с автоматчиками на крыше и человеком с рацией внизу. Чирт, ты врубаешься в эту тему, чувак? Ага. Я, типа, словно в киношку попал. Оба подняли воротники своих пальто. Я никогда не чувствовал себя так стремно, братка. Они шагали по щебню и кирпичной крошке разрушенных зданий, их сгорбленные силуэты четко виднелись в сумерках, тишина была странной и причудливым образом пронзала глаза и уши. Они подошли к очереди, в которой уже стояло человек сто, а то и больше, все выстроились, кто стоя, кто полусидя, вдоль кирпичной стены, согбенные, дрожащие от холода, пытаясь не смотреть на направленные на них автоматы, стараясь держаться с достоинством, круто, чтобы у кого-нибудь в этой накаленной обстановке не возникло неправильной мыслишки, и все стояли спокойно, насколько возможно, переминаясь с ноги на ногу, руки глубоко в карманах, вытирая носы плечами, ребята в драных кедах оборачивали ноги и тела газетами, чтобы хоть как-то удержать тепло. Гарри и Тайрон знали многих ребят и обменялись с ними рукопожатиями, думая, что сами они до такого никогда не дойдут, что их никогда не будет настолько сильно кумарить, чтобы жить только ради дерьма. Каждую минуту кто-нибудь интересовался временем, иногда охранники отвечали, а кто-нибудь просил: не спрашивай ты постоянно время, из-за тебя оно так долго и тянется, уймись, понял? И все равно все думали: побыстрее бы оно прошло, — и старались игнорировать идущий изнутри и снаружи холод, от которого леденели кости, а охранники в теплых арктических куртках и шерстяных масках просто молча смотрели на них, похожие на героев фантастического фильма, и облачка пара, вылетающие из их ртов, были видны более отчетливо, чем их лица, хотя не так ясно, как их автоматы. В десять минут одиннадцатого подъехал огромный черный «кадиллак», из которого вышли два парня с «томпсонами», потом еще двое и, наконец, кутающийся в шерстяное пальто мужик с большим чемоданом в руке. Он пошел в дом, в то место, где когда-то находилась прихожая, а сейчас был установлен и выключен обогреватель, и мужик встал рядом с ним на коврик. Ребят по одному подводили к нему, один из охранников брал деньги, пересчитывал их и клал их в стальной ящик, и тогда заплативший получал свой порошок в полиэтиленовом мешочке и уходил. Выйдя из «зоны» люди старались как можно быстрее раствориться в ночи. Всем дали слово, что сегодня полицейские никого забирать не будут, по крайней мере в радиусе мили, но какой идиот верит полицейским. Некоторые бежали к спрятанным стволам, брали их и бежали по улицам, держа в одной руке пакетик с героином, в другой пистолет; другие устремлялись к припаркованным машинам, где их дожидались подельники, и они быстро срывались с места, хлопая друг друга по рукам и судорожно сглатывая при мысли о скором приходе, а некоторым не повезло: они были найдены либо с пулей, либо с проломленной башкой.

Люди двигались быстро, но все равно своей очереди приходилось ждать часами, впрочем, никто не протестовал, зная, что находится на прицеле пары-тройки пушек. Гарри с Тайроном скотчем приклеили пакеты к телам, а выйдя на улицу, подобрали пару камней и пошли строго по центру улицы, имея 360-градусный обзор на двоих. Они не выбросили камни, даже сев в такси, и держали их наготове до тех пор, пока не добрались до квартиры. Первым делом они поставились, потом разбавили героин, расфасовали его по пакетикам, и каждый взял себе половину для своих клиентов. Потом они решили удвоить цену и сделать чеки чуть меньше обычного. Ситуация была напряжной, и многие торчки готовы были заплатить вдвое, даже если чек был немного легче, чем всегда.

Гарри и Мэрион сидели, наслаждаясь теплом и чувством защищенности, слушая щелчки обогревателя и глядя на пакетики с героином, лежавшие на столе перед ними. Ты хочешь все это продать, Гарри? Да, а что? А что, если мы не сможем достать больше? Что нам тогда делать? Должно быть еще. Но представь, что ничего нет, — в голосе Мэрион появилась паника, ты же знаешь, как трудно было в последнее время. Но сегодняшний вечер — это только начало. Мэрион повернулась к Гарри и посмотрела ему прямо в глаза: я так не считаю. О чем ты говоришь? Не знаю. Просто у меня такое чувство. Но я не хочу больше страдать, Гарри, я не хочу больше просыпаться и не иметь укола на утро. Да и мне не хочется, но для бизнеса плохо, если вовремя не выкидывать кайф на улицы. Теперь, когда они подняли цены на героин, кайфа на улицах будет много. Мэрион покачала головой: у меня плохое предчувствие, Гарри. Не продавай товар, — впервые в глазах Мэрион появился страх, а в голосе послышались умоляющие нотки, — подожди, чтоб знать наверняка, что будет еще... пожалуйста, Гарри, умоляю, — ее тело было напряжено, расширенные глаза смотрели в одну точку. Не переживай, мы всегда сможем найти кайф. Мы не останемся на кумаре.

Доктор Спенсер стоял напротив доктора Харвуда, заведующего отделением, руки в карманах сжаты в кулаки, желваки ходят мощно, до боли. Доктор Харвуд откинулся в кресле за письменным столом и нахмурившись смотрел на доктора Спенсера: вы какой-то вздыбленный. Лучше сядьте, отдохните. Тот сел и, глубоко вздохнув, попытался расслабить мышцы тела, но оно продолжало ныть от слишком долго сдерживаемой ярости. Доктор Харвуд продолжал хмуриться: так в чем дело, коллега? Вы сказали, это срочно. Доктор Спенсер глубоко вздохнул, закрыл на секунду глаза и медленно выдохнул: доктор Рей-нолдс.

Доктор Харвуд строго посмотрел на него: я уже говорил вам, если хотите враждовать с доктором Рейнолдсом, делайте это в свободное время. Это не имеет отношения к личной вражде, речь идет о правильном лечении пациентов. Доктор Харвуд устроился в кресле поудобнее: хорошо, что на этот раз? Доктор Спенсер изо всех сил пытался успокоиться и взять себя в руки, но с каждым словом ему было все труднее сдерживать свою ярость. Он сделал еще один глубокий вдох: Сара Голдфарб поступила в госпиталь в состоянии полной дезориентации, и доктор Рейнолдс диагностировал параноидальную шизофрению и отправил в отделение психиатрии с рекомендацией применения электрошока, как обычно. Я осмотрел ее и выяснил, что она принимала диетические таблетки и валиум и не ела нормально в течение нескольких месяцев... Он на секунду остановился, пытаясь унять гнев... Я перевел ее в терапевтическое отделение. А сегодня утром я обнаружил, что мои указания были отменены доктором Рей-нолдсом и что пациентка все еще находится в психиатрии, мало того, он еще оставил предыдущие указания в силе, полностью проигнорировав мои распоряжения. Доктор Спенсер покраснел и даже слегка вспотел, сдерживая бурлившие

внутри чувства. У него есть авторитет и право поступать так, доктор. Я не обсуждаю правомочность его действий, я говорю о правах пациентов на получение профессионального ухода. То есть вы хотите сказать, что она *не* получает его в нашем госпитале? Я хочу сказать, что ее проблема медицинского, а не психиатрического свойства. Нужно просто дать ей как следует отдохнуть, поесть, очистить ее организм от стимуляторов и депрессантов, которые она принимала, и она вскоре поправится. Доктор Харвуд посмотрел на него холодным взглядом: это вы так считаете, доктор. Это не просто мое мнение, это доказывает мой опыт. За последние восемь месяцев я принял шесть пациентов с теми же симптомами, направленных ко мне доктором Рейнолдсом, я назначал им обычное лечение, и они поправились полностью менее чем за месяц *без* применения электрошока и психотропных препаратов. Доктор Хар-вуд посмотрел на него и медленно заговорил: да, я знаю. Именно поэтому он и отдал соответствующие указания. Вы не можете менять распоряжения других врачей, в противном случае... — Даже если эти распоряжения не только некомпетентны, но и опасны для здоровья и душевного состояния пациентов? Доктор Харвуд медленно и с выражением бесконечного терпения моргал, глядя на него: я не считаю, что вы можете судить о компетенции врача, специализирующегося в той области медицины, к которой вы так враждебно настроены, и у которого намного больше опыта, чем у вас. Я с вами не согласен. Причем абсолютно. И этот отчет является доказательством моей правоты. Если кто-то страдает зубной болью, вы не посылаете его к ортопеду. На что это вы намекаете? Это просто означает, что больные с заболеваниями ясной природы не должны попадать в психиатрическое отделение, а с этой женщиной, как и с большинством других, случилось именно это. Доктор Харвуд мягко постукивал кончиками пальцев по столу: и все же это ваше личное мнение, отличающееся от мнения доктора Рейнолдса. Рей-нолдс — просто тупица. Не смейте высказывать обидные замечания о персонале больницы в моем присутствии, доктор, — взвился доктор Харвуд, глядя прямо в глаза Спенсеру, — а также о решениях, с которыми я полностью согласен. Вы хотите сказать, вы одобрили это? Конечно. Но как вы могли, особенно после того, как прочитали мои замечания в ее карте? Мне не нужно было читать ее карту. Не нужно было читать ее карту? Вы хотите сказать, что обрекли кого-то на электрошок, даже не заглянув в карту? Да ладно вам, доктор. Это просто смешно и глупо, говорить, что я кого-то там «обрек». Но в ее случае нет необходимости в применении электрошока — я уверен, что смогу вылечить ее за пару недель при условии нормального питания и покоя. Доктор Спенсер, мне уже начинает надоедать ваша антирейнолдская речь. Позвольте мне еще раз напомнить вам, что он находится на более высокой должности, чем вы, и хотя бы поэтому вы не можете повлиять на его действия. Вы меня понимаете? Но разве вам наплевать на здоровье пациента? Доктор Харвуд наклонился к доктору Спенсеру, глядя ему в лицо: моя работа заключается в том, чтобы вверенное мне отделение функционировало без проблем, с минимальным количеством конфликтов и неприятностей. Это моя работа и моя задача. Я ответственен за то, чтобы самое большое отделение в одной из самых больших в мире ~ в мире! — больниц функционировало с наибольшей эффективностью. Я отвечаю за тысячи людей, и в этом и заключается моя работа — да-да, не один пациент, а тысячи, да, тысячи людей зависят от моей способности делать свое дело хорошо, а не тратить попусту время на ваши ссоры. Вы уже неоднократно вступали в конфликт с доктором Рейнолдсом без видимых на то причин, и я закрывал на это глаза. Без видимых причин!? Да как вы... — ПОМОЛЧИТЕ! Мне *интересно* ваше мнение о компетентности других врачей! Я должен делать свое дело. Но эта женщина... — Я уже

сказал вам, мне наплевать на эту женщину. Даже если вы правы в своем диагнозе и выводах, самое худшее, что ее ждет, это несколько ненужных сеансов электрошока. Самое худшее? Доктор Харвуд в упор смотрел на Спенсера, придвинувшись к нему почти вплотную: вот именно. Самое худшее. Даже если вы правы и я пойду у вас на поводу, это вызовет разброд среди персонала и нарушит работу отделения, что вызовет гораздо более серьезные потери, чем несколько месяцев в жизни этой женщины. Доктор Спенсер выглядел оскорбленным и изумленным: мне казалось, вы ответственны прежде всего за здоровье больных. Доктор Харвуд внимательно посмотрел на него: не будьте наивным, доктор. Доктор Спенсер смотрел на него, чувствуя себя опустошенным, ощущая во рту свинцовый привкус. На его глаза наворачивались слезы. Доктор Харвуд продолжал смотреть на него, потом, вздохнув, откинулся в кресле. Конечно же, если вас не устраивает положение вещей в нашей больнице, вы всегда можете найти другое место работы. Это ваше право. Доктор Спенсер смотрел прямо перед собой, доктор Харвуд и вся остальная комната превратились в размытое пятно. Его тело обмякло и стало ватным. Его мозг словно разбух. Внутри была пустота. Он закрыл на секунду глаза, затем покачал головой. Доктор Харвуд продолжал постукивать кончиками пальцев по столу: я уверен, у вас будет и так много работы в отделении, доктор. Доктор Спенсер кивнул и встал, чтобы уйти. И позвольте мне напомнить вам кое о чем, доктор... Гармония — мать успеха. Всего доброго.

Радиаторы продолжали щелкать, но им все равно было холодно. Паника продолжалась, и они снова вернулись к прочесыванию улиц, доставая героина лишь на то, чтобы продержаться. Мэрион держала в доме солидный запас снотворного, которое доставала через знакомых врачей, но, несмотря на это, почти постоянно находилась в истеричном состоянии. Каждое утро, когда они просыпались и у них ничего не было на поправку, поскольку они истратили все ночью, поддавшись предательским мыслям о том, что все будет нормально и утром их не будет ломать, она становилась истеричной и тряслась, делая укол растертой в порошок и смешанной с водой таблеткой снотворного, часто промахиваясь и сжигая кожу, и рука распухла и краснела, и она кричала, что это Гарри виноват в том, что у них нечем поправиться утром. Да что ты несешь, дура? Это ты не мог вчера удержаться и решил догнаться. Ну, одного чека маловато. Это не моя вина, что героин такой слабый. Мне нужен был второй укол. Не пори чушь. Ты мог продержаться до утра на одном чеке. Ты бы нормально залип и нормально уснул. Ты знаешь, что я не залипаю с чека. И вообще, раз я мог бы протянуть на чеке до утра, то почему же ты не смогла? Да ты достал своими уговорами поставиться на все. Ну да, а почему нет-то? А что мне оставалось? Сидеть и смотреть, как ты ставишься, и не ставиться самой? Не фига сваливать все на меня, вот так. И оставь меня в покое. Я из-за тебя вчера задула под кожу, и теперь вот вся рука распухла, и я не знаю, куда мне теперь ставить. Это еще почему? И вообще, кому сейчас придется переться на холод и искать, где замутить? Ну, это ведь только ты можешь сделать. Если бы я могла, я бы сама пошла. Меня совсем не радует сидеть здесь и ждать. На хер всё. Просто дай

мне поставиться, и я пойду посмотрю, что там происходит. Гарри сварил оставшиеся ватки и, делая укол, представлял, будто это целый чек, пытаюсь убедить себя в том, что его прет сильнее, чем на самом деле, и хотя он в этом не преуспел, его все же слегка поправило, и он смог влить в себя чашку какао. И когда его разум и тело начали понемногу расправляться, он увидел, как Мэрион пытается сделать укол левой рукой, трясаясь при этом так, что наверняка не сможет попасть в вену, и Гарри решил помочь ей. Господи, да ты убьешь себя. Он затянул на ее предплечье жгут и массировал ей руку до тех пор, пока на поверхности не показалась нормальная вена, после чего воткнул в нее иглу, и они оба стали напряженно смотреть за контролем, а когда кровь попала в шприц, Мэрион потянулась к поршню: дай я сама. Гарри пожал плечами и отодвинулся в сторону. Мэрион выдавила содержимое шприца в вену, пару раз прокачала, закрыла глаза, когда горячая волна прокатилась по ее телу, а в голову немедленно ударила волна тошноты. Когда все улеглось, она поставила шприц в стакан с водой. Ты как, в порядке? Мэрион кивнула. Ты лучше приляг. А то сожжешь себе на фиг вены. В случае чего просто выпей пару таблеток, как раньше, и попей какао. Мэрион молча посмотрела на него, и Гарри, пожав плечами, промолчал. Они оба знали, что это предложение абсурдно, что надо не просто глотать таблетки — неважно, насколько от них станет хорошо, — а воткнуть лишний раз иглу в руку. Это было далеко не то же самое. Нужно было уколиться, неважно чем.

Позвонил Тайрон и сказал, что на улице какое-то движение, и Гарри быстренько выскочил из дома. Они объединили свои капиталы, потому что героин доставал Тайрон, но каждый держал при себе на пару-тройку пакетиков, ничего не говоря другому. Это получилось как-то само собой, ни один из друзей не задумывался и даже не планировал этого. Они просто зажимали деньги, говоря друг другу, что это все, что у них есть. Они решили раскошелиться на такси, чтобы побыстрее добраться до места, не желая упускать мазы из-за опоздания. Это было другое место и другая тема, поэтому им пришлось ждать на улице, переминаясь с ноги на ногу, засунув руки в карманы, стараясь стоять спиной к холодному пронизывающему ветру. Им было так холодно, что они не могли даже выкурить сигарету, а в кафе заходить не хотели, боясь упустить человечка. Так что они ждали и молились, чтобы это не оказалось фуфлом. Мэрион сидела за кухонным столом, попивая сначала какао, потом кофе, пытаясь придумать способ отключиться от мыслей, занять чем-нибудь мозги, но все, на что она была способна, это сидеть и стараться не смотреть на часы или смотреть, но не замечать время. Она едва не засмеялась, внезапно вспомнив чью-то фразу: *они служат тем, кто сидит и ждет*. Ждет! Господи, кажется она всю жизнь провела в ожидании. Но чего???? В ожидании *жизни*. Да, верно, в ожидании жизни. Кажется, она подумала про это во время очередного курса терапии. «Ожидание жизни». Отношение к жизни как к ее репетиции. Она все это знала. В этом не было ничего нового. Если она правильно помнила — если она вообще что-то правильно делала, — психиатр, которого она посещала, когда ухватила эту мысль, счел ее... проницательным наблюдением... проницательным... Она усмехнулась: наверное, это было до того, как я стала с ним спать... Проницательное наблюдение. Он никогда не слышал о Генри Джеймсе и «Звере в чаще». Скорее всего, не слышал. Но в постели он был не хуже Генри Джеймса. Мэрион устала в чашку с кофе. На стенках чашки был налет от частого использования и редкого мытья... Как зверюга из чащи... Он говорил, что с такой проницательностью, умом и талантами я должна на раз справиться со своими проблемами и настроиться продуктивно. Его любимое слово —

продуктивно. И еще — сублимация. Это то, чего они все от тебя хотят — чтобы ты сублимировала и была продуктивна. Она усмехнулась: только не проецируй. Очень просто. Еще одно слово! Просто. *Просто* сделай так. Ты спрашиваешь у них, как тебе быть, а тебе говорят: *просто* сделай так, и все дела. Теперь, когда ты знаешь, в чем твоя проблема, *просто* перестань делать то, что ее вызывает. Вот так, просто. Одно и то же. *Просто* сделай это. Просто! Она посмотрела в свою пустую чашку, думая о том, что ей ужасно хочется еще кофе, но не могла себя заставить сдвинуться с места, чтобы взять кофейник, долить кофе, потом еще насыпать сахар и налить сливки, и она попыталась сделать это усилием воли — да-да, именно так. Теперь картинка была полной. *Просто* заставь себя, усилием воли. Она смотрела в пустую чашку...

В конце концов она встала, чтобы налить кофе, но кофейник оказался пустым, и она просто посмотрела на него и пошла в гостиную, включила телевизор и постаралась, чтобы он полностью занял ее мысли, однако по-прежнему посматривая на часы, думая, удалось ли Гарри купить «лекарство» и хватит ли у него терпения донести все до дома, чтобы у них было достаточно кайфа для поправки, а потом до нее постепенно начало доходить, насколько тупым был сериал, но она продолжала его смотреть, удивляясь, как, черт побери, им не стыдно показывать что-то настолько абсурдно-инфантильное, интеллектуально и эстетически оскорбительное по телевидению, но продолжала смотреть, покачивая головой и все больше погружаясь в этот телевизионный бред, потом внезапно откинулась назад, когда в перерыве пошла не менее бредовая реклама, но продолжала смотреть, думая, какой кретин может смотреть на это дерьмо и вестись и на самом деле идти и покупать это барахло, — и она качала головой: невероятно, это просто невероятно, каким образом им удастся запускать столько наглой рекламы, одну за другой, это просто нереально, — а потом снова пошел сериал, и она наклонялась вперед с мрачным лицом, следя за предсказуемыми событиями, и время шло, и она ждала, когда что-нибудь наконец произойдет...

Тайрон и Гарри уже отморозили себе задницы. Ко всему прочему на улицах было стремно. Полицейские были на каждом углу. Если у тебя есть что-то при себе, лучше валить с улицы подальше, старый, потому что мусора сегодня работают по-серьезному. Они переговаривали со множеством торчков, пытаясь узнать, где могут происходить движения, но старались тратить на трепло поменьше времени — вдруг у кого-нибудь с собой шприцы или еще какое палево, чтобы их не замели за сговор. Они много ходили, но старались поменьше светиться. Им не хотелось упустить барыгу Тай-ро-на, но и примерзать к земле тоже не хотелось. Они узнали про чувачка, у которого был неплохой кайф. Причем никто не знал, сколько именно. Одни говорили грамм, другие — что чуть ли не грузовик, однако он ничего не продавал. Он давал только за пизду, чувак. У этого гондона одна зависимость — девочки. Он просто помешан на бабах. Причем только на самых клевых. Ну, типа, просто моделях, нах. Я ему говорю, мол, дам тебе че хочешь, а он сказал, что я ему *не подхожу*. Гарри и Тайрон хохотнули, но из-за холода на их лицах отразились лишь какие-то убогие улыбки. Наконец человек Тайрона пританцовывая прошагал мимо них по улице, и через пару минут Тайрон последовал за ним. Вскоре Гарри увидел его дальше по улице и пошел следом. А когда Тайрон стал ловить такси, его сердце забилось быстрее, в глотке появился знакомый привкус, а кишки будто связались в узел от предвкушения. Он запрыгнул в машину и закрыл дверь. Тайрон улыбался. Телевизор все еще работал, но Мэрион уже не сидела на диване.

Она была в ванной и поливала руки горячей водой, отчаянно растирая и накачивая их в попытках найти вену, чтобы уколиться раствором из дважды кипяченных ваток. Она тряслась, плакала и проклинала Гарри за то, что его до сих пор нет, пыталась перетянуть левую руку жгутом, но не могла сделать этого как надо и в конце концов схватилась за голову, о-оооооооо, потом стала бить себя по голове, села на край ванны, соскользнула с нее на пол и начала стучать кулаками по полу, всхлипывая от ярости. Она не слышала, как вошел Гарри. Что ты делаешь? Она непонимающе посмотрела на него, потом выпрямилась: ты где был? Я жду тебя целый день — А где ты, черт возьми, думаешь? — Я не могу больше так — Ты не можешь больше, — Мэрион трясло, она не могла говорить: ты слышишь меня? Я хочу, чтобы у меня всегда было на утро — Да что за херня с тобой? — Ты меня слышишь? **ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ? ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?** Глаза Мэрион широко раскрылись, и она схватила Гарри за пальто, тряся его: я не усну, если у меня не будет укола на утро, я больше так не могу, я больше не могу терпеть ломку и ждать тебя сто лет — Ты что, думаешь, я в игры с тобой играю? Он схватил ее за руки и держал, пока ее не отпустило, — ты хочешь поправки на утро, а у нас появился чувак, у которого есть кайф, но он не продает его. Мэрион уставилась на Гарри таким же взглядом, с каким смотрела телевизор — широко открыв глаза, не веря своим ушам, но желая слушать дальше. Дикая истерика не давала ей упасть в обморок, ей еще хватало сил стоять прямо. Ее рот открылся. Он тащится от девок. Мэрион продолжала смотреть на него. Если тебе так хочется, могу свести тебя с ним. Ее рот закрылся. Тогда тебе не придется ждать так долго... а мне морозить задницу на этих сраных улицах, — Гарри вырвался из ее рук, стал медленно стягивать с себя пальто и свитер, швырнул их на диван, сел за стол и развернул пакетики с героином. Несколько секунд Мэрион смотрела на него, потом моргнула и пошла к нему, потом остановилась, увидев, что он встает, и вернулась в ванную. Думаешь, ты сможешь найти вену? Она кивнула и начала перетягивать руку жгутом. Гарри покачал головой: охренеть можно, — потом сам затянул ей жгут и потер ее руку как следует, пока не показалась пара подходящих вен, — есть. Он набрал раствор в шприц и поставил ее и себя. Мэрион не осознавала, насколько мышцы ее лица и тела были напряжены, пока наркотик не начал согревать ее и она наконец начала расслабляться. Они побросали свои шприцы в стаканы с водой и некоторое время просто сидели на краю ванны: Гарри ждал, пока героин смоем воспоминания о холодных улицах, а Мэрион почувствовала, как к ней возвращается чувство защищенности, которого ей так не хватало. Она прижалась к Гарри: я не понимаю, что со мной, просто все становится хуже и хуже, я не знаю, что происходит, но мне кажется, я схожу с ума. Да, я знаю. Это тяжело. Ну что я могу сказать, рано или поздно все наладится. Так просто не может продолжаться вечно. Она смотрела прямо перед собой, кивая: все, я так больше не могу. Но тебе же не настолько плохо. Мы с тобой ставим одинаково, и я... — Для тебя это по-другому. Мэрион покачала головой: я... я... Я не знаю почему, но это так. Я больше не могу без утреннего укола, просто не могу, — ее голос смягчился, хотя в нем еще слышались истерические нотки. Гарри поглаживал ей шею. Она шевельнулась, все еще смотря перед собой, и встала: пойдём. Гарри спрятал героин, и они сели за стол. Сколько у нас есть? На пару дней хватит. Почему мы не можем просто оставить все себе? Господи, Мэрион, мы с тобой сто раз об этом говорили. Мы *должны* скидывать какое-то количество. Таким образом у нас будут деньги, чтобы купить *еще*. Мэрион кивала, ее паника прошла, однако страх остался. Она посмотрела на свой стакан с содовой, потом на Гарри, без всякого выражения: я понимаю, Гарри. Просто я... Просто... Она пожала плечами и смотрела на него несколько секунд, потом,

опустив взгляд, снова уставилась в стакан. Это паника, что еще можно сказать. Мэрион снова посмотрела на него, кивнула, и, поморгав, постаралась изобразить на лице понимание и одобрение. Некоторое время она изучала сигарету, потом опять перевела взгляд на стакан, ты уверен, что этот парень не станет продавать? Какой парень? Тот, у которого есть, но не на продажу. А, тот, который по девкам прикалывается. Мэрион кивнула, по-прежнему глядя на стакан, лишь иногда на секунду поднимая глаза. Абсолютно точно не продаст. А что, у тебя есть какие-то мысли на его счет? Мэрион не отрывала глаз от стакана, продолжая играть с сигаретой: мне нужно больше, чем на день, я так больше не могу... А что, если его товара хватит ненадолго??? Гарри пожал плечами, стараясь не замечать холод внизу живота, но тут даже героин не работал, хотя обычно помогал ему верить в то, во что ему хотелось. Он силился что-нибудь сказать, но он не находил способа связать слова вместе, хотя с самими словами проблем не было. Он продолжал пассивно следить за происходящим, плыть по течению, как сказала бы Мэрион. С таким раскладом, какой был сейчас, он в любой момент мог оказаться ни с чем. Мэрион смяла сигарету в пепельнице, очистив бычком ее центр и размазывая пепел по краям: наверное, стоит решить это дело прямо сейчас. Гарри затянулся и пожал плечами: как хочешь. Она, продолжая рисовать бычком узоры на пепле, кивнула и пробормотала: хочу. Тоненький голос внутри Гарри с облегчением сказал: ну и слава Богу.

На первый сеанс электрошока Сара шла равнодушно. Она понятия не имела, куда ее ведут, и вообще слабо представляла, где она находится. В течение дня были редкие моменты, когда она пыталась осознать происходящее и сориентироваться, испытывала слабое подобие эмоционального просветления, но потом ей давали очередную дозу торазина, и на нее снова опускалось тяжелое оупляющее облако, руки и ноги становились невыносимо тяжелыми, низ живота ныл, а язык становился сухим и так распухал, что намертво прилипал к нёбу, и все попытки заговорить отдавались болью в голове, причем для этого приходилось собирать всю энергию, но сил, чтобы отлепить язык от нёба, просто не находилось; при этом ей казалось, будто на ее веки кто-то давит большими пальцами, поэтому ей приходилось поднимать голову, чтобы видеть, но даже тогда она смотрела словно сквозь туман, поэтому она просто лежала, оглушенная, сбита с толку, сонная... потом снова просыпалась и снова засыпала... постоянно чувствуя тошноту и время от времени безуспешно пытаясь сесть, поэтому ее поднимали и кормили с ложечки, и еда вываливалась из ее рта, и ей хотелось сказать: прекратите — и поесть самой, но она не могла говорить из-за вызванной лекарством апатии, поэтому ее слова превращались в хрипы, и санитары снова держали ее и запикивали еду ей в глотку, зажимая ей нос и рот, чтобы заставить глотать. Глаза Сары были широко открыты в немом ужасе, удары сердца гулко отдавались в ушах и груди, а она не могла даже взмолиться о помощи, и чем больше пыталась противиться, тем сильнее они раздражались и грубо запикивали еду ей в рот, разрывая уголки рта и рая десны, и Сара вновь чувствовала, что задыхается, и пыталась глотать как можно быстрее, но в ее организме просто не хватало энергии на это, и она изо

всех сил пыталась выплюнуть еду, чтобы глотнуть воздуха, но чем сильнее она сопротивлялась, тем сильнее они наваливались на нее, прижимая к кровати до тех пор, пока отвращение не брало верх, и они уходили, и Сара сворачивалась на кровати в маленький комочек, пытаясь исчезнуть, а через пару дней ее лицо стало искажаться в ужасе каждый раз, когда она слышала грохотание тележки с едой по коридору.

Доктор Рейнолдс, стоявший у ее кровати, хмурился, читая ее карту. Вы не хотите нам помогать, миссис Голдфарб. У него был пронзительный голос, и говорил он угрожающим тоном, а Сара пыталась поднять руку и подняться сама и сказать этому доктору, что она не может двигаться, что ей кажется, она умирает, она очень боится, она смотрела на него умоляющими глазами, рот ее открывался, но из него выходили только бессвязные звуки, а он продолжал смотреть на нее: вы, наверное, думаете, что такое поведение обеспечит вам привилегии, однако у нас нет времени на то, чтобы возиться с каждым по отдельности. Он резко захлопнул папку с ее каргой, развернулся и пошел прочь. Сунув карту медсестре, он распорядился начать курс электрошока на следующее утро. Сара безропотно подчинилась. Находясь в полукоматозном состоянии, она надеялась, что ее ведут куда-то, где с ней будут обращаться лучше, может быть, к тому молодому доктору, который был так внимателен и угостил ее чаем. Может быть, она встретит его там, уж он-то будет обращаться с ней хорошо. Она была привязана к креслу-коляске, и ее голова безвольно болталась, когда коляску толкали по коридору, закатывали в лифт, снова катили по коридору. Время от времени к ней на короткое время возвращалось сознание, и она вспоминала, что сегодня утром ничего не ела на завтрак, чувствуя себя почти счастливой, потому что ей не пришлось еще раз проходить через ужасную процедуру кормления. Это обстоятельство заронило в нее надежду, что, возможно, она встретит там этого милого молодого доктора, а потом голова снова падала ей на грудь, и чьи-то руки перекладывали ее на стол, и ее глаза снова что-то видели, но она ничего не узнавала и тряслась и дрожала от страха, когда рядом с ней появлялись и исчезали незнакомые лица, и еще там были лампы, и она не понимала, где она очутилась, хотя что-то подсказывало ей, что это плохое место, и это яркое ощущение пробивалось сквозь лекарственный туман, твердя ей, что необходимо убежать из этой комнаты, от этих людей с бесформенными лицами, спрятанными за белыми масками, что это вопрос жизни и смерти, и она пыталась сопротивляться, но безуспешно, сильные руки растянули ее на столе и привязали, и она чувствовала, что ей стало трудно дышать, что ее сердце вот-вот разорвется, но вот что-то приладили к ее голове, вставили какую-то штуку между зубами, и люди разговаривали и смеялись, но их голоса искажались, превращаясь в невнятный шум, ей казалось, что над ней склонилось множество лиц, и она чувствовала, что ее глаза расширятся до предела, они смотрели на нее, разглядывали, и она слышала смех, а потом лица стали пропадать в дымке, и вдруг ее тело пронзила огненная вспышка, и ей показалось, что ее глаза сейчас взорвутся в глазницах, и ее тело вспыхнуло, потом натянулось стрелой, и ей показалось, что оно сейчас разорвется на кусочки, и боль искрой пролетела сквозь ее голову, ударила в уши и виски, ее тело дергалось и прыгало, и каждая клетка в нем горела синим пламенем, а ее кости трещали в каких-то огромных тисках, и ток все более мощными волнами проходил через ее горящее тело, и оно изгибалось и извивалось и билось о стол, и Сара чувствовала треск костей и запах своей горячей плоти, и она чувствовала, как острые крюки выдирают ее глаза из глазниц, а ей оставалось лишь выдерживать эту боль и вдыхать запах горящего мяса, и не было сил кричать, умолять,

молиться, издавать звуки, даже умереть, прикованная к этой боли, и все ее существо вопило
AAAAAAAAA-AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA-AXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX-
XXXXxxxxxxxx-xxxxxxx...

По дороге к Большому Тиму стояло неловкое молчание. Тайрон обо всем договорился и думал только о героине, который будет у него в крови через несколько часов, и больше ни о чем не помышляя, поскольку не считал себя ответственным за происходившее. Мэрион немного нервничала. В ее душе боролось множество эмоций, но они как следует поправились перед выходом, поэтому все было терпимо, все было возможно. Она знала, что сможет и сделает то, что нужно было сделать, никаких проблем. Она беспокоилась только о том, чтобы Большой Тим ее не кинул и дал обещанный героин. Черт, да не парься ты насчет этого. Большой Тим никогда никого не кидает. Он крутой, но правильный чувак. Мэрион кивнула, затягиваясь сигаретой и думая о героине, который будет у нее в руках, ее *собственный* героин в ее руках, так что ей не нужно будет паниковать насчет утренних ломок.

Гарри сидел в углу, глядя то в окно, то на Мэрион, думая, как именно он должен себя вести, как выглядеть, что говорить и каким тоном... и что он должен чувствовать. Черт, он чувствовал облегчение. Они смогут вмазаться, и им не придется шакалить на холоде, отмораживая задницы... однако что-то определенно было неправильно. Ему не нравилось, что Мэрион будет трахаться с этим чуваком. Да и хрен, тоже мне, какая беда. Он в любом случае не был первым. Если она продаст себя — Нет-нет, она ведь не какая-нибудь шлюха. Она просто помогает достать *лекарство*. Да и что такого, если девчонка трахнет с чуваком? Это ее личное дело. Она свободный человек. Как и все мы. Может делать все, что захочет. На хер всю эту долбаную викторианскую мораль. Куча других телок трахается со своими боссами, это нормально. Они не считают это странным. Бля! На хер! В жопу! Е хлебало! Нужно сделать то, что нужно. И точка. Гарри протянул руку и стал поглаживать шею Мэрион — со мной все в порядке, — а если кто не врубается, это его проблемы, а не мои. Мэрион слегка повернула голову и искоса буквально на секунду взглянула на него, потом снова стала смотреть перед собой, на дорогу. Она чувствовала руку Гарри и не знала, что ей следует сказать или сделать. Должна ли она чувствовать что-то к Гарри? Должна ли она жалеть его? Или себя? А может, она должна *раскаиваться* в чем-то??? У нее было смутное сожаление, но оно не касалось этой поездки к Большому Тиму. Она попыталась определить это чувство, но не смогла, и оно испарилось само по себе, а его место заняло нарастающее предвкушение и еще более сильное ощущение секретности происходящего.

Они зашли в кофейню, Тайрон позвонил Большому Тиму и, выйдя из телефонной будки, дал ей адрес. Это прямо за углом. Встретимся здесь. Если нас здесь не будет, просто подожди. Она кивнула, повернулась и пошла на негнущихся ногах прочь. Гарри смотрел, как она уходит, думая, стоило ли ему поцеловать ее на прощание. Они допили кофе, и Тайрон предложил сходить в кино. В паре кварталов отсюда есть кинотеатр. Думаешь, нам придется ждать *так* долго? Тайрон просто посмотрел на него. Гарри пожал плечами, и они пошли.

Мэрион вышла к большому многоквартирному дому, глядя прямо перед собой, держа спину неестественно прямо. Нажав кнопку и услышав тонкий писк, она толкнула наружную дверь и оказалась перед дверью внутренней, не зная, что стоит под прицелом камеры видеонаблюдения. Снова раздался писк сигнализации, дверь открылась, она вошла в лифт и поехала на двадцать второй этаж. Большой Тим, сияя улыбкой от уха до уха, открыл ей дверь и шагнул в сторону, чтобы впустить ее. Ему пришлось отойти в сторону, потому что Большой Тим был большим в прямом смысле этого слова. Примерно шесть футов шесть дюймов, широкий, огромный, большой... Большими были его тело, его улыбка, его смех и даже его квартира. Гостиная была огромной, и бесконечные раздвижные двери вели к балкону, откуда открывался шикарный вид на Центральный парк. Он взял ее пальто и предложил ей сесть, указав на большой диван. Звучала старая запись Колт-рейна, и он двигался в такт музыке, направляясь к бару и наливая в стакан бурбон. Будешь что-нибудь? Мэрион отрицательно покачала головой: ничего. А, так ты упертая наркоманка, значит? Мэрион этот вопрос сбил с толку. Она не считала себя наркоманкой. Она покачала головой, желая выиграть немного времени, хотя и не понимая зачем. В конце концов она попросила налить шартреза. Желтого или зеленого? И снова она была удивлена, пробормотав: желтого, пытаюсь быстренько смахнуть ступор после серии сюрпризов. Постепенно она стала осваиваться с обстановкой, и то, что она видела, было диаметрально противоположным ее ожиданиям, хотя она вроде бы не ожидала ничего конкретного. Она посмотрела через плечо на простирающееся небо и горизонт, потом оглядела комнату. Большой Тим принес стаканы и бутылки, поставив их на стол, потом открыл стол и достал трубку, сунув в чашечку хороший кусок гашиша. Раскурив, он сделал глубокую затяжку и передал ее Мэрион. Она машинально взяла ее и, сделав несколько напасов, вернула ее Тиму. Они передавали ее друг другу, пока не докурили, и Тим перевернул ее над пепельницей, вытряхивая остатки. Как тебя зовут? Мэрион. Его смех был глубоким и громким и счастливым... таким счастливым и расслабляющим. *Маленькая Мэри, я твой братик Джон.* Мэрион попивала вино, курила сигарету и чувствовала, как смесь алкоголя, гашиша и героина прогоняют все ее страхи. Она допила вино и, когда Тим заново наполнил ее бокал, откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, чувствуя накатывающую на нее теплую волну. Ее мысли устаканились, и она улыбнулась, подумав, что бы сказали ее родные, узнав, что она делает это со *schvartzer'om*. Что смешного? Мэрион покачала головой, хихикнув: ничего. Семейная шутка. Ты офигенная телочка, зачем тебе нужен героин? И снова Мэрион удивилась, что ее причисляют к наркоманам, и она покачала головой, затягиваясь сигаретой в попытке выиграть немного времени. Мне просто нравится иногда расслабиться. Черт, никогда не поверю, что ты сидишь здесь, со мной, только потому, что тебе нравится иногда расслабиться, не-ааа. Мэрион пожалала плечами и сделала глоток из своего бокала, она хотела что-то сказать, но вместо этого просто пила вино. Да ладно, мне-то по херу. Мне главное не начать самому употреблять свой товар. Я его даже не нюхал ни разу, и не собираюсь, не-ааа. Он налил себе выпить: покурить, выпить — вот это для меня. Он снова набил трубку гашишем и раскурил ее, потом сделал глубокую затяжку и передал трубку Мэрион: мне просто нравится курнуть, расслабиться и кайфовать под моего чувака Трейна, бля, как жаль, что этого козла нет в живых. Уж он-то знал, как нужно дуть. Он налил себе и Мэрион, взял протянутую ему трубку, сделал несколько затяжек и вернул ей трубку, говоря придушенным от дыма голосом: поторопись, детка, остатки сладки, Мэрион вытряхнула пепел, выпила еще немного шартреза, и Тим обнял ее одной рукой, подвинув поближе к себе. Закинув ноги на стол, он

вытянувшись, а Мэрион с ногами устроилась на диване. Тебе нравится мой чувак Трейн? Мэрион кивнула: у меня есть все его диски. Все старые записи квинтета Майлза, Монк, все. Да ты че! Мне нравятся девчонки, врубающиеся в музыку. Знаешь, большинство шлюх ни хера в этом не понимают. Бабцам это просто не доступно. Может, и так. А вот большинство братьев знает толк в музыке. Реально врубаются. Он сделал еще один глоток, облизнул губы, прикрыл глаза и откинулся назад, слушая музыку. Мэрион закрыла глаза и прильнула к его груди, чувствуя тяжесть и мощь огромной руки, обхватившей ее, и двигая пальцами ног в такт музыке. Она совсем размякла от шартреза и гашиша. Ей было хорошо. Тепло. Трейн только что закончил свое соло, в игру вступил пианист, и Мэрион пробормотала мягко: гм-м. Тим открыл глаза и, улыбаясь, посмотрел на нее. Знаешь, что мне нравится в белых телках? Они хорошо сосут. Черные девочки... — Мэрион почувствовала, как в ней что-то шевельнулось, ее глаза широко раскрылись, но она не могла пошевелиться. Огромная рука Тима ласкала ее грудь, — да, понятия не имеют, как надо брать в рот. Не знаю почему. Наверное, это как-то связано с древними племенными обычаями. Мэрион услышала его смех и почему-то подумала о Санта-Клаусе — правда, его смех и голос словно вышли из рекламы со старым весельчаком. Он обнял ее обеими руками, прижал к себе и поцеловал. Ее тело, казалось, потерялось в его объятиях. Она обняла его за шею, впившись ему в губы и прижимаясь к нему всем телом. Спустя минуту он слегка отстранился: лучше побереги немножко энергии для настоящей работенки. Услышав его смех, она улыбнулась. Ее руки медленно соскользнули с его шеи, и она опустилась на его живот. Слегка подвинув ее голову, он вытащил свой член. Реакция Мэрион была заторможена алкоголем, героином и гашишем, поэтому она просто смотрела на него, однако в глубине души была сбита с толку, чувствуя, что должна что-то сказать или сделать, а не просто пялиться. Внутри нее шла страшная борьба. Она прекрасно знала, что ей предстояло сделать, но внезапно все ее естество взбунтовалось против бесстыжей реальности происходящего. Внутри нее все дрожало. Я знаю, он у меня красавчик, детка, но я его не на просушку вытащил. Он слегка подтолкнул ее. Мэрион подчинилась, взяв член правой рукой и начиная целовать его, лаская губами, и тут внезапно поняла, что ее сейчас стошнит. Она выпрямилась, зажимая рукой рот. Тим посмотрел на нее, засмеялся и указал рукой на дверь: давай туда, — хохоча, как Санта. Проблевав-шись, Мэрион вымыла лицо холодной водой, потом села на край ванны, дрожа от страха. На секунду она ошеломенела от ужаса и паники. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Тошнота прошла, хотя пот тек с нее градом и она дрожала. Что он сделает? Она должна получить этот героин. Она снова глубоко вздохнула. Плеснула в лицо холодной водой, промокнула его насухо и постаралась привести в порядок прическу. Она чуть ли не молилась, чтобы он не разозлился. Господи, пожалуйста, пусть он на меня не злится. Теперь все в ажуре. *Все как всегда. Как всегда.* Она вернулась в гостиную, изо всех сил стараясь улыбаться. Наверное, это шартрез. Он засмеялся. Теперь все в порядке, — ее улыбка превратилась в нетерпеливую усмешку. Он расставил пошире ноги, она склонилась перед ним на колени и, закрыв глаза, стащила с него штаны и, лаская его задницу, отсасывала ему со всем энтузиазмом, вызванным мыслью о героине, время от времени поднимая на него глаза и улыбаясь. Большой Тим откинулся назад, отпил из бокала и засмеялся: Мэри нашла своего ягненка...

В кино Гарри не мог усидеть на месте. Он постоянно вертелся, пытаясь сесть поудобнее, но каждый раз, когда ему казалось, что он нашел комфортную позу, у него

начинала либо болеть спина, либо задница, либо затекала нога, поэтому он постоянно крутился, куря сигареты одну за другой. Он не мог сидеть спокойно даже несколько минут, поэтому решил спуститься вниз, купить сладостей: че-ни-будь будешь, братка? Ага. «Сникерс». Он купил пару шоколадных батончиков и, вернувшись, снова начал вертеться в кресле. Один фильм был ничего, его снял старик Рэн-ди Скотт, но следующий — просто тоска зеленая. Типа, романтическая комедия с бюджетом в доллар девяносто девять. Господи, ну и говно. Иногда с любопытством косился на Тайро-на, который не отрываясь смотрел на экран. Он тоже попытался сосредоточиться на фильме, но его мысли были далеко и говорили ему, что он полный мудак, и чего он вообще ждет, она там уже давно, а потому надо забить, и всё.

Она там с тяжеловесом, у которого есть дерьмо, а ты собирался сидеть и ждать ее в каком-то мудацком кафе? Бля, да ты точно в голову трахнутый. Она там всю барахтается с черным, а ты здесь жуешь долбаные «чаклс», пока зубы не повываливаются, и смотришь эту херню, снятую кучкой мудаков. Он снова заерзал и громко хмыкнул. Тайрон, продолжая смотреть на экран, протянул руку и похлопал его по спине: все нормально, чувак. Все круто. Потом повернулся, улыбнулся белозубой улыбкой и снова похлопал его по спине. Гарри кивнул и сунул в рот еще одну конфету.

Большой Тим стоял, прислонившись к косяку, голый, почесывая грудь, улыбаясь и чувствуя себя очень хоро-шо-ооо, глядя, как Мэрион расчесывает волосы. В руке он подбрасывал сверток на десять чеков. Знаешь, если ты соскочишь с этого дерьма, я мог бы помочь тебе поднять хорошие деньги, детка. Мэрион улыбнулась в зеркало, продолжая причесываться. Не сегодня. И кроме того, у меня нет серьезной зависимости. Большой Тим засмеялся своим смехом Санта-Клауса: ага, конечно, — и отдал ей сверток, когда она закончила приводить себя в порядок. Мэрион сжала его в руке, потом засунула в свою сумочку. Какого хрена ты делаешь? Мэрион была сбита с толку и посмотрела на него удивленно: да ничего, я — Черт! Он смеялся и смеялся, с таким счастливым видом, что Мэрион сама прыснула, понятия не имея, что тут, собственно, было смешного, бля! Ха-ха-ха-ха-ха, да мне, похоже, настоящая целочка попалась. Ты, видно, шутишь, Большой Тим, это уж точно. Мэрион все еще улыбалась и качала головой. Я не пони... — Ты хочешь сказать, что ты даже не пересчитаешь чеки, а просто сунешь вес в сумочку и так пойдешь на улицу??? Черт! Похоже, ты совсем недавно на улице, так, детка? И его улыбка стала еще шире, а тон еще мягче и удивленнее. Мэрион покраснела, пожала плечами и возразила: вообще-то я давно не школьница, — она вертела в руках свою сумочку, а Большой Тим продолжал с улыбкой смотреть на нее. Я... Я... ее голова и плечи дрогнули, я всю Европу объездила и... я не — Большой Тим кивал головой, улыбаясь: да ладно, тебе нечего стыдиться, детка, поначалу все такие. Я тебя не грузю. Я просто совсем не хочу, чтобы тебя кинули. Черт, ты заслужила это, детка — Мэрион вспыхнула и моргнула — и уж точно тебе не хочется подарить вес какому-нибудь торчку, вырывающего сумочки у женщин. Он снова засмеялся, и Мэрион улыбнулась. Ты Тайронова лисичка? На его лице и в его голосе все еще была улыбка. Мэрион покачала головой. Тогда тебя, значит, будут поджидать два чувака? Да, Я — Хорошо, смотри сюда, есть только одно место, куда ты можешь спрятать герик, не боясь, что

он случайно попадет не в те руки, врубаешься? И никакой сумочник или гопник не сможет его достать. Мэрион покраснела, потом улыбнулась и покачала головой. Когда она поняла, какой тупой она выглядит в глазах Тима, то покраснела еще больше. Ну а если ты умная, то ты разделишь груз пополам, понимаешь меня? И оставишь часть себе. Он снова расхохотался, пошел в комнату и налил себе еще бурбона. Мэрион развернула сверток и отложила два пакетика, засунув их себе во влагище первыми, после чего запихала остальное. Вернувшись в гостиную, она увидела все еще голого Тима, стоявшего возле стереосистемы со стаканом в руке, со свисающей изо рта сигаретой, кивающего в такт музыке. Он глянул на нее: подожди минутку, мне нравится это место. Он слушал, пока саксофон не стал постепенно затихать, потом пошел к двери: ладно, скоро увидимся. Ну... я... я не... Мэрион пожала плечами, невольно заморгав — Большой Тим только улыбнулся, открывая дверь: до встречи, киска.

Тайрон и Гарри сидели в дальнем торце кафешки, когда к ним подошла Мэрион. Фильм, конечно, был дерьмовый, но последний час, или сколько там они провели за столиком, это была просто труба. Фильм хоть ненадолго, но отвлек его от черных мыслей, но, сидя здесь, в странном кафе, в ожидании, он страшно измаялся. Господи, да он едва с ума не сошел. Он вертелся, чесался, крутился до тех пор, пока Тайрон не начал над ним хихикать: смотри, не оторви себе конец, старый. Ты выглядишь так, будто собираешься достать свой шланг и окропить стол. Да я лучше тебе по ло-бешнику врежу, — невольно сострил Гарри и положил руки на стол: так устроит? Но продолжал крутиться, пока не увидел, как к ним приближается Мэрион. Они с Гарри несколько секунд смотрели друг другу в глаза, отчаянно подыскивая слова, с которых можно было бы начать разговор, не касаясь того, что их на самом деле не отпускало. Тогда Тайрон спросил, как все прошло. Мэрион кивнула: все нормально — он дал мне восемь чеков. Гарри тихо вздохнул с облегчением. Неплохая раскумарка. Как там мой чувак Тим? Мэрион кивнула, мол, все ништяк. Да, он классный мужик, брат. О-оооочень клевый. Гарри встал. Расходимся. Лады. Хорошо. Я просто умираю, как домой хочу.

Мэрион перепрятала свои два чека, как только выдался момент, и, когда Гарри ушел продавать героин, чтобы взять еще, она села, положила их на ладонь и баюкала и гладила их, закрыв глаза и вздыхая, глядя их кончиками пальцев, уютно свернувшись на диване под симфонию Малера.

Сара затряслась от ужаса, услышав грохот тележки с обедом. Санитары уже давно устали уговаривать ее и кормили насильно. Они привязали ее к креслу и засунули резиновый шланг глубоко в рот, до самого желудка, при этом Сару сотрясали рвотные спазмы, потом пластырем прикрепили конец шланга к ее голове. Ее слабые попытки защититься или заговорить были быстро пресечены. Ее просто придавили к спинке инвалидного кресла и затянули потуже ремни. Когда они закончили, Сара попыталась потянуть и вытащить шланг изо рта, но ей приказали не трогать его и привязали руки к подлокотникам кресла: ты нас уже достала. Останешься привязанной до тех пор, пока не научишься нормально себя вести и прекратишь думать, что ты здесь королева. Рвотные

спазмы не прекращались, ей казалось, что ее желудок разорвался на части, потом она обессилела, и просто сидела одним немым комком ужаса, глядя на мир наполненными слезами глазами, пытаясь прорваться сквозь туман слез и транквилизаторов, чтобы понять, что происходит. Она старалась держать голову прямо, но та постоянно падала ей на грудь, и сил не хватало, ее голова некоторое время болталась, как тыква, из стороны в сторону, потом снова падала ей на грудь, причем каждое движение стоило ей колоссальных усилий. С каждым вздохом внутри нее копилось все больше слез, и она чувствовала и слышала, как они разливаются ручьями, грозя затопить ее обвисшие в груди легкие. Ей хотелось разрыдаться в голос, хотя бы для самой себя, но она забыла, был ли на свете тот, к кому стоило взывать. Где-то на задворках ее памяти оставались смутные воспоминания, однако, покопавшись в них, она быстро обессилела, да и в любом случае нейрорептики, транквилизаторы и электрошок не дали бы ей вспомнить значение слова Бог.

Ремни были затянуты сильнее обычного, но она ничего не могла с этим поделать. Они впивались в ее запястья и сжимали грудь так, что почти перекрывали дыхание, и она не могла ни говорить, ни шевелиться. Ей отчаянно хотелось в туалет, но, когда она попыталась позвать кого-нибудь на помощь, шланг снова спровоцировал рвотные спазмы, и только слюна потекла по ее подбородку. На протяжении нескольких часов она боролась со своими кишечником и мочевым пузырем, и когда кто-нибудь проходил мимо, она смотрела на него в надежде, что он взглянет на нее и поймет, что ей нужна помощь, но люди просто проходили мимо, и ее голова снова безвольно падала на грудь, и она начинала долгий, трудный, изнуряющий процесс ее подъема, чтобы можно было еще раз взглядом попросить кого-нибудь о помощи, но все проходили дальше, и все равно она продолжала борьбу, но в конце концов физиология, как обычно, победила, и ее мочевой пузырь и кишечник опорожнились, и она почувствовала тепло и влагу, и последние остатки достоинства покинули ее вместе со слезами, и она мысленно просила о помощи... просила, умоляла, пока около нее не остановилась медсестра, наконец посмотревшая на нее и скривившая лицо в гримасе отвращения: вам должно быть стыдно.

Даже животные так не делают. Вот и сидите теперь в этом. Пусть это будет для вас уроком. Два дня спустя Сара по-прежнему сидела во всем *этом*, привязанная к креслу, бросив все попытки поднять голову и позволив ей позорно висеть, и слезы ручьями текли по ее лицу, капая на ее халат, затопляя душу, до тех пор, пока они не пришли за ней, чтобы отвезти ее на очередной сеанс электрошока.

Мэрион снова позвонила и встретилась с Большим Тимом. Когда она звонила, Гарри не было дома, а когда она вернулась, он смотрел телевизор как ни в чем не бывало. Гарри не спрашивал, где она была, а она не стала ничего говорить. Ему удалось достать качественный товар, разбодяжить его и скинуть часть за хорошие деньги. Ей он ничего не сказал, оставив все для себя. Она спрятала два пакетика, положив к двум предыдущим первым, чувствуя при взгляде на них приятное тепло. Она не могла дождаться, когда наконец останется с ними наедине и сможет достать их и поддержать в руках, лаская. Она отдала Гарри другие восемь чеков, взяла один и сделала себе укол. Потом присоединилась к нему, сев рядом: как у тебя

все прошло сегодня? Отлично. Повезло. Нашел хороший кайф почти сразу. Хорошо. Она залезла с ногами на диван. Хороший перец, да? Ага. Такой на дороге не валяется. Давай не будем продавать его, ладно, Гарри? Продадим какой-нибудь другой. Я что, когда-нибудь кайфом бросался? Нет, но... ты же знаешь, что я имею в виду. Угу. Не парься. Я с хорошим дерьмом расставаться не намерен. Несколько минут Мэрион смотрела в экран телевизора, понятия не имея, что именно она смотрит, и нисколько не переживая по этому поводу, убивая время в ожидании слов... Гарри? Да? А нам обязательно нужно говорить об этих чеках Тайрону? Он посмотрел на нее. Его внутренний голос радостно выкрикнул: на хер. Мы с ним повязаны. Вообще-то он все это замутил. Знаю, знаю, — Мэрион подняла глаза и встретила взглядом с Гарри, — только это я ходила туда, к Тиму. Гарри почувствовал, как где-то внутри него прорвался жгучий поток, и он очень надеялся, что не покраснел. Он кивнул: ладно. Думаю, если он не узнает, то и не пострадает.

Тайрон растянулся на диване и в одиночестве смотрел телевизор. Элис ушла от него, переехав к родителям в какой-то сраный городок в Джорджии. Не могла выдержать здешнего холода и жары. Она была клевой телочкой, но Тайрон был даже рад, что теперь не придется делить кайф с кем-то еще. Ей-то точно не нравилось быть на кумаре. Она до смерти боялась ломок. Чирт, как будто мне это по кайфу. Заморочки мне тоже ни к чему. Хотя все не так ужасно. Прошлой ночью мы замутили сразу же и неплохо подняли денег. Скоро все опять станет как раньше. Сейчас заморочек стало меньше. Тайрон Си Лав некоторое время смотрел телевизор, удивляясь, хихикая, стараясь с помощью образов и звуков из телевизора, а также с помощью героина в организме приглушить неприятный зуд время от времени всплывающих сомнений. Каждый день и почти каждую ночь он проводил по несколько часов, шакала на улице, — бля, ну и холодрыга там, а еще эта, сука, стрема, просто жопа. Да уж... точно жопа, детка, — и он в этой жопе здорово застрял. Старый Тай так долго сидит в жопе, что теперь это уже не кажется таким ужасным. Теперь это все меньше и меньше похоже на заморочки. Да ладно, чего там, зависимость, в общем, это не страшно. Как будто все происходит во сне. Ты об этом не думаешь. Просто живешь, и все. И зависимость порождает свои собственные привычки. И так он лежал на диване, расслабляясь и кайфуя, смотря телевизор, а когда он вдруг задумался, отчего ему по душе одиночество, он просто перестал думать и переключил канал. Эти вещи частенько грызли Тайрона, но он успокаивал внутреннее жжение героином и телевизором и не переживал из-за отсутствия сил — или желания -подцепить новую телочку. Нет уж, до тех пор, пока все не встанет снова на свои места, он лучше позаботится о себе, любимом. Сучки могут подождать. Да, меня зовут Тайрон Си Лав, и я не люблю никого, кроме Тайрона Си, а уж я о тебе позабочусь, детка.

Каждое утро Сару привязывали к креслу, и она молча и послушно сидела и глядела, как люди приходят, уходят, проходят мимо, принимают лекарства, дают лекарства, осматривают пациентов, заправляют кровати, моют полы, занимаются различными повседневными делами, глядела мокрыми от слез глазами. Голоса и звуки смешивались, пролетая мимо Сары незамеченными. Она сидела молча. Они продолжали ходить мимо нее, а она ждала... ждала кого-то, кто придет к ней, поговорит с ней... поможет ей. И они

пришли. Пришли, чтобы подготовить ее к очередному сеансу электрошока. Сара заплакала.

Гарри и Тайрон каждый день зажимали друг от друга все больше и больше героина. Если одного из них прижимало, и у него начинался насморк и текло из глаз на начальной стадии абстиненции, и во время поисков героина на улицах он спрашивал другого, есть ли у него поправиться, тот клялся и божился, что у него ничего нет, что он как раз сварил последние ватки, и тоже начинал трястись и шмыгать носом, стараясь провести друга.

Они прочесывали улицы в снег и грязь, в дождь и пронизывающий до костей ветер, иногда бегая от точки к точке, иногда опаздывая на встречу с дилером лишь на минуту-другую, а иной раз им удавалось найти героин всего лишь за пару часов.

Куда бы они ни пошли, везде они видели больных, на кумаре, торчков, пытающихся замутить чек или вырубить денег, и когдаим удавалось чем-нибудь разжиться, они тут же уходили, чтобы побыстрее «подлечиться», но бывало, что они умирали, и мертвые тела находили в подъездах или в глубине заброшенных домов. Как и все остальные, Тайрон и Гарри не обращали на трупы никакого внимания, кутаясь в свои куртки и свои проблемы, ничего не говоря друг другу, стараясь сохранить побольше энергии для поисков барыги. Потом они находили «лекарство» и разбавляли героин, насколько возможно, и скидывали, сколько получалось скинуть, и снова начинали поиски.

Когда Мэрион оставалась дома одна, она доставала из заначки пакетики и гладила их, наслаждаясь чувством силы и безопасности, которые она в тот момент ощущала. Она встречалась с Большим Тимом пару раз в неделю. Теперь она говорила Гарри, что он дает ей только шесть пакетиков, и поэтому ей приходится ходить к нему чаще. Гарри даже не затруднялся задаться вопросом, правда это или нет, он просто брал себе три чека, не ставя в известность Тайрона, и каждый раз, когда героин покупал он, несколько чеков зажимались от Мэрион, при этом угрызения совести быстро растворялись в героине.

Иногда Мэрион натыкалась на свои альбомы для рисования и карандаши, и воспоминания об их планах насчет театральной кофейни, и смутные обрывки событий прошлого пытались пробиться на поверхность ее сознания, но она быстро загоняла их обратно, глядя в телевизор и думая о своей заначке. Несколько раз приступы раскаяния были вызваны видами солнечной Италии в рекламе чинзано, но она просто напоминала себе, что все это в прошлом, а жирный чек в любом случае лучше, чем куча воняющих чесноком итальянцев.

Гарри и Тайрон стояли в мокром снегу с отмороженными задницами, ожидая в очередной раз барыгу, и слушали, как другие торчки матерятся, поминая боссов наркомафии, которые наверняка сейчас греются на пляжах Флориды, а тут, бя, дохнут по уши в снегу. Точно, братка, и наверняка эти выблядки сидят на мешках с кайфом,

придерживая его, чтобы поднять цены, других причин нет. Бля, да они просто куча обторченных гондонов, брат, я тебе говорю. Гарри с Тайроном слышали подобную ерунду миллионы раз, но им никогда не надоедало, они слушали, согласно качая головами, как, впрочем, и все остальные, проклиная ублюдков за якобы нарочно вызванную панику, просто чтобы поднять денег, хотя все они уже давным-давно миллионеры, нах. Злость не только помогала скоротать время, она даже немного согревала изнутри. К тому времени когда им наконец удалось купить героин, они едва могли говорить и еле передвигали ноги. Гарри зашел к Тайрону поправиться, прежде чем идти домой, к Мэрион. Они сидели и курили, расслабившись, и Гарри вдруг стал думать об этих мудаках, загорающих на пляжах, и ему пришла в голову мысль: а что будет, если поехать и прикупить *там*? Тайрон посмотрел на него пустыми глазами: ты это о чем? О чем я? О том самом, чувак. Здесь все шакалят на улицах, чтобы протянуть еще один день, и их кидают, грабят, убивают, и никому не приходит в голову поехать туда, откуда все привозят. Да что ты несешь? Думаешь, подойдешь к работнику отеля и спросишь его, есть ли у него связи в наркомафии? Ну ты, блин, загнул. Да ладно тебе, Тай, ты хочешь сказать, что не учуешь запах кайфа, когда он будет прямо под носом? Так то — здесь. Яблоко — мой родной город. А что я знаю о Майами? Эти сраные *айтальянцы*, типа, только и ждут, когда наконец я к ним пожалую. Это я устрою. Я знаю, как работают эти ублюдки. Это не запара. Несколько секунд Тайрон смотрел на него: это долгая прогулка, чувак. Не слишком, если машину поведешь ты. Слушай, чувак, здесь пипец как холодно, а на улицах становится жарковато. Ребята кидают так часто, как будто за каждого мертвого торчка дают пакет героина с медицинским штампом. Чувак, нам нечего терять, — чем больше Гарри говорил, тем быстрее рос его энтузиазм. Тайрон чесал голову: если это такая гениальная идея, почему же до нее не додумался кто-то другой? Потому что все мудаки. Гарри сидел на краю кресла, его лицо блестело от пота. Вот именно, никто *не додумался* до этого, кроме нас. Открытая маза. Тайрон продолжал чесаться и кивать: а если мы доберемся дотуда первыми, то сможем назвать нашу цену, а потом сесть и расслабиться, и другие придурки будут шака-лить на улицах за нас. Тайрон все чесался, да уж, прошлым летом все было просто офигенно, внезапно он погрустнел, кажется, миллион лет прошло с того лета. Чирт. Да все вернется, когда мы замутим нормальный вес. А почему не полететь туда на самолете? Мы обернемся туда-обратно за один день. Гарри отрицательно покачал головой: нет, чувак. Не покатит. Нам понадобится бабло, когда мы туда доберемся, не так ли? Тайрон кивнул. Мы доедем туда за день, легко. У нас достаточно дерьма, чтобы продержаться сутки, и мы возьмем еще декса у Мэрион. Не проблема. Тайрон чесался и смотрел в потолок. Годжит может добавить бабла, если мы пообещаем привезти ему убойного перца. Да уж, этот разгильдяй нарост чего угодно, хоть мертвечинки. Гарри засмеялся, энергично кивая головой, в их отчаянном положении все казалось просто, и еще — во Флориде тепло, бля.

Гарри сказал Мэрион, что они слышали о новом месте, где можно замутить хорошего кайфа, и попросили ее одолжить им денег. Чем больше мы замутим, тем лучше заживем. Что это за место? Гарри пожал плечами: не могу сказать, но это за пределами штата. На все про все уйдет пара-тройка дней. Мэрион задумалась: не знаю, Гарри, у меня даже за квартиру заплатить денег не хватает. Да не парься. Через несколько дней у нас будет мешок дерьма и куча денег. Мэрион подумала еще немного, она без особого ущерба могла дать им сто долларов. И будет очень неплохо, если у нее появится еще больше герика, чем было сейчас.

А еще у нее впереди несколько свободных дней, и ей не придется делиться тем, что она получает от Тима, и, если она будет ходить к нему каждый день, она будет в шоколаде. Ладно, Гарри, я дам тебе сотню, но ты вернешь мне ее до конца месяца, мне нужно будет заплатить за квартиру. Гарри стер всю ее озабоченность одним взмахом руки: нам придется долго ехать, так что подкинь нам немного «скоростей». Мы хотим, чтобы это путешествие было с ветерком.

Мэрион позвонила Большому Тиму вскоре после ухода Гарри и поехала к нему, про себя прикидывая, сколько пакетиков будет у нее к возвращению Гарри, и чувствуя себя полностью независимой.

Годжит без проблем обеспечил их машиной. Это было одно название, однако колымага ездила. Его кузен отбывал срок в тюрьме на Рикерс-айленд, и он увел у тетки тачку, пообещав, что он присмотрит, чтобы не заржавели тормоза или не потек аккумулятор или чтобы ребятишки не раздели ее догола однажды ночью.

Гарри и Тайрон быстренько собрались в дорогу, поста-вившись перед выходом, около девяти вечера. Они прикинули, что ночью им удастся избежать всех пробок, а с помощью декседрина они смогут гнать всю ночь без остановки и быстро доберутся до Майами. Гарри испытывал все больше трудностей с поиском вен на руках, и ставился в маленькие венки на пальцах, однако и эти вены быстро исчезли, а ему очень не хотелось впустую тратить героин. В наши дни героин стоит слишком дорого. Поэтому время от времени ему приходилось делать уколы в одну и ту же часто гноившуюся ранку на предплечье. Он клялся сам себе, что больше не станет этого делать, однако, когда пора была делать укол, у него не хватало терпения, чтобы найти новое место, и рано или поздно он снова втыкал иглу в этот «колодец», вкачивая в себя еще одну дозу. Тайрон только качал головой: хрень-то какая у тебя, братка, тебе надо учиться искать нормальные жилы. В этом все ваши проблемы, цыпы. Вы слишком нежные. Да все нормально, старик, лишь бы герик попадал туда, куда должен... и лишь бы мы добрались до места.

В день отъезда погода была холодной и ветреной, хотя сухой. Надеюсь, этот сраный обогреватель будет работать, брат. Машину вел Гарри. Тайрон смотрел на датчики температуры, включая обогреватель каждые пять минут и тут же выключая его, когда холодный ветер обдувал его ноги. Только где-то у развязки рядом с Джерси из обогревателя подул теплый воздух: бля, ну наконец-то. Похоже, наша прогулочка будет не такой хреновой.

Они поймали неплохую радиостанцию и несколько часов весело щелкали пальцами и покачивали в такт головами и гнали с предельной скоростью по магистрали, стараясь не нарваться на мусоров, не желая останавливаться по какой-либо причине. Ночь была спокойна и безмятежна. От огней проезжающих машин им становилось еще более уютно и комфортно в теплой машине. Огоньки далеких домов, ферм и фабрик мерцали в холодном воздухе, но все их внимание было приковано к дороге. Время от времени рана на предплечье Гарри давала о себе знать тупой болью, и он слегка шевелил ею, словно баюкая. Периодически Гарри или Тайрон сверялись со счетчиком, объявляя, насколько они приблизились к Майами и к теплоте солнца и кайфу. Да, чувачок, когда мы вернемся с

кайфом, то заживем как люди, и все будет круто. Точно, малыш. Мы никому не станем говорить, что у нас целый вес, мы его разбодяжим и будем сливать понемногу, как будто мы сами только что его замутили. Ты чертовски прав, брат. Не хочу, чтобы все эти сопливые торчки ломались в мою дверь. Тайрон чесал голову и смотрел в окно на снежную кашу, серую с черными червоточинами. Изредка фары выхватывали на снегу чистое белое пятно, там, где верхний слой был сдут ветром. Сколько, думаешь, мы сможем взять? Не знаю, чувак, думаю, грамм двадцать. Ты серьезно думаешь, что мы сможем взять так много? Цены нереально подскочили, мать их. Да знаю я, знаю, но, думаю, за штукарь мы сможем взять двадцать грамм, даже несмотря на эту сраную панику. Мы тащим весь товар и берем на себя весь риск. Должен же риск окупиться. Точно, — Тайрон с улыбкой откинулся на спинку сиденья, — тогда до конца зимы у нас все будет круто, друг. Может, я даже куплю себе ультрафиолетовую лампу и буду загорать, как вы, бледные, — и Тайрон блеснул белозубой улыбкой. Глянув на него, Гарри расхохотался, но тут же захрюкал, чтобы успокоиться и не потерять контроль за дорогой. Эй, малыш, аккуратнее, нам еще долго трястись.

Через несколько часов они остановились у ресторанчика «Говард Джонсоне» и, кутаясь в одежду, выскочили из машины. Там они заказали по содовой и пирогу, потом пошли в туалет. Гарри очень осторожно снял куртку и закатал рукав рубашки. Дырка в руке так разболелась, что он прекратил прикалываться и болтать о том, сколько героина они привезут домой. Они с Тайроном некоторое время рассматривали рану: выглядит паршиво, братик. Да уж, хорошего мало, это точно. Гарри пожал плечами: да ладно, я займусь этим, когда мы вернемся домой. Ага, только ты ее больше не трогай, а? Ставься куда-нибудь в другое место. Они разошлись по разным кабинкам, и Гарри попытался найти подходящую вену на правой руке, однако, как ни старался, ничего подходящего даже близко не появлялось, поэтому он снова воткнул иглу в старое проверенное место, чтобы не расходовать героин впустую. Около минуты рана чертовски болела, но дело того стоило, и вскоре боль снова перешла в тупое нытье. Они поели пирога, выпили несколько стаканов содовой и немного покайфовали, придуриваясь с официанткой, потом закинулись декседри-ном, купили кофе в дорогу и поехали, продолжив свой путь к Майами и новым связям. Некоторое время они ехали молча, слушая музыку и наслаждаясь теплом и кайфом и видением светлого будущего, с улыбкой думая о том, что пришел конец всем бедам и страхам, по крайней мере для них. Потом декседрин развязал им языки, и они снова кивали головами в такт музыке, подпевая и щелкая пальцами и болтая без остановки, и Тайрон опять периодически объявлял, сколько осталось ехать до Майами и новых связей.

Начался рассвет, а Гарри все еще вел машину. Бля, мы ж ехали всю ночь, а на дороге все лежит этот сраный снег, чувак. Сколько нужно ехать на юг, чтобы снег кончился? Очень долго. Проклятие холода и страха в силе до самого Майами. Они остановились выпить кофе и приняли еще по одной таблетке стимулятора, потом по одному сходили в туалет, догнались, купили еще кофе в дорогу и поехали дальше. Тайрон сел за руль, а Гарри вытянулся в своем кресле, стараясь устроить больную руку поудобнее, чтобы она не так сильно ныла. Сейчас, после укола, стало лучше, однако боль до сих пор пульсировала.

Тайрон все еще смотрел на счетчик и объявлял расстояние до Майами, когда внезапно до них дошло, насколько далеко они уже от Нью-Йорка. Они приняли еще по дексу и выпили

по чашке кофе, осмысляя расстояние до дома. Они ехали всю ночь, и теперь понимали, что не смогут просто поймать такси или спуститься в подземку и доехать туда, куда им нужно. Что бы они там ни чувствовали, трогаясь в путь, теперь точка невозвращения была позади.

Радио продолжало работать, но в машине было тихо. Гарри поглаживал руку, пытаясь успокоить ее. Тайрон уперся локтем в дверь машины и почесывал подбородок. Никто из них раньше не выезжал из Нью-Йорка. Гарри только однажды, в детстве, выезжал из города в бойскаутский лагерь. Они заворуженно рассматривали сельские пейзажи за окнами машины. Теперь они почти все время молчали. Стимуляторы и героин боролись за контроль над разумом. Они ерзали в своих креслах, устраиваясь поудобнее. Они старались отупить свой разум с помощью героина и стимуляторов, но отчаяние все равно было сильнее. До каждого по отдельности наконец все яснее стало доходить безумие этой затеи. Теперь от родного района их отделяло полмира. Теперь, когда их начинало подкумаривать, факт, который они долгое время старались игнорировать, давал о себе знать все настойчивее. У них начинались ломки, а они ехали через какой-то сраный, Богом забытый штат, чтобы добраться до Майами и найти новые связи. Они их чувствовали. Они знали, что едут за какими-то связями. НО! Какого хрена они собирались делать, когда доберутся до места? Какого хрена вообще происходило? Они без конца ерзали. Гарри баюкал свою руку. Боль была такой сильной, что он думал: сейчас ослепну, на хер. Они были напуганы до усрачки. Но не меньше того боялись выдать себя друг другу. Обоим страшно хотелось повернуть машину и поехать домой. Шакалить на улицах во время паники смерти подобно, старина, однако это по-любому лучше, чем то, что они замутили сейчас. Какого хера? Куда они вообще направляются? Что вообще происходит? Хватит ли им героина, чтобы вернуться назад? Не ждет ли их там, на Юге, тюрьма? Каждый из них почти молился, чтобы другой предложил повернуть назад, домой, однако оба продолжали смотреть в окно машины и елозить в креслах, и гнать вперед. Тайрон больше не смотрел на счетчик. Гарри не мог посидеть спокойно даже пары минут. Периодически его скручивало от боли. Он по-прежнему гладил свою руку, пытаясь прогнать боль. Мне кажется, я не смогу дотянуть до места, старик. Эта чертова рука меня доконает. Он выскользнул из своей куртки, закатал рукав и заморгал, глядя на руку. Тайрон краем глаза посмотрел на нее и нахмурился: чиерт, рука-то выглядит совсем хреново, малыш. Вокруг раны на предплечье Гарри образовалась бело-зеленая опухоль, от которой вверх, к плечу, и вниз, к запястью, отходили красные полосы. Я еле могу ее пошевелить. Надо что-то с этим делать, чувак.

Большой Тим пообещал ей хороший подгон за несколько часов работы, хотя это скорее игра, детка. Что значит — хороший подгон? Большой Тим засмеялся своим смехом Санты: черт, детка, а ты жадная до кайфа. Мэрион улыбнулась и пожала плечами. Вас будет шесть человек на десять грамм. И товар отличного качества, — он улыбнулся, увидев, как расширились и заблестели глаза Мэрион. Когда? Его улыбка стала еще шире, — завтра вечером. Он немного подождал, с любопытством ожидая, спросит ли она, что ей нужно делать, хотя был почти уверен, что нет. Это маленькая вечеринка для моих знакомых. Я возьму тебя с собой. А с кем я буду делить героин? С пятью другими девочками. Вы будете вроде как развлечением... будете наслаждаться компанией друг друга, врубаешься? И он

улыбнулся, а потом засмеялся смехом Санты, увидев выражение лица Мэрион, когда до нее дошло. А мужчины? Мужчины присоединятся позже, — и Тим захохотал так громко, что Мэрион сама хихикнула. Во сколько? Будь здесь в восемь часов. Мэрион улыбнулась и кивнула, а Большой Тим хохотал, словно Санта.

Гарри и Тайрон свернули к заправочной станции и вышли из машины размяться. Помощник стоял и о чем-то говорил с механиком. Они посмотрели на Гарри и Тайрона, а потом помощник поставил на пол банку колы, которую держал в руке, и пошел к ним. Гарри стоял, прислонившись к машине, баюкая свою руку. Полный бак обычного, хорошо? А где у вас туалет? У нас бензин как раз закончился. Вот блин. Да ладно, старый, на какое-то время хватит. Гарри кивнул, тогда можно хоть в туалет сходить? Помощник в упор разглядывал Гарри: не работает. Гарри присмотрелся внимательнее, и увидел на его лице враждебное выражение. К другому насосу подъехала машина: доброе утро, Фред, бензин есть? Ага. Помощник начал заливать бензин в бак, а из помещения на улицу вышел механик и, прислонившись к стене, с вызовом уставился на Гарри, сплюнув в его сторону. Боль и замешательство Гарри быстро перерастали в ярость, и Тайрон быстро открыл ему дверь: спокуха, малыш. Гарри посмотрел на него и сел в машину. Механик продолжал смотреть им вслед, сплевывая. Что это еще за блядство такое, чувак? Мы заехали глубоко на Юг, детка. Господи Иисусе, прямо как в паршивом кино. Я-то думал, гражданская война давно закончилась. Только не для этих пидоров. Они оба одновременно посмотрели на уровень бензина. Бля, и че нам теперь делать? А я-то почему знаю, чувак? Просто будем держать себя в руках и найдем другую заправку, а хули еще нам остается? Гарри кивнул, пристроил поудобнее больную руку, и какое-то время они ехали молча, стараясь не облажаться друг перед другом, не уронить достоинства, хотя каждый очень хотел бы оказаться подальше отсюда. Время тянулось медленно. Они смотрели вперед, не замечая пронесившихся мимо деревьев и столбов. Они продолжали поглядывать на датчик бензина, потом снова смотрели вперед, на горизонт, где стороны дороги соединялись в одну тонкую линию, недостижимую для них. Гарри поглаживал свою руку, а Тайрон время от времени чесал свою голову, потом опирался локтем на дверь и ложился на руку подбородком. Вон заправка. Ага. Они оба чувствовали, как пот течет по спине и бокам, когда заруливали на заправку. На этот раз они не стали выходить из машины, и Гарри, высунувшись из окна, попросил заправить полный бак. Обычный. Парень, не обращая на них внимания, заливал бензин в бак, прислонившись к насосу. Когда бак был полон, Гарри расплатился, и они тронулись в путь, и долго ехали в тишине, пока Тайрон наконец не включил радио. Потихоньку они расслабились. Черт, я бы не прочь уколотся. Да уж, точно. Скоро будет кафе.

Они остановились у придорожной забегаловки и по очереди сходили в мужской туалет, а один оставался на стреме, сидя за стойкой. Поставившись, они расслабились и хотели заказать чего-нибудь поесть и кофе, и Гарри позвал официантку, болтавшую с клиентом на другом конце стойки, однако она проигнорировала его. Он снова позвал ее, и на его голос из кухни высунулся повар и велел ему заткнуться. Гарри на секунду закрыл глаза, сделал глубокий вдох, потом медленно выдохнул и посмотрел на Тайрона, качая головой. Тайрон пожал плечами, и они вышли.

Сеансы электрошока для Сары закончились. Она сидела на краю кровати и смотрела в окно через серое стекло на серое небо, серую землю и голые деревья. Иногда она соскальзывала с кровати и, шаркая бумажными тапочками по полу, шла к медсестре, вставала в дверях и смотрела. Вам что-нибудь нужно, миссис Голдфарб? Лицо Сары слегка кривилось в подобии улыбки, потом она несколько раз моргала и снова смотрела. Сестра пожимала плечами и возвращалась к своей работе. Сара соскальзывала спиной по стене и садилась на корточки, стараясь удержать на лице улыбку. Мышцы ее лица подергивались, уголки рта тоже. В конце концов ей удавалось растянуть рот в напряженной, мучительной ухмылке. Она с трудом поднималась на ноги, снова шаркающей походкой подходила к дверям кабинета и стояла, ухмыляясь, до тех пор, пока сестра не обращала на нее внимание. Замечательно, — а теперь идите в постель, — и снова поворачивалась спиной к Саре, продолжая что-то писать. Сара разворачивалась и шаркала к своей кровати, садилась на край и смотрела в серое окно.

Сару посадили в кресло на колесах и увезли из отделения, спустили вниз на лифте и повезли дальше, подлинному серому туннелю в комнату ожидания, где апатично дожидались своей очереди другие пациенты, пока санитары курили и трепались в углу, одним глазом присматривая за ними. Сара посмотрела на сидевших перед ней людей и заморгала, скосив глаза, потом просто уставилась перед собой. Иногда дверь открывалась и выкрикивалось чье-нибудь имя, и один из санитаров вез коляску с пациентом в эти двери, и человек исчезал, и все равно перед Сарой сидело столько же человек, сколько раньше. Вдруг выкрикнули ее имя. И санитар повез ее в эти двери, и Сара попыталась улыбнуться. Перед ней за письменным столом сидел человек. В комнате были еще люди. Мужчину за столом звали Ваша Честь. Какой-то мужчина встал, открыл папку и прочитал что-то судье. Судья посмотрел на Сару. Она попыталась улыбнуться, и ее лицо снова растянулось в широкой ухмылке, и тонкая струйка слюны потекла по подбородку. Он написал ее имя на бумажке и передал обратно мужчине. Ее определили в психиатрическую больницу штата.

Сару подняли с постели очень рано и отвели в подвал, где усадили на скамейку и приказали ждать. И она ждала. Ждала. Она попросила еды, но ей сказали, что еще рано. Когда она попросила снова, ей сказали, что уже слишком поздно. В конце концов она дождалась своей очереди, но ей снова сказали ждать. Она села на свою деревянную скамью и уставилась в пустоту. Потом она перешла в другую очередь. И ждала. Ей отдали одежду. Она долго на нее смотрела. Ей сказали, чтобы она одевалась. Она смотрела. Тогда они натянули на нее что-то из одежды. Остальное она кое-как натянула сама. Потом ее подвели к другой скамье. Она ждала. Потом ее посадили в автобус, и, сев, она снова уставилась перед собой. Ее везли по улицам, где была целая жизнь знакомых запахов и звуков, но Сара смотрела перед собой.

Их вывели из автобуса и сверили имена со списком, а потом повели по серому, мокрому и холодному туннелю, переходящему в другие тоннели, и в конце концов они все пришли в отдаленное здание, и их заперли в помещении, переполненном другими шаркающими,

сидящими, стоящими, кучкующимися, смотрящими в пустоту людьми. Сара тихо стояла и смотрела на серые стены.

Однажды к ней приехали Ада и Рея. Они сидели в углу комнаты для посетителей и смотрели, как к ним шаркающей походкой ковыляет Сара. Они знали, что это их Сара, но все же не узнавали ее. Она была измождена. Ее волосы безжизненно свисали на лицо. Глаза были затуманены и ничего не видели. Кожа была серой. Сара села рядом, и Ада начала доставать еду из большого пакета. Мы тут тебе принесли копченого лосося, и сливочного сыра, и рогаликов, и блинцов со сметаной, и пирожных, и пастроми, и печенку с ржаной подливой, горчицей и луком, и термос с горячим чаем... Как ты, куколка?

Сара смотрела перед собой, да, и попыталась улыбнуться, потом откусила большой кусок сэндвича и стала есть, громко чавкая. Из уголков рта у нее текла горчица. Ада сморгнула, а Рея аккуратно вытерла платком горчицу с лица Сары. Они смотрели на свою подругу, которую знали столько лет, и не могли поверить, что это она. Они просидели с ней целый бесконечный час, потом ушли, неохотно, хотя со вздохом облегчения. Они смотрели на серые стены и безжизненные деревья, сидя на остановке в ожидании автобуса, и слезы текли по их щекам. Потом они обнялись.

Гарри и Тайрон смотрели на дорогу. Их страх и недобрые предчувствия усиливались с каждой милей. Гарри согнулся, будто зародыш, едва находя в себе силы дышать из-за боли и паники. Чем ближе они были к Майами, тем глубже становилась пропасть между ними и их домом. У них все еще оставалось немало героина и стимуляторов, однако их страх был настолько сильным, что стал почти материальной субстанцией, заполнившей салон машины. Гарри закрывал глаза и старался забыть обо всем, кроме новых связей, ожидавших их в Майами, но как только он видел свою руку, ярко-красную, с зеленым, и слышал звук отпиливающей ее пилы, тут же подпрыгивал на своем месте и, схватив руку, раскачивался в кресле вперед и назад. Старик, я не могу позволить отрезать ее. Надо достать какой-нибудь пенициллин или что-то типа этого для этой долбаной руки.

Они припарковали машину на углу маленькой больницы и зашли в первый же кабинет, попавшийся им на пути. В комнате ожидания сидели несколько человек, и Тайрон подошел к медсестре сказать ей о том, что случилось с рукой Гарри. Вам назначено? Нет, — покачал головой Тайрон, — но это срочно. Поезжайте тогда в госпиталь. Я не знаю, где госпиталь, и он... К ним подошел Гарри: у меня серьезное заражение, и я боюсь потерять руку. Может, меня посмотрит доктор? Пожалуйста. Гарри показал ей руку, и она посмотрела на нее, потом на них. Присаживайтесь. Через несколько минут она вернулась и, открыв дверь кабинета, позвала Гарри: сюда.

Гарри ходил по кабинету, придерживая руку, периодически пытаясь посидеть, но не в силах просидеть спокойно больше минуты. Наконец пришел доктор и с минуту рассматривал Гарри: в чем проблема? Моя рука гниет заживо, смотрите. Доктор грубо схватил его за руку, заставив Гарри вскрикнуть от боли, посмотрел на нее, потом бросил.

Сейчас вернусь. Доктор вышел и пошел в свой кабинет, закрыл дверь и набрал номер полицейского участка. Здравствуйте, это доктор Уолтэм из больницы на Рассел-стрит. У меня здесь молодой человек, и я думаю, вам стоит приехать и посмотреть на него. У него заражена рука, и похоже, он заразил ее через иглу, и его зрачки расширены. Думаю, он наркоман. Он говорит как чертов нью-йоркский бомж, и он вместе с ниггером. Доктор повесил трубку и, вызвав сестру, сказал ей, что через пару минут здесь будет полиция, так что присматривай за этим нью-йоркским ниггером. Доктор подождал еще немного, прежде чем вернуться к Гарри. Он снова грубо схватил его за руку, вывернув ее. Гарри едва не захлебнулся от боли, еле удержавшись на ногах. Нужно время, чтобы почистить ее. Меня ждет еще один пациент, сначала я закончу с ним, а потом займусь вами. Он вышел прежде, чем Гарри успел сказать хотя бы слово. Тайрон пытался разглядывать журнал, хотя ему очень хотелось вскочить и убежать отсюда подальше. Что-то было не так, хотя он и не мог сказать, что именно. Время от времени краем глаза он поглядывал на медсестру, и каждый раз она рассматривала его с таким видом, будто он убил ее маму или что-то в этом роде. От этого ему становилось не по себе. Он снова смотрел в журнал, отворачиваясь, чтобы не видеть ее, и просто смотрел на картинки, пытаясь читать, желая при этом, чтобы он был сейчас у себя в районе, и плевать на панику и холод. Здесь становилось жарковато, и ему это определенно не нравилось. Ему стало интересно, что там с Гарри. Он чувствовал, что, переступив порог того кабинета, Гарри пересек какую-то границу. Ему очень не нравилось то, что он чувствовал, и то, как эта сука смотрела на него. Черт, лучше бы он не вылезал из Нью-Йорка. Да он был бы счастлив поваляться в снежке, если бы он сейчас мог попасть туда. И какого черта он здесь делает? Чиерт, да ему вообще этот сраный Юг на хер не сдался. Бля, скорее бы Гарри почистил руку, чтобы они могли свалить отсюда побыстрее обратно. И тут внезапно он почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит, и все внутри него оборвалось. Еще до того, как он повернул голову, он уже знал, что это полиция. Что ты здесь делаешь, *мальчик!* Тайрон медленно повернул голову и поднял глаза на легавого.

Его напарник зашел в кабинет, где дожидался врача Гарри. Услышав шаги и звук открывающейся двери, Гарри почувствовал облегчение, и он почти улыбнулся, а потом, когда дверь открылась полностью, он увидел, что за ней стоит легавый и смотрит на него. Когда легавый шагнул в кабинет, Гарри обмер. Ты откуда? Гарри заморгал, его голова невольно задрожала. А? Эээ. Что???? Да что с тобой? Говорить не можешь, что ли? И схватив Гарри за подбородок, он с минуту смотрел ему в глаза, потом оттолкнул его. Я спрашиваю, ты откуда здесь взялся? Бронкс... а, Нью-Йорк. «Нью-Йак», говоришь? Он ткнул Гарри пальцем в грудь, толкнув его на стол. Хочешь, я тебе кое-что скажу? Мы не любим, когда в наших краях ошиваются всякие нью-йоркские наркоши. Особенно если они белые нигге-ры. Гарри попытался что-то сказать, но полицейский сильно ударил его по лицу ладонью, сбивая на пол. Гарри упал на больную руку. Он схватился за нее, застонав от боли, отчаянно пытаясь отдышаться и удержать слезы. Я не хочу слышать от тебя ни одного слова, *дырка для ниггеров.*

Легавый схватил Гарри за больную руку и потащил его, почти теряющего сознание от боли, к машине. Застегнув на нем наручники, его затолкали внутрь. Тайрон уже сидел там со скованными за спиной руками.

Когда их привезли в участок, Гарри спросил дежурного офицера, можно ли ему пойти к врачу. Тот расхохотался: может, тебе еще кофе в постель? Мне нужно срочно подлечить руку, начальник. У тебя будет уйма времени, малыш. К тому же она вряд ли понадобится тебе в ближайшее время. Скорее всего, врач придет в понедельник. Если будет в настроении, может, и посмотрит твою руку.

Тайрон сидел в углу камеры, глядел на расхаживающего по камере Гарри и думал о том старом наркомане в каталажке, который варил раствор из наплечных подкладок. У них с собой ничего не было. Наедине с Зависимостью. Миллион лет до дома. Что он здесь делает? А все этот чертов Гарри со своими мудацкими идеями. Поехали, мол, за новыми связями. Поехали в Майами! Замутим нормального дерьма и отсидимся до весны. Даже если им дадут возможность позвонить, то кому звонить-то? Мудак этот Гарри! Из-за него торчу тут в каком-то сраном городишке. Бля! Он смотрел, как Гарри пытается сесть, баюкая больную руку. На полу валялась пара алкашей. Параша в углу была засрана и заблевана и воняла ужасно. Бля! Пятница. До понедельника о них никто не вспомнит. Да мы тут сдохнем за выходные. Тайрон повесил голову, обхватив ее руками. Что происходит, чувак? Что за херня?

Гарри раскачивался от боли вперед-назад. С момента их последнего укола прошло часа два. Если бы он знал, что это будет последний укол, то заварил бы сразу два чека да убился бы в слюни. Если бы только у него была хоть ватка. А-ааа! Его тело было на пределе сил от двадцатичасовой бессонницы, а также от комбинации стимуляторов и героина и от дикой боли в руке. Теперь, когда он знал, что ему не достать *больше* героина, ломка началась еще быстрее, чем обычно. Он смотрел на серые стены, пока глаза не начали закрываться и тут же снова широко открылись, поскольку кошмары начались еще до того, как он уснул. Голова горела. Язык прилип к нёбу. Он попытался встать и пройти по камере, но в голове был туман, а колени подгибались. Он прислонился к стене камеры, медленно сполз по ней на пол и сел, опустив голову между колен, раскачиваясь, глаза его горели, закрывались и снова открывались, закрывались и открывались, его гангренозная рука раскачивалась перед ним словно маятник.

Время от времени в камеру забрасывали очередного алкаша, но Гарри и Тайрон не обращали ни на кого внимания, отделенные от всех страданием. Гарри медленно, но верно все глубже проваливался в горячее безумие. Тайрон пытался бороться с внутренним холодом с помощью злости. Пара алкоголиков боролась за место у параша, один, чуть не засунув туда всю голову, плевал, другой плевал на него, в конце концов оба отрубались, растянувшись в лужах перемешавшейся блевотины. Камера наполнилась вонью. Гарри и Тайрон замерли, каждый пребывал в своем коконе боли и одиночества. У Тайрона начались приступы тошноты и понос, и он попытался хоть немного очистить парашу, чтобы ею можно было пользоваться, но, когда вытирал очко туалетной бумагой, вонь стала настолько невыносимой, что его вырвало, а как только он перестал, ему тут же пришлось повернуться к унитазу задом, едва не поскальзываясь в лужах рвоты, позволяя вонючей жидкости вылиться из его содрогающегося тела, но даже стоя в этой позе, согнутый, задом к унитазу, он снова почувствовал сильный приступ тошноты, и ему пришлось зажать рот, чтобы не сплевать себе на ноги. Наконец он облегчился, поплелся на свое место и сел, прислонившись спиной к стене. По его телу пробегали *ледяные* волны холода, от которого трещали кости и вставали

дыбом волосы. Потом его снова согнуло от судорог, и из каждой поры потек пот, обжигая его нос специфическим запахом, который появляется у каждого наркомана, достаточно долго имеющего дело с героином, запах болезни, напоминающий о смерти.

Гарри попытался уйти в себя, поджав ноги и обхватив себя руками, но у него работала только одна, здоровая рука, и он дрожал, мокрый от лихорадочного, вызванного ломкой пота. Его трясло от жара и холода, быстро сменявших друг друга, и от дикой, агонизирующей боли. Временами боль была настолько сильной, что он терял сознание, но потом тело и разум неохотно вытаскивали его обратно в адскую реальность, и он снова сворачивался в комок, пытаясь как-то согреться, отчаянно пытаясь сделать хоть что-нибудь, чтобы рука не так сильно болела, и лихорадка ломок сжигала и морозила его, и только иногда он проваливался в спасительный бред.

В понедельник утром в камере слегка прибрали. Алкашей вывели первыми, за ними Тайрона и Гарри. Рука Гарри приобрела зеленый оттенок и начала вонять. Охранник вывернул ему руку, чтобы застегнуть наручники, и Гарри, завопив от боли, упал на колени, едва не потеряв сознание. Охранник выкручивал ему руку до тех пор, пока наручники не были застегнуты. Тайрон потянулся, чтобы помочь вопившему от боли другу, и тогда один из охранников врезал ему дубинкой по голове, а когда он упал, добавил ботинком по ребрам и животу: никогда не тяни ко мне руки, *черножопый*. Они застегнули на нем наручники, подняли его за воротник на ноги и прилепили на голову нашлепку, прежде чем повести вместе с Гарри к судье. Их швырнули на кресла. Гарри продолжал стонать и падать вперед, и стоявший рядом охранник приказал ему заткнуться, втолкнув обратно в кресло. Какой-то мужик в костюме сел рядом с Тайроном и начал объяснять ему, что его назначили представлять их в суде и зачитать список обвинений, и тело Тайрона дергалось в спазмах боли и тошноты и судорог, и пот разъедал ему глаза, он пытался вытереть пот плечом, но каждый раз, когда он двигался, охранник бил его по голове, и в глазах Тайрона было мутно, и его голова падала ему на грудь, а мужик говорил, что если его признают виновным в бродяжничестве, то ему дадут всего лишь пару недель работ. Когда тебя выпустят, тебе дадут билет на автобус до Нью-Йорка. А где наши деньги? А у вас были денги? Тайрон несколько секунд смотрел на него, моргая, пытаясь разглядеть его: у нас была тысяча долларов, мужик. В отчете ничего об этом не говорится. Тайрон смотрел на него еще пару секунд, потом пожал плечами. Что там с Гарри? Он же болен. Вас обоих осмотрит доктор перед отправкой в трудовой лагерь. Ох бля, как же хорошо было прошлым летом. Никаких проблем. Все катилось ровно, и каждый день был как праздник. Черт!

Мэрион сидела и смотрела в одиночестве телевизор. Когда вечеринка закончилась и она возвращалась домой, ей пришлось сильно постараться, чтобы не думать о том, что она сейчас чувствовала. Она была наивной. Она понятия не имела, чем ей придется заниматься с другими девушками. Она знала, чем ей придется заниматься с мужчинами, но секс с девушками шокировал ее. Ее чуть не стошнило. Однако она знала, почему она делает то, что делает, и от этого было легче. И только потом, когда все кончилось, она стала вспоминать все те книжки, которые она читала, те фотографии, над которыми она хихикала. Ее

тревожило не то, чем она занималась, а то, с какой легкостью она на это пошла. И когда она делила героин с другими девчонками, она знала, что это того стоило. Когда она вернулась домой и сделала укол, все ненужные мысли растворились в героине, и она даже не стала принимать душ, это может подождать до завтра. Она просто растянулась на диване перед телевизором, не обращая внимания на запах, идущий от ее тела и губ, думая снова и снова, что Большой Тим был прав, героин превосходного качества. Этого ей хватит надолго. Она улыбнулась про себя. И там, откуда его достают, есть еще, и главное, ей не надо ни с кем делиться. Я могу зашибить столько, сколько захочу. Она обняла себя за плечи, улыбаясь, я всегда смогу чувствовать себя так, как сейчас.

Гарри и Тайрон стояли в очереди вместе с дюжиной других заключенных в тюремной камере ожидания. Вместо трех недель им дали три месяца принудительных работ. Автобус, забирающий всех приговоренных к работам, был припаркован снаружи у открытой двери. Заключенные по одному подходили к охраннику и становились рядом с доктором, у которого был поименный список всех осужденных. Доктор перебрывался с охраной шутками, они смеялись и попивали колу, не глядя на проходивших мимо людей, скованных цепями. Заключенные называли свое имя и номер охраннику, тот сверялся со списком, отправляя их к доктору, который задавал всем один и тот же вопрос: ты видишь меня? Слышишь меня? Заключенные кивали, и доктор хлопком по спине отправлял их на работы. Как обычно, Тайрон и Гарри шли последними. Гарри теперь пребывал в состоянии почти перманентного бреда, то и дело спотыкался, и каждый раз, когда Тайрон бросался ему на помощь, его либо били дубинкой, либо отталкивали. Когда Тайрон оказался перед доктором, тот посмотрел на повязку на его голове, на синяки и шишки и улыбнулся: что, проблемы, *мой мальчик*? Охранники загоготали. Слышишь меня, *мальчик*? Видишь меня, *мальчик*? Тайрон кивнул, и доктор врезал ему по лицу, а охранник огрел дубинкой по пояснице: скажи сэр, черный. У этих сраных торчков-негритосов из Нью-Йорка совсем плохо с хорошими манерами. Они засмеялись: ничего, мы его быстро обломаем. Тело Тайрона тряслось от ярости, отчаяния и ломки, когда он брел в автобус. Ему хотелось разmozжить им головы, сукам, однако он понимал, что они только и ждут этого, чтобы повесить его на первом фонаре, а ему совсем не хотелось усугублять свое и без того паршивое существование. Главное — поскорее отработать свой срок и убраться домой, да и в любом случае, на ломках особо не повоюешь... он и так едва передвигал ноги.

Гарри задержался у доктора. А вот еще один нью-йоркский торчок. Любишь черные члены, так, *мой мальчик*? Гарри застонал, его колени подогнулись, но охранник, дернув за шиворот, поставил его на место. Вот, говорит, у него что-то с рукой. Да? Доктор резко дернул рукав рубашки Гарри вверх, и Гарри едва не потерял сознание, и его снова рванули вверх. Почему ты не можешь вести себя как мужик, хотя бы стоять нормально? Доктор глянул на его руку и хохотнул: похоже, ты в эту руку колоться больше не будешь, *мальчик*. Он кивнул другим охранникам: вы только посмотрите на это, а? Охранники смотрели, скривившись от отвращения: черт, воняет даже хуже, чем он сам. Ага, воняет от него даже хуже, чем от негритоса, засмеялись они. Ты лучше заведи его в лазарет, пока он нам всю тюрьму не провонял. Снова смех. Не думаю, что он протянет дольше, чем неделю. Еще кто-

нибудь остался? Нет, док, это последний. Хорошо. Мне пора в больницу. Увидимся на следующей неделе.

Сара медленно двигалась вместе со всей очередью за таблетками. Она останавливалась на секунду, потом продвигалась чуть вперед, застывала снова, затем снова шла, и так до тех пор, пока не оказалась перед санитаром, который положил ей в рот две таблетки, проследив за тем, чтобы она их проглотила. Она стояла в углу, обняв себя за плечи и глядя на других пациентов, медленно шаркающих за своими транквилизаторами.

Через некоторое время очередь рассосалась. Помещение опустело. Она смотрела перед собой, потом медленно повернула голову, посмотрела по сторонам и наконец тоже ушла. Она брела, обхватив себя руками, шаркая бумажными тапочками, в залу, где стоял телевизор. Некоторые пациенты сидели, опустив голову на грудь, постепенно ощущая приход лекарств. Некоторые смеялись, другие плакали. Сара уставилась на экран.

Гарри был без сознания, когда его везли в операционную. Ему ампутировали руку по плечу, немедленно начав антиинфекционную терапию в попытке спасти его жизнь. Кормили его внутривенно, в правую руку и обе лодыжки. Он был крепко привязан к кровати, чтобы иглы не разорвали вены, если у него вдруг начнутся конвульсии. В нос ему вставили трубку, по которой к его легким поступал кислород. Две трубки, подключенные к маленькому насосу под кроватью, тянулись к его боку, откачивая ядовитые жидкости из его тела. Время от времени Гарри стонал и метался, пытаясь освободиться из когтей кошмара, и медсестра, сидевшая рядом, вытирала ему лоб холодной мокрой тряпочкой, разговаривая с ним успокаивающим голосом. И тогда Гарри унимался и снова лежал без движения, словно мертвый, полностью поглощенный сном и чувством невесомости.... Потом его окружил свет, настолько совершенный и яркий, что он ощущал его всем своим телом, отчего ему стало хорошо, как никогда в жизни, как будто он был каким-то высшим, особенным существом.

Гарри чувствовал исходящее от яркого света тепло, и радостно улыбался, когда по его телу проходили волны. Свет будто говорил ему: я люблю тебя, и Гарри знал, что это правда, а потом он вдруг решил пойти вперед, сам не зная зачем. Внезапно он понял, что хочет отыскать источник света. Он понимал, что свет должен откуда-то исходить. Что он не может быть сам по себе. Он начал поиски, потому что понимал: чем ближе он подберется к источнику света, тем лучше будет себя чувствовать, и поэтому он шел и шел, хотя свет и не думал меняться. Он оставался все таким же ровным. Не становился ни ярче, ни тусклее, поэтому Гарри остановился и попытался раскинуть мозгами, хотя это у него не очень-то получалось. Он вроде попытался нахмуриться, однако улыбка оставалась недвижимой, и радость протекала через всю его сущность. Потом он ощутил легкое беспокойство и вдруг понял, что хмурится и что свет тускнеет, и ощутил незримое присутствие некой злобной твари, которая направлялась к нему, исходя из черного облака, сгущавшегося где-то за его спиной, однако как он ни вертелся, ему не удавалось увидеть это облако. Он отчаянно

пытался обнаружить его, чтобы убежать от него к свету, но, как сильно он ни старался, ему не удавалось двинуться с места, он попытался отдышаться, чтобы все-таки рвануть вперед и бежать, бежать, бежать... и снова у него ничего не получалось, и снова он стоял на том же самом месте, но теперь земля под ним становилась все более мягкой, и он начал погружаться в нее все глубже и глубже, попытки вырваться только увеличивали скорость погружения, и внезапно он со страхом осознал, что свет тускнеет все больше, и хотя он по-прежнему не видел черного облака, он точно знал, что оно засасывает его все сильнее, и злобная тварь подходит все ближе и ближе, и ему хотелось кричать от страха, но изо рта не вылетало ни звука. Он чувствовал и каким-то образом даже мог видеть, как беззвучно двигаются его губы, и чернота становилась все гуще, и оттуда, из ее глубин, все ближе к нему тянулись стальные когти невидимого чудища, и он отчаянно пытался вырваться и закричать, но все происходило в полной тишине, при этом он понимал, что если он сейчас не закричит, то чудище разорвет его на куски, он чувствовал, как дрожат и дергаются его губы, но вот наконец послышалось слабое подобие звука, и черноту пронзило что-то серое, и он понял, что уже давно пытается открыть глаза, целую вечность пытается открыть глаза, прежде чем когти чудища вырвут их... Внезапно свет появился снова, хотя и совсем не такой, как раньше, но все же это был свет, и он попытался пошевелиться, но не смог, попытался заговорить, но из его рта вылетали какие-то непонятные звуки. Сидевшая рядом медсестра заметила панику и страх в его глазах и улыбнулась. Все хорошо, сынок, ты в больнице. На осознание информации ушло время... Бесконечно много времени... Гарри попытался пошевелить губами. Медсестра мягко приложила к его губам кубик льда. Так легче? Гарри попытался кивнуть, однако у него ничего не получилось. Он поморгал. Она вытерла его лоб и лицо прохладной мокрой тряпочкой. Она видела, как из его глаз уходит страх и паника. Она улыбнулась, снова приложив кубик льда к его губам. Ты в больнице, сынок. Все хорошо. Медленно, очень болезненно, реальность ситуации стала доходить до его сознания, и он нашел в себе силы кивнуть, давая ей знать, что все понимает. Потом он вздрогнул: моя рука, моя рука — он едва не взвыл — болит ужасно. Я не могу ею даже пошевелить. Сестра продолжала вытирать пот с его лица прохладной, влажной тряпочкой: постарайся уснуть, сынок, боль скоро уйдет. Гарри смотрел на нее, ощущая прохладу и влагу, потом закрыл глаза и, уйдя в забытие, снова возвращался к борьбе с тьмой и чудищем во имя мечты о свете.

Первые недели Тайрон думал, что может умереть в любую минуту, но нередко боялся, что этого с ним не случится. По ночам он трясся от холода. Его кости болели, мышцы сводили судороги, от боли он сгибался пополам, боль в ногах практически сразу выдергивала его из коротких и жалких подобий сна, и он сворачивался в комок на жесткой кровати и, стуча зубами, молился о тепле, о том, чтобы пять утра никогда не наступило, потому что тогда ему снова придется вставать и снова работать двенадцать часов на укладке шоссе. Прежде чем скинуть его с кровати на пол, охранник смотрел на него, пожевываясь, потом смеялся: шевели задницей, *мальчик*, у тебя еще много работы, — и шел дальше по барaku, поднимая остальных заключенных на работы. Почти всю первую неделю Тайрон проходил согнувшись, ослабленный диареей и постоянными рвотными спазмами, хотя из пустого желудка не выходит ничего, кроме паутины горькой слюны вперемешку с желчью. Когда он, обессиленный, падал, охранник смеялся: что, *мальчик*, устал? Вон, смотри, другие негритосы

прекрасно себя чувствуют. Да что с тобой, *мальчик*, — хохотал он, толкая Тай-рона в подбородок носком ботинка, потом допивал свою колу и, вышвырнув пустую бутылку в канаву, поднимал его за шиворот на ноги, потом, схватив за горло, практически отрывал от земли: знаешь что, *мальчик*, нам не нравятся всякие черные нью-йоркские мозгоебы, ты понял меня, *мальчик*, а? Понял? Тайрон безвольно висел в руках охранника, дергаясь в спазмах. Тебя никто ведь не просил при-ежжать суда, а, *мальчик*? а? Что, не так? Мы не любим таких, как ты, и если ты когда-нибудь вернешься в свой Нью-Йорк, скажи остальным своим друзьям-негритосам, что мы не любим ваше племя. Ты слышал меня, *мальчик*! А? Ты меня слышал? У нас тут своих обезьян хватает, — охранник бросает косой взгляд на других заключенных, — и тут у нас все схвачено, и нам не нужны такие, как ты, заваливаете к нам и устраиваете свои разборки. Ты слышишь меня, *мальчик*! Слышишь? А?! Потом охранник отшвыривал Тайро-на, ухмылялся, сплевывал и ржал: спорим, ты хочешь меня пришить, а, *мальчик*! Спорим, ты бы с радостью проломил мне голову этой лопатой, не так ли, *мальчик*! Он снова сплевывал и ржал еще громче: вот что я сделаю, *мальчик*, я дам тебе шанс и повернусь к тебе спиной. Как тебе такой расклад, а, *мальчик*? Давай, *мальчик*, хватит валяться, как хнычущий трусливый раб, бля, поднимайся и ударь меня вот сюда, — он указывает на свой затылок, — это твой шанс, *мальчик*, и он поворачивается и видит свою длинную тень на земле и ни одной другой тени рядом, смеется и идет прочь, — давайте, давайте, работайте, шевелите своими черными жопами, не хера вам тут паяться, это вам не цирк какой-нибудь. Тайрон все еще лежит в канаве, пытаясь подняться и встать на колени, в его груди бушует ярость, ему так и хочется вырвать этому ублюдку язык и запихнуть ему в глотку, но он не в состоянии двинуться, и его сил хватает только на то, чтобы стоять на коленях, опираясь на лопату. Голова его болтается, тело сотрясают конвульсии.

Потом к нему подходит другой заключенный и помогает встать: полегче, брат. Тайрон, задыхаясь, проклиная этого белого ублюдка, но слова всасываются обратно в рот, когда очередной приступ конвульсий сотрясает его жалкое тело. Товарищ по несчастью снова помогает ему подняться, когда приступ проходит: выбрось это из головы, брат. Он снесет тебе башку из своего дробовика. Не ведись, и он от тебя отстанет. Так с помощью других заключенных Тайрону удалось прожить еще один день. Вернувшись в лагерь на закате дня, он тут же рухнул на кровать. Время от времени он проваливался в сон, но тело все равно продолжало доставлять ему мучения, потом ненадолго успокаивалось, и тогда ему снилось, что он снова маленький мальчик на руках у мамы, что его мучают колики и ему так хорошо у нее на руках. Он чувствовал ее дыхание на своем лице, такое приятное и мягкое, и немного щекочет нос, и на время он даже забывает, что у него болит животик, она дает ему ложку какого-то горького лекарства, и он качает головой: нет, нет, нет, — и отворачивает лицо, но она говорит таким сладким голосом, что он уже большой мальчик и что она гордится им, и ее улыбка такая ослепительная, что, кажется, у нее в глазах горят два солнышка, и он закрывает глаза и глотает горькое лекарство, и улыбка мамы становится еще шире и радостнее, и она прижимает своего мальчика к своей огромной груди и напевает, покачивая его, и он обнимает ее, обхватывая ее за бескрайнюю спину как можно крепче, и она поет так тихо, как те ангелы, о которых она ему рассказывала, и ему становится так хорошо, когда он слушает пение мамы, и он хочет спать, но вдруг, неожиданно, его животик пронзает резкая боль, и он снова начинает плакать: мама, мама, — и мама прижимает его еще сильнее, а ее платье впитывает слезы малыша, и Тайрон невольно дергается и вертится, когда боль и

слезы вытаскивают его из сна. Он открыл глаза, почти желая... надеясь... но только темнота окружала его. На короткую секунду в его сознании еще теплился образ матери, качающей его и напевающей колыбельную, но потом темнота поглотила все. Остался только звук слез, текущих по его щекам.

В конце концов спазмы и рвота прошли, вскоре он мог справляться с ежедневной работой при помощи других заключенных, и стал для охранников просто еще одним черножопым, и они отстали от него, позволив просто работать и без особых проблем отбывать срок, а по ночам Тайрон лежал на своей койке, думая о матери и сладкой теплоте ее дыхания.

1978

Больше книг на сайте - Knigolub.net